

Русский Амстердам

повесть

1. РЕЙС – НЕРУССКОЕ СЛОВО

А он все равно не верил.

Больше с интересом, чем с аппетитом выуживал из хрустящих прозрачных упаковок и пережевывал аэрофлотовский ужин – и радовался ужину. Наклонялся к иллюминатору, стараясь не разбудить дремавшего соседа (ну почему так несправедливо – спит всю дорогу, а кресло у иллюминатора досталось именно ему!) и пытался разглядеть в мутной темноте признаки ожившей географической карты – и радовался карте, оживавшей скорее в воображении, чем в иллюминаторе. Пытался угадать, когда именно они пересекут воздушную границу Советского Союза и объявят ли об этом по бортовому радио – и не угадал, а объявили только «пролетаем над Копенгагеном». Надо же – Копенгаген! А про границу, пожалуй, правильно не сказали – а то исторглось бы почти шутовское «ура» из десятка актерских глоток...

Да, он не верил. Сбоку слева все дремал этот несоветский сосед со своим диковинным аппаратом на коленях. Около часа назад он выудил из глубин замшевой сумки черный футлярчик, достал хитрый прибор, затем еще раз нырнул в сумку за плоской квадратной коробочкой с изысканно голой бабой и названием какой-то маловразумительной группы на обложке, вынул из нее маленький зеркальный диск всех цветов радуги и вставил в устройство. А потом надел наушники, откинулся и то ли уснул, то ли затащился.

– Компакт! – жарким шепотом справа отозвался Венька Савицкий, – ух, сила! Европа, мать!

Справа был Венька, но он-то не в счет.

А позади – очередь, несуразные поручения и прощания, как будто незамеченные два килограмма перевеса – всё консервы мамыны, будь они неладны; молодое, тупое и внимательное лицо в будке на паспортном контроле, да тюбики с зубной пастой и кремом для и после бритья – из-за них он зазвенел на контроле, и совсем про них забыл, и пришлось под бесстрастные взоры иностранной публики и подначки собратьев по театру разоблачаться перед сержантом, выкладывая из карманов на обозрение мыло, разговорник и всякую дребедень – и откуда только все это набралось? И солдаты с автоматами у входа в железный коридор (точно подкоп под железный занавес!), и вежливые стюардессы, и взлетные огни Шереметьева ...

А он – не мог поверить.

Почему, почему так круто? Ну как это так – их, да на гастроли? Театр-студию, непонятный гибрид, о котором неясно, как и говорить – он или она? Нечто, немного известное в узких кругах Садового кольца в Москве да Обводного канала в Питере? Конечно, конечно, гениальный, пробивной Сам, богатые да охочие до экзотики иностранцы...

И как так все это подвернулось – в Европу, да на горяченькое, к Рождеству западному, героями. Ведь обязательно будут объявлять перед спектаклем, что всем составом, да по первому зову, да на защиту демократии... Уж не по этому ли поводу и визу дали с запасом, на целый месяц?

Позади был тоскливый августовский дождик, горящие у неумелых баррикад костры, чахлая из-за садящихся батареек «Свобода», сцепившиеся за руки в нелепой противотанковой обороне люди.

– Ну чё, пацан, руки-то дрожат? Да не стесняйся, чё там.

– Уж скорее бы начинали, вот чего.

– Да начнут скоро, вон, объявляли только что.

А что, и начнут. И сомнут тогда баррикаду, и театр вот так же сомнут, только бы успеть увернуться из-под гусениц и Нинку вытолкнуть первой, а Самого, если придется – то и грудью закрыть, для искусства. Впрочем, в такой-то толчее – как увернешься, куда побежишь? Нет, вряд ли успеем. Ну, теперь уж как карта ляжет.

И вдруг – победители. Мы тусовались, тусовались, и победили.

А за иллюминатором! Разрединились облака, и земля проглянула четкими линиями огней и правильными фигурами освещенных пространств – геометрия прямо, а не география! А среди островков света – черный глухой проблеск воды, пятнами, полосками и тонкими линиями. Всюду, насколько было видно, вода пробиралась в сплетение огней и срасталась с ним странным узором, а где-то там, совсем с краю, огни пропадали и начиналась темная громада Северного моря.

И все это медленно поворачивалось, проплывало и уходило за крыло самолета, и вот уже быстрее – да и ближе, кстати – и пробудился от встряски сосед, и заерзал Венька. Вот оно, и толчок снизу, еще один – и в иллюминатор вбежали огоньки аэродрома, замедлились и отделились, а на их место торжественно въехал прямоугольник освещенного здания с главной, немыслимой и тарабарской надписью: **AMSTERDAM**.

Ночной аэропорт был чист, тих и светел. Заблудиться было невозможно даже неискушенному колхознику, и театр рассыпавшейся вереницей побрел в направлении неоновых стрелок. Перед стойкой паспортного контроля пришлось затормозить. В один проход устремлялись, слегка помахивая перед носом у пограничника европейскими паспортами, вальяжные дамы и господа, а у другого прохода выстроилась разноцветная очередь, держащая в потных ладонях корочки всех немыслимых государств и расцветок. Туда же и с нашими краснокожими. В маленьком загончике перед самой линией пересечения границы обреченно переминались три негра,

а еще один стоял перед таможенником, и тот безразлично листал его паспорт, такой же черный и потрепанный, как и его владелец. Взмахом руки он отправил негра в загончик и что-то сказал напарнику за соседней стойкой.

А что, если и их так? Но на полированную стойку лег первый серпасто-молоткастый, сверкнул и оставил свой отпечаток на визе пограничный штампель – «... декабря 1991 года» – и ласково кивнув, таможенник вновь сообщил что-то напарнику, но уже с явной теплотой в голосе: «Рюсланд».

Выполз на длинной извилистой гусенице и был расхвачан багаж. Тут же – гостеприимные тележки, и совсем бесплатно, ставьте, граждане приезжие, так удобнее. И – на выход, к таможене... По мере приближения – новые страхи: а ну как нельзя пять поллитровок, счастливо пронесенных в обман таможи советской? А запрятанные в глубины запасных трусов и лифчиков серебряные полтинники; а дедушкина коллекция марок между страницами детектива? Родину-то как иначе распродавать за свободно конвертируемую? Но у Саши – ничего такого, потому что нечего.

А на контроле – миловидная барышня в форме. Прямо перед Сашей с трудом толкала свои картонные коробки немолодая советская тетка. Барышня улыбнулась:

– Good evening, madam, what is this?¹

– А, это шмотки, шмотки, – не смутилась тетка.

– ОК! – новая улыбка и жест: проходите.

Шмотки так шмотки! Как не понять молодую демократию.

Сашу девица одарила улыбкой просто так, и вот вывалился он с потрепанной своей сумкой наружу, в суету встречающих.

А тут – куда же? Над толпой, над поцелуями и рукопожатиями вознесены несколько самодельных плакатиков: какой-то университет... ассоциация... А вот это приколы: “Petrovich A.I., Semjonovna S.G., Alfredovna D.L.” Наверно, европейцы, непривычные к нашей анкетной форме «фамилия-имя-отчество» приняли последнее в этой обойме начертание за фамилию, и будут теперь именоваться совграждане (уж не та ли тетка с коробками среди них?) не иначе, как мистер Петрович и миссис Семеновна. Да и поделом, пожалуй.

А вот и название театра! Собирается кучка вокруг богемного бородача, который тусовался у них этим летом два месяца, жмут руки, обнимаются, глядишь, и первая поллитра на свет вот-вот вылезет. Но нет: в машину!

Вежливо разлетаются стеклянные двери, бредут актеры с тяжелым своим скарбом по огромной бетонной стоянке... Вот и блестящий микроавтобус, распихали багаж, расселись – теперь-то уж место у окна досталось – и понеслась за окнами, не меньше сотни км в час, Голландия, провалы глухой темноты в разрывах фонарей и неоновой японской экспансии: SONY, TOSHIBA...

¹ Добрый вечер, мадам, что это? (англ.)

Что же это, правда – я за границей?

2. ЕВРОПА, ЗДРАВСТВУЙ!

Поселили, конечно, так себе. Но по нашим меркам – вполне сносная общага, к тому же в самом центре! Им досталась комната на четверых – конечно, вместе с Венькой, да еще двое ребят, но без чужих, это уже хорошо.

А Венька исчез прямо в ночь, как приехали. Пока Саня непривычно обминал чужой матрас под прохладной простыней и дисциплинированно боролся за сон на чужой земле, его друг – счастливый – бродил по неизвестному городу в центре Европы... А рядом безмятежно спали двое, словно им – что Амстердам, что Конотоп.

Утром Сане досталось его будить. Сбор труппы был назначен прямо в их общаге, в 12⁰⁰, что, конечно, в облом, и Венька натягивал на голову одеяло и вяло шевелил левой пяткой, оказавшейся на свободе в компенсацию за голову. Саня глотал баночную кильку в томате и время от времени тербил эту самую пятку, получая в ответ в лучшем случае – «убью, гад!» Без четверти настала пора решительных действий, и Савицкий с содранным после краткой борьбы одеялом капитулировал. Первые десять минут расспрашивать было явно бесполезно, но Веньку вдруг прорвало:

– Слушай... Нет, ты прикинь – вот так вот идешь, да – витрины, витрины, витрины, а в них ...– вся фигура Веньки изогнулась: пластичная рука, кокетливое подрагивание бедер и дебильная на заспанной физиономии улыбка не оставляли сомнений насчет того, что было в витринах.

– Девки! – выдохнул Венька.

– Серьезно, что ли? Прямо так?

– Ну, пошли, покажу, тут рядом совсем... А, сбор... Ну да, потом. И вообще, конечно, посмотрел. Дворец королевский, корабли там, каналы, все такое... Это тебе не Речь Посполита, панове!

Венька уже бывал за границей – но только челноком, в Варшаве. Собственно, с того и жил, играя вечерами по подвалам у Самого. Один из немногих оставшихся первых мальчиков, не очень талантливый, но слишком преданный ученик – он так и просуществовал все недолгие годы их студии, а потом театра-студии, на второстепенных ролях по ту сторону кулис и в качестве неизменного участника всех главных событий – по эту, актерскую сторону.

На сбор они, конечно, опоздали, но не настолько, чтобы это было замечено. Сам произнес краткое поздравление господам актерам в связи с началом первых настоящих гастролей и пространное напутствие о личной ответственности за судьбу российского театра на международной арене, затем перешел к уточненной программе. Играть им предстояло не так уж и много, но довольно хлопотно – на разных сценах и в разных городках, причем на подготовку иногда оставался только кусочек дня между утренним приездом и вечерним спектаклем. Словом,

концертные условия для настоящих спектаклей, и это при сверхзадаче заставить старушку-Европу заговорить о них. Довольно странный был расклад аудитории – студенты, дом престарелых, еще какие-то малопонятные сборища. Словом, халтурка по провинциальным домам культуры, вот только за границей.

Зато предстояло поехать по стране. Ради этого Саня был готов терпеть и все неудобства, тем более, что в географическом списке неожиданно вырисовалась Бельгия. Благо, визы для всего Бенилюкса единые.

Бородатый голландец молча и одобрительно кивал головой, кое-как понимая по-русски, а больше делая вид, и создавал эффект присутствия принимающей стороны. Но, ничего, кроме протокольного приветствия, на его долю так и не выпало.

Для заключительной части Сам мудро передал слово Татьяне Акоповне, и та грудным сладострастным голосом обрисовала общую картину предстоящего шоппинга – где, что, почему. Выходило, что можно найти не так уж и мало и не так уж и дорого. Учитывая суровый режим оплаты и практически полное отсутствие суточных, это было очень здорово. Венька заранее приготовился купить подержанные жигули, с тем и привез сколоченную в Польше пачечку зеленых. Сане, конечно, до такого роскошества было далеко, но вот доступность кожаных курток его немало порадовала.

Сбор кончился достаточно быстро. Первый спектакль был только завтра, в университетском театре, на репетицию им отвели одно завтрашнее утро, и сегодня запарка предстояла осветителю, звукотехнику и, разумеется, Самому.

А день принадлежал актерам.

Веня пошел в комнату завтракать консервами, а Саня прихватил Лешу и Нину – и они спустились по крутой лесенке, толкнули тяжелую темную дверь и вышли в город.

До конца своих дней он будет вспоминать этот выход в столицу Королевства Нидерландов. Как рассказать о нем человеку, никогда не попадавшему из промозглой декабрьской Москвы в серую и ветреную голландскую зиму – точнее говоря, в голландскую осень, которая просто сделалась в декабре не такой ненастной и ждет февраля, чтобы смениться голландской весной? Этот мир полутонов серого цвета, ветра и морозящего дождя, сиротливых голых деревьев и влажной мостовой, легких курток с капюшонами и высоких длинноногих девушек...

Как передать тому, кто не попадал из нашего привычного совкового и постсоветского пространства, из наших хрущоб и черемушек в этот мир узких каналов и горбатых мостиков, ровных острых крыш с завитушками по бокам и прозрачных буржуазных окон под ними? В первой же лавочке Саня купил карту города. Съев немножко валюты, она дала им свободу передвижений. Амстердам лежал на ней мозаикой разлинованных клочков земли между причудливых линий каналов. Северной частью он прилегал к неведомому заливу – то ли морю, то ли реке с

причудливым названием II. Едва они развернули этот пестрый ковер, к ним подошел пожилой господин с палочкой, и сходу по-английски слепил пару простеньких фраз, а потом, не мудрствуя, ткнул пальцем: *You are here*², – хотя его вроде и не просили, и побрел себе дальше. Оказалось, они были почти в самом центре, немного к западу. Расстояния выходили крошечными: сантиметр на карте – квартал на местности, и они все ходили и ходили по центру... С загадочного залива дул пробирающий ветер, но словно и не было холодно.

И еще – как описать тому, кто не покидал впопыхах Москву, матерящуюся по очередям конца 1991-го года, ради города, где еда в магазине – не пожарный набат, а симфония Моцарта?

Нинка торчала у каждой, буквально у каждой витрины. В сырную лавку они все-таки вошли внутрь, и горько пожалели. На полках красовалось то, что в Союзе давно утратило множественное число – там лежали *сыры*. Невозможно было даже обозреть все сорта, не то что выбрать. Продавец о чем-то спросил их, тут же сам перешел на английский, и Нинке не оставалось ничего другого, как схватить первый попавшийся кусок и обреченно протянуть продавцу – этот!

– *Anders noch iets? Something else?*³ – осведомился продавец. Ну, ясно: «чего еще изволите».

– Ой, не надо, – с ужасом ответила Нинка по-русски и выскочила из магазина.

Как объяснить, что такое Европа?

Не так уж много их и было в этом городе, но со своими довелось встретиться дважды. Первой была Татьяна Акоповна, уже приступившая к шопингу – она выходила с разноцветным пакетом из какого-то универмага. Они, пожалуй, не прочь были бы зайти туда тоже, но на первый день это было бы слишком. Да и купленный сыр болтался крохотным пакетиком на руке у Нинки как безмолвный упрек в растрате пяти гильденов сорока пяти центов.

Вторым был, конечно, Венька. Леша увлек их на тихий поэтический канал с невероятно длинным названием, и они шли по узкой полоске булыжника между водой и домами, как вдруг перед ними вдали возникла необычная картинка. Напротив невидимой им витрины стоял и счастливо распускал слюни всклокоченный человек, и этим человеком был Венька. У чугунного столбика метрах в трех от него примостились двое голландских мальчишек лет по десять, бесстыдно хихикали и показывали на него пальцем, но сами к витрине не подходили. Венька так и не заметил своих, пока не столкнулись вплотную – а из витрин глазело кокетливо прикрытое, толстенькое и нагловатое тело. Больше всех смутился почему-то именно Саша, а Венька рассмеялся счастьем первооткрывателя:

– Ну где еще русским в Европе встретиться, как не у борделя? Саня, я ж тебе рассказывал, вот же они. А вот там еще дворец королевский, видели? А на заливе были уже?

Нинка обронила с видом принцессы:

² Вы находитесь здесь. (*англ.*)

– Ну что, мальчики, ко дворцу пойдём или тут посмотрите?

– Да ла-адно, – отпарировал Венька, – смотреть-то не на что, страшные они. Да и дворец тоже не Эрмитаж, так себе. А на залив сходите, там корабль клевый, старинный.

И они пошли на залив. Ветер усилился, пробирал насквозь, но и они не сдавались. Леша обнял продрогшую Нинку, и стало ясно, что в калейдоскопе актерских романов возникает новое сочетание.

Скученность домов распахнулась навстречу воде и небу, и перед ними встали тонкие вертикальные линии мачт, а чуть позже, за оживленной магистралью, на пространстве серой незамерзшей воды – легкие контуры яхт, и в отдалении – огромный парусный корабль, пиратский фрегат из мальчишеских снов.

И тут Саша – поверил.

А потом они все-таки замерзли и в маленьком угловом кафе пили горячий и прекрасный капучино, не решаясь на что-нибудь съестное, а за окном все ярче и призывней разгорался неон, и они поняли, что там уже стемнело.

И пешком обратно, извиваясь пальцем по карте и путаясь в сумасбродных названиях улиц, шараясь в проулках от шальных велосипедистов и вновь застревая у больших витрин. Ноги гудели, озноб во всем теле все явственнее грозил отозваться простудой, но глаза снова и снова требовали Европы, и невозможно было им отказать.

Они шли и глазели, голодные, замерзшие и счастливые.

3. НЕПЛОХО ДЛЯ НАЧАЛА

На следующий день утром был прогон, а вечером – первый спектакль. Они привезли с собой две вещи, очень разные и призванные представить собой два полюса современного русского театра – чеховского «Дядю Ваню» и «Орфея и Евридику», инсценировку поэмы некоего латыша, имя которого одни не могли правильно выговорить, а другие – вспомнить. Но поэма была славна именем переводчика – Даниэль, как гласило предание, сидел с автором в одном лагере и там от тоски взялся ее перевести. Поэтому пьеса получилась как бы произведением Даниэля и о Даниэле, стало быть – о диссидентстве вообще.

Первым шел «Дядя Ваня». Не имея мхатовского блеска и традиций, их театр неизбежно должен был стать противоположностью – отталкиваясь от Смоктуновского, подкупать «совершенно новым», как это называлось в критических эссе, «прочтением», хотя не вполне понятно, что же это такое – прочитать классическую пьесу так, как никто до тебя. Саше-то казалось, что прочитали они ее просто так, как случилось прочитать вдвоем за бутылкой Самому с Первым.

³ Что-нибудь еще? (нидерл., англ.)

Сам он всегда был – Сам С Усам. В меру талантлив и в меру удачлив, в меру осторожен и в меру диссидент, он с задорных шестидесятых сумел сохранить и пыл, и активность, и убеждения, и умел все это прекрасно вписывать в «нашу прозу с ее безобразием», как говорил Пастернак. Будь у него дворянский герб, он начертал бы на нем один лозунг: самодостаточность. Ни слава, ни карьера, ни деньги не имели для него никакого значения в сравнении с возможностью делать то, что он считает нужным, причем именно тогда и так, когда и как он считает нужным. Не худшее качество для режиссера, хотя и утомительное порой для актеров. Театр-студия принципиально не могла принести ни широкой известности, ни денег, да собственно, ничего, кроме огромных возможностей для самореализации. Но они любили его, а он любил их – а это уже немалая редкость в театральном мире. Пусть порой и странною любовью...

А Первый, неразрывный спутник и заклятый друг Самого, был, если честно, не первым – единственным. Прослужив два десятка лет в академическом театре на вечных вторых ролях, он в момент крутых разборок между тамошними первыми не выдержал и ушел в подвалы к Самому. Только он в этих подвалах обладал школой и опытом, только он выпивал со всеми звездами экрана и, судя по его рассказам, добрую половину из них подменял на сцене во дни киносъемок и запоев. Только он сумел вспомнить и примерить знаменитое цезаревское «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме» и ушел с головой в эту их деревню, распушив в полном блеске свой собственный талант – разумеется, так и не оцененный за годы верного служения академическому театру.

«Дяде Ване» не требовалось столь сложной сценографии, как музыкальным «Орфею и Евридике», поэтому неутомимый Сам лихо махнул на «Дядю» рукой и взялся за обкатку «Орфея». Сцена была удобная и прогон шел легко. Саша сам пел довольно плохо и поэтому в «Орфее» только проплывал несколько раз на заднем плане какой-то аллегорией. Пели другие, в первую очередь Леша и Нинка, у которых это действительно здорово получалось – Орфей и Евридика.

Диссидентство латыша простиралось даже на классическую мифологию, с которой он был явно несогласен, поэтому у него Евридика спускалась в Аид (читай – лагерь), чтобы вывести оттуда Орфея (читай – Даниэля). Поэма была так себе, но Сам вдвоем с подвальным рок-композитором и певцом Сережей сочинили музыку, и, что самое главное, сумели подобрать эту музыку к конкретным людям, заставить ее зазвучать в них, нашли скромный реквизит и яркую одежду. Словом, сделали за полгода конфетку, а потом еще и около года домучивали спектакль уже на сцене, приводя филигранность постановки в соответствие с грубостью наличного материала – то одна отправлялась в декрет, то у другого садился голос, а то и просто «не шло». Но в Европу повезли спектакль уже в том состоянии, когда улучшать нельзя – потенциальные возможности труппы исчерпаны, люди разыгрались, но еще не устали, публика еще не исчерпалась и не успела безнадежно помолодеть и измениться.

Быстренько отстрелявшись на прогоне, Саша хотел было улизнуть бродить по городу до вечера, но Сам вовремя отловил его:

– Слушай, ты ведь с английским?

– Ну так, со школы...

– Ну ты можешь, я помню. В общем, после спектакля намечена встреча, так что давай подумаем, как и что.

– Вы же хорошо по-английски, Юлий Ива...

– Да я-то да, а вот вы – как? Кроме меня и Первого, только ты более-менее сечешь. Так что давай, – и с ходу была составлена краткая программа импровизации, рассказа о театре и московской околобогемной молодежи, чтоб не стыдно было.

И только потом Саше были дарованы еще три-четыре часа – снова погрузиться в Амстердам. На сей раз в одиночестве: нашел на карте Самый Большой Музей – Rijksmuseum – и потратил целую десятку... А в общем-то, Венька прав, с Эрмитажем не сравнить. Лучше бы еще по улицам побродил...

Спектакль пошел хорошо, по накатанному. Узость сцены заставила чуть-чуть упростить сценографию, приходилось немножко меньше двигаться, но в целом рисунок сохранился. Саша играл Астрова – роль явно не по возрасту, но на эту проблему в их театре смотрели широко. Саша лепил из Астрова энергичного, несколько потрепанного и самовлюбленного специалиста, каким ему и самому, пожалуй, хотелось бы стать, не будь он актером.

Войницкий в исполнении Первого был неожиданно комедиен – в этом и состояла главная новизна прочтения, принесшая их постановке некоторую славу. Серебрякова играл довольно талантливый актер несчастливой судьбы, еще не старый и еврей, что придавало спектаклю странный националистический привкус, который явно не был задуман ни Самим, ни тем более Чеховым.

Аплодировали мощно. Как ни трудно разгадать смысл реакции иноязычного и инокультурного зала, но на этот раз было видно, что их приняли.

А после спектакля их всех пригласили задержаться в небольшом зале в том же помещении студенческого театра Амстердамского университета. Туда прошла и немалая часть зрителей, как-то моментально образовался фуршет, и едва актеры с удовольствием принялись выпивать и закусывать, как над собранием возвысилась некая невзрачная фигура и на неплохом русском языке начала речь: «Дами и господа! Ми ради приветствовать в стйенах нашего униферситейта исфйестный москофский театр»... – и дальше много такого, что даже Сам о них бы не сказал, не то что они о себе. Впрочем, к застолью перешли довольно быстро.

Оказалось, что все Сашины приготовления к пытке английским были напрасны – большинство присутствующих неожиданно заговорили по-русски. В основном это были студенты-

русисты, их преподаватели и бывшие жители Союза. Впрочем, эти категории, как оказалось, часто пересекались. Рядом с Сашей пристроился статный парень, поднес ему к водке кусочек соленого огурца, выразил свою благодарность за спектакль. Через несколько фраз Саша спросил:

- А ты сам здесь давно?
- В университете?
- Нет, в Голландии?
- С пяти лет. До этого мы с родителями жили в Суринаме.
- Ну?! А зовут тебя – ?
- Ян ван дер Велд. Можно – Ваня.
- Ян ван...
- ван дер Велд. Просто Ваня, больше ничего не надо. А тебя как?
- Да меня-то Саша... Я думал, ты русский...

Этот высокий парень с нордически-вытянутым овалом лица и явно неславянскими чертами говорил по-русски не то что без акцента – а именно что с московским выговором, как на нашей кухне. Нет, ну надо же! Он, правда, учился пару лет в России, но чтоб так...

Впрочем, пока что разговор с ним особенно не состоялся, и Сашино внимание привлекли женщины справа. Тут же одна из них, русская дама лет 30-ти в роскошном платье принялась объяснять, что все они ничего не понимают в Чехове, и что вообще все они совки (и спорить было бесполезно), но от нее удалось скрыться в укромный угол.

И тут к Саше подошла высокая миловидная девушка со светлыми волосами и приятно улыбнулась:

- Hoi! English, Français, Deutsch?
- English is better. I do not speak French, only know some words. Nein Deutsch!⁴

(И все-таки придется напрячься, подумал Саша, – а говорю-то совсем неуклюже, не по-английски как-то!)

- OK. I want to thank you for the performance – I really enjoyed it.
- Thank you.
- Your Astrov was magnificent – a real Russian, as you call it, intelligent.
- Do you think so? I thought that Voinitsky is more typical.
- Why, I didn't like the way his part was played tonight.
- You didn't like what? – не понял Саша.
- The actor, the way he did it.
- Oh, he is a star...

⁴ – Привет! Английский, французский, немецкий?

– Лучше английский. Я не говорю по-французски, только знаю несколько слов. Нет немецкий! (*нидерл., англ., франц., нем.*)

– Really?

– Certainly.

– Honestly, I liked your acting better.⁵

Такая лесть была Саше уже не по зубам. Что хорошо – ладно, но чтобы лучше Первого...

– Oh, thank you very much... I don't know...

– Are you playing a role tomorrow too?

– Yes, but very small.

By the way, my name is Ingrid⁶ – и изящно протянутая ладонь. Эта девчонка и сама неплохая актриса!

– And my name is Alexander, Sasha.⁷

Знакомство состоялось. А потом было еще много суетливых разговоров и бурных знакомств, по большей части не оставлявших в памяти ничего, кроме имени, да и то смутно. Саша перемещался от выпивки к выпивке и от закуски к закуске. И то, и другое не могло задерживаться на актерском фуршете, стол скоро оскудел, и общество начало расходиться. И когда уже и Саша направился в сторону выхода, его перехватила Ингрид:

– We're having a party next evening not far from here. Would you like to join us after the performance?

– Yes, gladly. Thank you. Isn't it too late?

– Not at all. You'll be just in time. Shall I ask Jan to accompany you after the performance?

– Jan?..

– Jan van der Weld. He's going to be there too.

– Yes, Thank you.

– OK. See you tomorrow!

– Good bye.

– Bye-bye!⁸

⁵ – Отлично. Я хотела поблагодарить вас за спектакль – мне очень понравилось.

– Спасибо.

– Ваш Астров был великолепен – настоящий русский, как вы это называете, интеллигент.

– Вы серьезно? Мне кажется, Войницкий более типичен.

– Ну нет, мне не понравилось сегодняшнее исполнение этой роли.

– Что не понравилось?

– Актер, его манера.

– Но ведь он звезда...

– Да?

– Ну конечно.

– Честно говоря, мне больше понравилась ваша игра. *(англ.)*

⁶ – Ну что вы, спасибо вам большое...

– Завтра вы тоже играете?

– Да, но очень маленькую роль.

– Кстати, меня зовут Ингрид. *(англ.)*

⁷ – Меня зовут Александр, Саша. *(англ.)*

⁸ – Завтра у нас будет вечеринка, здесь неподалеку. Не хотите присоединиться после спектакля?

Вечер как нельзя более удачно завершился приглашением на новую вечеринку. И девчонка очень даже симпатичная! И, как ни стыдно в этом признаваться, можно будет пожрать и выпить на халяву... Не все же мамиными консервами питаться. А о том, чтобы драгоценную валюту тратить на еду, страшно и подумать. Вот, проходили тут мимо кафешки: меню «всего» за 25 гульденов! Это же... да... долларов 15... а в рублях это будет... в общем, целое состояние за какой-то комплексный обед! Словом, спасибо тебе, Ингрид.

Правда, на обратном пути Савицкий, который приглашения не получил, прожужжал все уши, что свинством было с его стороны не добиться приглашения на вечер с вином и девочками для лучшего друга. Саня отшучивался про незваного-гостя-хуже-татарина (у Веньки дед был из Казани) и насчет того, что с Венькиной-то рожей да в Европы... Не упустил и козырнуть похвалой: выше Первого оценили! А насчет лучшего друга, усмехнулся он при этом про себя, – ведь и правда, пожалуй.

4. НАЕДИНЕ С СОБОЙ И С ЗАГРАНИЦЕЙ

Утро третьего голландского дня было чистым и солнечным, впервые за все это время. Саша уже твердо помнил не только дорогу от общаги до театра, но и все ответвления – канальчики, лавочки, подворотни. Вышел на узкую торговую Калверстрат, сотканную из маленьких лавочек и супермаркетов. Здесь у домов как будто не было стен, а только распахнутые двери и витрины, и они засасывали, как омут – выйдя из магазина, он не всегда помнил, откуда в него зашел и часто направлялся в обратную сторону, пока вдруг не замечал, что здесь он уже проходил. К концу пути Саша был обременен поношенной кожаной курткой всего за полсотни гульденов, несколькими парами носков, деталями дамского туалета для мамы, да и еще какой-то дрянью, которую он потом не без удивления рассматривал у себя в номере.

Куртка была кофейно-коричневой и казалась почти новой. Ближайшие несколько дней они с Венькой занимались поиском скрытых дефектов, а с Нинкой – поиском путей к их устранению. Выходило, что все прорехи в подкладке можно залатать, а главное, куртка прекрасно сидела и хорошо защищала от ветра, воды и холода одновременно.

Параллельно Калверстрат шел величественный проспект с двойным именем – Дамрак-Рокин, исполненный неторопливого достоинства, туристических агентств и сувенирных магазинов. Зашел Саша и туда. В первом же сувенирном стал набирать ерунды для родни и приятелей – и оказалось,

-
- С удовольствием. Спасибо. Это не слишком поздно?
 - Ничуть. Как раз вовремя. Может, попросить Яна проводить вас после спектакля?
 - Яна...?
 - Яна ван дер Велда. Он тоже придет.
 - Да, спасибо.
 - Отлично. До завтра!
 - До свидания.
 - Пока! (*англ.*)

что при всем внешнем разнообразии выбор крайне невелик. Несколько видовых открыток, пара фарфоровых домиков – все это как-то еще годилось, а основная масса сувениров была явно рассчитана на всеядных американцев: что-то в стиле родных слоников на комод, только на тему мельниц, каналов, деревянных башмаков и, для разнообразия, мужских половых органов.

Впрочем, хватит на сегодня шоппинга. Захотелось вжиться в текущую мимо толпу, словно он сам себе задал такой вот этюд на актерское мастерство. Вот выходят из шикарного кафе две богатые старушки, блистательные и ухоженные леди с неизгладимой печатью банковского счета на лицах. Несется и хохочет стайка нагловатых, но незлых мальчишек-подростков, кажется, среди них и одна девчонка – а впрочем, у них и не разберешь. Деловая дама выпархивает из неверно припаркованной машины и бросается в чрево какого-то туристического заведения, а машина остается ждать, лживо мигая поворотниками прямо посреди мостовой... Что, что в них особенного? Почему они не такие, как мы?

Выдернулась из толпы рука в шевиотовом пальто, махнула Саше – пожилой господин чем-то интересовался. Оставалось только спросить:

– Do you speak English, sir?

– Yes. I asked you where's a bus stop.

– Sorry, I don't know. I'm a stranger here.

– Are you from England?⁹ (о, какая незаслуженная лесть для Сашиного английского!)

– No, I'm from Russia.

– Ru-sha? where's it?

– Moscow, Soviet Union.

– Oh, Rusland! Mikhail Gorbachev! To-va-rish Yeltzin! Gorbachev is a good man. He is better than Stalin. Stalin was a killer, I know. Do you agree?

– Of course. Sorry, I've no time¹⁰ – Саша выматерился по-русски и быстро зашагал прочь.

Так какие они, какие? И какой – я сам?

Если честно – Саня и сам не знал, почему стал актером. Благополучный московский мальчик, единственный сын в средней семье того круга, что звался (и поделом!) советской интеллигенцией, он довольно рано начал ощущать свою «инаковость», и эту инаковость в нем, в

⁹ – Господин, вы говорите по-английски?

– Да. Я спросил вас, где автобусная остановка.

– Простите, не знаю. Я нездешний.

– Вы из Англии? (англ.)

¹⁰ – Нет, я из России.

– Ра-си? Это где?

– Москва, Советский Союз.

– Ах, Рюсланд! Микаил Горбачев! То-ва-риш Йелтцин! Горбачев хороший человек. Он лучше Сталина. Сталин был убийцей, я знаю. Вы согласны?

– Конечно. Простите, у меня нет времени. (англ.)

отличие от большинства детей, так и не заглушили. Его не обошел стороной положенный набор занятий – языки, музыка и теннис, – но ничего из этого так и не закрепилось всерьез. Уже в старших классах стало понятно, к чему лежала душа и мозги: математика. Пошли районные и городские олимпиады, на горизонте бесспорно маячил мехмат МГУ и уже нащупывался некоторый блат.

Когда Саше было пятнадцать, от внезапного инфаркта умер отец, заместитель главного редактора одной из московских газет. Оказалось, что налаженность этой жизни зависела почти исключительно от его высокого положения, и все прежние двери не то чтобы резко захлопнулись, но как-то вяло открывались, давая четко понять: по старой памяти, из уважения к покойному пока что можете обращаться, молодой человек. И Саша решил по-американски стать *self-made man*,¹¹ не рассчитывая на милостивую протекцию “друзей отца”.

В 16 лет он пришел к Самому впервые, еще в государственный театр – приятель пригласил. Потом уже за кулисами, как-то в шутку попробовал повторить один эпизод из его роли – и эта шутка не осталась просто шуткой ни для Саши, ни для Самого, который случайно стал свидетелем. А дальше был уход Самого и всей его компании в многообещающую неизвестность, романтика перестроечных подвалов и болезненная влюбленность Саши в несуразную их студию и, наконец, всего через неделю после окончания школы – первый выход на сцену со словами – кажется, всего четыремь.

А по другую сторону занавеса... он не прошел в первый раз на мехмат по недобору баллов и во второй раз – прошел с тремя пятерками и одной четверкой. Отучился два курса и ушел в какой-то странный академ по липовой справке об экзотической болезни в преддверии блистательного провала сессии. Вгрызался зубами в программирование и вылавливал по знакомым конторам свободные компьютерные часы, как правило, ночные и нелегальные. Подрабатывал всеми пристойными способами и добился материального самообеспечения .

Его академ завершился, он даже что-то успел сдать из угрожавшей отчислением сессии – но на все не хватало ни времени, ни желания, и он решился просить второй академ. Это оформили уже как отчисление с правом восстановления, и так было честнее и приятнее: захочу – вернусь, захочу – нет. Тем более, что знакомые девчонки в деканате устроили так, что районный военкомат по-прежнему числил Сашу среди студентов. Долго так продолжаться не могло, но передышка была дана. И с течением времени Саша все яснее сознавал, что возвращаться он уже вряд ли захочет. Только пока не надо говорить об этом маме.

А по эту, главную сторону... Он явно не вписывался в то, что должно было считаться образцом актерства. Впрочем, как и весь их театр. Еще на заре сценической карьеры он однажды

¹¹ человек, сделавший себя сам (англ.)

беседовал с дальней маминой родственницей, бывшей актрисой доброй дюжины областных драмтеатров.

– Ты – актер? – говорила она тогда, – ну что ты. Возможно, ты смог бы стать неплохим режиссером.

– Почему так? – удивлялся Саша.

– Понимаешь, актер... Это когда тебе на репетиции говорят: стань кверху жопой! – и ты сразу: вот так, да? Или так лучше? И стал. А ведь ты тут же задумаешься: зачем это кверху жопой? Может, как-то иначе? А вот это уж дело режиссера.

Приговор оказался не только доходчивым по форме, но и справедливым по содержанию. Саша играл неплохо, но до краев был налит какой-то вымученной серьезностью – а этого Сам не любил. Да и школы никакой у него не было – а что такое талант без шлифовки? Можно было, конечно, промаяться, поступить в театральное, конечно, при поддержке Самого... Но ведь – не было у Щукина щукинского диплома, не было и мхатовского у первых мхатовцев. К чему – скучные, обрыдливые еще по мехмату лекции, если можно – просто играть?

И он играл, и пару раз был отмечен рецензиями, многократно – Самим и захожими околотеатральными друзьями. И все-таки пока не было ни одного главного, безусловного признания, чтобы Саша понял – он актер. Он сознавал, что талантлив, иногда, как и всякий актер, не отказывал себе в удовольствии помечтать о своей гениальности – но состоится ли все это на подмостках? Что он был не математик – уже ясно, его обычное юношеское стихотворство тоже не сулило ему стать в один ряд с Пушкиным, а вот на сцене – как?

И эта невыясненность подстегивала, гнала на репетиции по чердакам и квартирам и на премьеры по убогим клубам и дворцам культуры, заставляла улавливать во вздорных иной раз требованиях Самого («встань кверху жопой») то неуловимое и существенное, что делало Самого – Самим, а его исполнителей – актерами. Но тот главный актерский стержень, который Саша должен был в себе обнаружить – или уйти со сцены – пока никак не удавалось нащупать. Многообещающий мальчик... А дальше-то что?

Ну а пока – бегом на репетицию, не опоздать бы! Потом еще погулять можно будет, до спектакля. И вообще, репетиции на первых зарубежных гастролях – изощренная китайская пытка. «Есть такое слово “надо”», а не будь его – все они в полном составе разбежались бы в разные стороны, включая Самого...

5. БЕЛОРУССКАЯ ЧАЩА

Спектакль в тот вечер казался неожиданно долгим, но ускорить его Саша был не в силах. Во-первых, в «Евридике» он был почти статистом, а во-вторых, время окончания спектакля, как

известно, зависит не от скорости подачи реплик, а от неких мистических причин, которые актерам не дано разгадать.

У выхода его уже ждал Ян, и Саша бросил Веньке в ответ на недоуменно-обиженный взгляд:

– Ну, давай. До вечера.

– Да уж небось до утра, – парировал Венька.

Оказалось, что помимо Саши приглашены были Нинка, Леша и рок-певец Сережа, который и заведовал музыкальной частью «Евридики». Хотели позвать и Первого, но тот собрался посидеть втроем с Самим и голландским бородачом – по хорошо усвоенной гастрольной традиции они отдыхали за русской водкой от многохлопотных семей, которые у всех троих были к тому же не первыми по счету.

Вечеринка проходила совсем неподалеку, в однокомнатной квартире, совсем небогатой и вполне во вкусе московских студенческих берлог, даже и с горкой пустых бутылок на балконе. Саша так и не понял до конца, чья была квартира и в честь чего торжество. Народу было помимо них человек пятнадцать или даже больше – довольно тесно, и вечеринка была в самом разгаре.

Сережа – единственный из всех наших – оказался достаточно догадлив и богат, чтобы принести бутылку вина. Ее и подарили как бы от всех русских. Добропорядочный Ян тоже запасся бутылкой, и обе они влились в пеструю толпу напитков на низеньком столике.

Компания, к огорчению советских гостей, не ела, а лишь закусывала. Впрочем, соленые орешки, маслины и прочая мелочь не шла ни в какое сравнение с российской закусью. Им вручили бокалы, велели наливать себе самим (приказ исполнялся неукоснительно) и постепенно представили обществу.

Саша, как и полагается, начал с пива, но и вино решил не упускать из поля зрения. Впрочем, не успел он перейти от «де Конинк» к «Божоле Нуво», как некий господин средних лет вовлек русских в разговор на их родном языке:

– Господа, а как вы относитесь к распаду Советского Союза?

– Да пусть распадается, – махнул рукой уже душевно принявший Леша, – ну его, надоел.

– То есть вы одобряете создание се-не-ге?

– Одобрямс, как водится, – кивнул Леша, – а чё это?

– Как, вы не знаете?

– Да и в самом деле – что же это такое?

– Я в Таиланде был, вернулся совсем недавно, – мягкой и как бы извиняющейся улыбкой отозвался Сережа.

А, это Ельцин с Кравчуком и с этим белорусом что-то придумали вместо горбачевского Союза суверенных республик, – кивнула Нина.

– Да, да, – ухватился господин, – белобрыс... белорус был Шушкевич. Они собрались в... Белорусской Чаще, так, кажется... и объявили, что СССР больше нет.

– Нет, кроме шуток?! – до Саши наконец-то дошло.

– Это так. Теперь они сделали – это называется... Содружество независимых государств. Три славянские республики.

– Без чурбанов?

– Как-как? – не понял господин.

– Ну, Средняя Азия, братские народы, хрен им в редьку, – пояснил Леша.

– Нет, – лицо господина еще больше вытянулось от непонятого, но очевидного расизма этих милых русских, – только Россия, Украина и Белоруссия. Столица в Минске.

– Во-во, туда их, министров обделанных, – обрадовался Леша.

– Мальчики, в Молдавии такие фрукты... и вино такое домашнее бывает... Изабелла... – размечталась Нинка, – это что, уже заграница?

– Ну. Считай, Румыния.

Господин сидел молча и несколько подавлено, не понимая реакции русских на развал последней в мире империи.

– Господа, но вам... не жаль?

– Горбатого? – угадала Нинка, – знаете, такой анекдот: Шарапов с Жегловым разоблачают «Черную кошку»...

– Нин, да откуда ему, тут ведь не показывали.

– Да, а жаль. Не худшая роль Высоцкого. И такая неожиданная.

Господин подобрал спасательный круг и стал говорить о бардах и загадочной русской душе.

Но ему не дали. Саша неожиданно резко встал, даже в нарушение этикета:

– Ребята, надо выпить. За конец прекрасной эпохи.

– Стоя, не чокаясь, – поддержал Леша.

– Да, конечно! (Сережа)

– Мальчики, там бордо... (Нинка)

– Who's commemoration?¹² – донеслось из англоязычного угла.

– Sowjetunie,¹³ – ответили из голландского.

И люди начали – почти всерьез – подниматься. Огромный негр-американец безукоризненно точно и красиво запел без слов мелодию советского гимна.

Все стояли. Они вчетвером подняли бордовые бокалы под мелодию, поднадоевшую за всю предшествующую жизнь и тихо скончавшуюся несколько дней назад, пока они паковали чемоданы

¹² Кого поминаем? (англ.)

¹³ Советский Союз. (нидерл.)

и не обращали внимания на телевизор... У кого было налито – присоединились, а остальным уже было бы неудобно булькать под траурный тост.

Хохма перестала быть хохмой. Смущенные, они сели.

– Да что вы, ребята, – озираясь, пробормотал Леша, – это ж так. It's a joke...

– Сергей, а вы споете нам? – неожиданно вступила из другой половины комнаты девушка с тонкими чертами лица, каштановыми волосами и резким голландским акцентом, делавшим из слова «вы» что-то похожее на «фю».

И Сережа взял как бы случайно принесенную гитару, подобрал ослабевшую струну, чуть-чуть разыгрался и запел:

Над твердью голубой

есть город золотой...

Он пел не очень долго и принят был с большим энтузиазмом, особенно голландской частью компании, которой тут же стал объяснять, что на самом деле песня-то не Гребенщикова, а Леша Хвостенко, да Леша уже и сам об этом слабо помнит, а Гребенщиков поет ее не вполне правильно. Голландцы слушали и делали вид, будто знают, кто такие Гребенщиков и Хвостенко.

Вечеринка снова распалась на маленькие группы; опустошались бутылки и темы разговоров, но тут же предлагались новые, и Саша, отяжелев после долгого дня и изрядного количества бордо, вяло переключался с бокала на бокал и с человека на человека, не принимая участия в броуновском движении гостей по тесной квартирке.

Пришлось немного порассуждать о проблемах русского театра, похвастать баррикадной романтикой августа, живописать пустынность московских магазинов и тут же заверить, что возврата к старому «нормальные люди не хотят». Впрочем, это все было скорее на иностранную публику, а Сашу занимала проба вин и закусок, да еще хотелось понаблюдать общую атмосферу вечера и окружавших его людей. С кем-то он уже обменялся телефонами, с кем-то познакомился и кому-то наговорил вдоволь теплых слов на русско-английской смеси, но в целом вечеринка смотрелась безликой массой, вроде опустошенных бутылок на балконе.

Наконец, по всем признакам настал момент уходить. Голландская часть компании уже подрассосалась. Сережа и Нинка с Лешей собрались идти вместе, и надо было к ним присоединиться, но прежде – попрощаться с Яном и Ингрид, которые и привели его сюда. Ингрид была совсем неподалеку, и он привстал по направлению к ней:

– I think it's time to go.

– Yes. Shall we leave together?¹⁴

Надо же, подумал Саша, вроде я сам зову ее с собой. Надо было сказать иначе, «I shall go»¹⁵, что ли. Но... почему бы и нет?

¹⁴ – Кажется, пора.

– Да. Уйдем вместе? (англ.)

– ОК.

– We can use my bike if you ride and I'm... achterop.

– Ахтероп?¹⁶

Ингрид молча похлопала рукой позади себя и покрутила воображаемые педали. Ага, на багажнике. Ладно.

– Let's go.¹⁷

Ингрид тоже попрощалась с кем-то, вдвоем они оказались рядом с Яном. Саша кивнул ему:

– Ну, мы пошли.

– Приятно было познакомиться – ответил Ян по-положенному, не удивляясь новому «мы».

– Ну, еще увидимся, – а сам подумал, что навряд ли.

– Конечно. Пока!

И они вышли. Везти на багажнике рослую девушку, сохраняя равновесие, оказалось делом довольно трудным, велосипед все время вилял, а Ингрид смеялась и показывала дорогу. Потом пошло лучше, но Ингрид все равно смеялась, и он уже чувствовал ностальгическую нежность к ней, словно возвращалось что-то из отроческих дачных каникул, когда он тоже катал одну девчонку на багажнике... Только эта была совсем другой, взрослой, яркой, уверенной в себе, и с ней было хорошо.

Так они добрались до ее дома. Что же теперь, неужели тащиться отсюда до общаги, ночью? Да нет, вряд ли затем она его позвала.

– I'm afraid there're no trams now, – словно угадала Ингрид, – what time does your day begin tomorrow?

– At 10 o'clock we meet in the hotel.

– Why don't you stay at my place tonight?¹⁸

А действительно, почему бы и нет?

Ингрид засмеялась и наклонилась к велосипеду, словно это он был ее героем в эту ночь. Оказалось, она приковывала своего скакуна толстой цепью к металлической решетке. А потом она взяла Сашу за руку и повела наверх.

¹⁵ Я пойду. (англ.)

¹⁶ – Отлично.

– Можно поехать на моем велосипеде, но только ты повезешь меня... на багажнике.

– На багажнике? (англ., нидерл.)

¹⁷ – Пошли? (англ.)

¹⁸ – Боюсь, трамваи уже не ходят... Во сколько тебе завтра на работу?

– В 10 мы встречаемся в гостинице.

– Может, у меня переночуешь? (англ.)

6. ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

Утром он еле успел в общагу, подхватить свои вещи. Венька злорадно усмехнулся:

– Ну?

– Порядок.

А больше поговорить не успели, срочно погрузились в тот же автобус, теперь уже со значительным количеством багажа. Саша пристроился у окошка, рядом, конечно, плюхнулся Венька, горячо задыхался и стал требовать подробностей. Саша сразу дал понять, что их не будет, и стал нарочито громко рассказывать о соленых орешках к пиву, что были так хороши на вечеринке. Венька отстал, и Саша предался созерцанию пейзажа за окном. Каналы чередовались с коровами и коровы – с каналами, мелькали разнообразные постройки, а вдалеке четкая линия горизонта пересекалась только редкими деревьями и подчеркнута вертикальными шпилями церквей. Скоро это надоело, и Саша провалился в сон – вдогон бурной этой ночи.

Но поспать не удалось – автобус уже через полчаса встал на маленькой площади около маленького отеля и им пришлось спешно выгружаться. Ящики, ругань, вздохи Самогуб как вогнать спектакли в прокрустово ложе крохотной сцены? И сразу, с колес, репетиция... А Саша все плавал в какой-то мутной тяжести – состояние человека, несколько раз за последние сутки уснувшего, но так толком и не поспавшего. Но кончилась и эта колготня – теперь бегом досыпать в гостиницу. Саша, собственно, до сих пор не знал ни названия гостиницы, ни имени города.

Уснул не сразу, но проспал-таки пару часов. С черного дна его не без усилий вытащил голос звукотехника и рабочего сцены Васи Стреглова, с которым они делили номер на двоих.

– Саня, вставай, посетители.

– Мма... ну...

– Вставай, чудила, клева-я телка подвалила.

Что? Э?

Тёлка. Тел-ка. Кле-ва-я.

А... А?!

И он открыл глаза. Над ним склонилась Васина голова, от нее пахло сырокопченой колбасой.

– Подвалила, говорю, тёлка.

Саша приподнялся на локте и оглядел комнату. На прикроватной тумбочке красовался натюрморт: свежезаваренный, еще дымящийся стакан чаю рядом с кружочками той самой колбасы и увядшей полбуханкой бородинского. На Васиной кровати лежали свитер, джинсы и рубашка. Васа, замотанный по бедрам полотенцем, стоял рядом. В дверях была Ингрид.

– Hoi!¹⁹

– Привет... То есть Hallo.

– Have had a nice sleep?

– Yes... very nice.²⁰

Саша сел, сбросил одеяло, вспомнил, что сидит в одних трусах, бросился за брюками –

– Sorry...

– Not at all. I saw it already. What about having a walk through the city?

– How did you find me?

– T’was easy. I knew the concert hall you were going to play in, cause someone had told me yesterday, so I came there and they told me about the hotel. T’was easy.

– Oh! What’s the name of the city?

– Don’t you even know? It’s Utrecht. What about a walk, I asked you? We’ve got three hours before the performance starts.²¹

Вася, уже одетый, вышел из ванной:

– Спроси, может, чаю ей?

– Would you like some tea?

– Actually, I’d like some coffee.²²

– Кофе просит, Вась.

– Нету кофе. Ноу кофе, мадам... то бишь мадмуазель.

– Well, – Ингрид взяла инициативу в свои руки, – we can go down for a nice cup of coffee and then have a walk. OK?

– OK.²³ Вась, мы пойдем, пройдемся.

Саше даже стало стыдно, что он не знал названия города. Утрехт! Слово, знакомое по «Тиллю Уленшпигелю» и засевшим в голове обрывкам европейской истории (Утрехтский мир), веяло чем-то таинственным, средневековым и прекрасным.

¹⁹ – Привет! (*нидерл.*)

²⁰ – Привет.

– Хорошо поспал?

– Да... Очень хорошо. (*англ.*)

²¹ – Извини.

– Не за что. Я уже видела. Не прогуляться ли нам по городу?

– Как ты меня нашла?

– Запросто. Я знала, в каком зале вы должны играть, мне кто-то вчера сказал, так что приехала туда, а оттуда меня отправили в гостиницу. Запросто.

– Ну! А как называется город?

– А ты что, не знаешь? Утрехт. Так что, прогуляемся или нет? У нас есть три часа до спектакля. (*англ.*)

²² – Хочешь чая?

– Пожалуй, лучше кофе. (*англ.*)

²³ – Ну так пойдем выпьем кофе и потом прогуляемся. Идет?

Уже начинало темнеть, на улицах и мостах зажигались огни и над самой водой – маленькие квадратики окон, чьи искаженные копии колебались на воде. С парапета можно было войти в кафе, но Ингрид предложила сперва подняться на колокольню утрехтского собора, пока совсем не стемнело. В самом соборе оказался музей уличных органов, но он был закрыт. Надо же, оказывается, не только большевики из соборов музеи делали.

Они взбирались по бесконечной каменной лестнице, миновали зал, где некогда была подписана Утрехтская уния и положено начало государственности Нидерландов, и еще выше, и еще круче – к колоколам. Они бродили по узкому пространству камня, опоясывающему колокола, а под ними открывался весь город, окруженный полями и озерами... Город погружался в серую ветреную ночь, где терялись отдельные фигурки людей и автомобилей, зажигал все новые огоньки, цепочки огней, и целые островки света. А они подождали, пока пелена сумрака и дождя не скрыла наполовину их самих, и стали целоваться.

Потом спустились на землю, к каналу, нырнули под мост, в уютную дверь, чтобы отогреться кофе и пирожными. В этом маленьком полупустом и полутемном зале со свечами на столиках, казалось, с минуты на минуту мог появиться сам Тиль со своими гёзами и проститутками, заказать на всех ром и капучино, немножко побуяннить, а потом расплатиться кредитной карточкой и нырнуть через тяжелую дверь обратно, в наружный блеск празднично-рекламных огней, отраженных чернотой канала.

Ингрид пресекла его рыцарскую попытку расплатиться и сказала, что она сегодня – хозяйка, и поэтому платит за все. Тонкая рука нырнула в изящную сумочку, достала бумажник, а из него – пластиковую карточку. Официант унес ее в дебри кафе, вернул вместе с чеком, Ингрид вынула серебристую ручку и наложила на чек незамысловатую роспись. А потом, поколебавшись, бросила на столик пару монет – на чай.

– The service was OK, I think we can tip him²⁴.

А потом они еще бродили по улицам, нехотя приближаясь к зданию театра. Их обтекали предрождественские потоки обывателей-покупателей, нагруженных цветными пакетами и приятными заботами. С ними заигрывал рекламный Синта-Клаас в бутафорском епископском облачении и с негритенком. Они вклинивались в бесцеремонную стайку американских провинциалов в ковбойских шляпах и японских фотографов-любителей в безупречных костюмах.

Целовались и были счастливы. Хотя едва ли – влюблены. Им просто было очень хорошо друг с другом, хорошо и просто, и вряд ли стоило разрушать это праздничное, нестойкое счастье попыткой заглянуть дальше сегодняшнего вечера.

Договорились встретиться после спектакля в гостинице, и Саша, полуголодный и невыспавшийся, помчался играть Астрова.

– Слушай, после спектакля погуляешь часок, а? – бросил он на ходу Васе, и Вася понял.

Играл он в этот вечер спешно, как самому казалось – плохо, а как сказала ему Лариса Солодова (Соня) – с неожиданным зарядом эротизма по отношению к ней, который от Астрова вроде бы исходить не должен.

И после поклонов, не задерживаясь на очередной маленький выпивон с местными ценителями, бежал в гостиницу по гулким утрехтским проулкам. Даже с пути сбился один раз.

Так началась их полуторанедельная поездка по стране. Театр переезжал из города в город, задерживаясь в каждом не более двух суток, а чаще всего – сутки. Играли, иногда дважды за день, на маленьких сценах, приводивших Самого в священный ужас, но все как-то устраивалось. Принимали очень тепло, и знакомый бородач почти каждый день притаскивал Самому очередную местную газету, а то и две-три, со статейкой о них, где, как правило, умеренные похвалы прикрывали путаницу в фактах – не то чтобы злостное вранье, а так, журналистская приблизительность, когда Самого называли Антоном Павловичем, Чехова – латышским диссидентом, а «Дядю Ваню» путали с солженицынским «Иваном Денисовичем».

А для Саши началась какая-то сумасбродная жизнь: ко всем переездам добавилась Ингрид. Она приезжала, когда сама хотела – забросив на день-два свой университет, отправлялась в Леуварден или Роттердам (а это им как из Москвы в Клин съездить), вытаскивала Сашу побродить по городу, поила за свой счет бесконечным кофе и пивом, а после спектакля они выставляли из гостиничного номера очередного Сашиного соседа. Последним поездом она возвращалась в Амстердам отсыпаться, и никто не мог сказать, захочет ли она приехать завтра в новый город.

Саша вовсе не был сексуальным революционером (как и никто из их актерского круга, несмотря на внешнюю браваду) и не уважал трах ради траха, но с Ингрид... Оба они хорошо друг к другу относились, и вечерний секс в гостиничном номере становился еще одним невинным удовольствием после прогулки, кофе и пива – так почему бы и нет?

Этот тон – «почему бы и нет?» – задан был Ингрид с самого начала их европейского романа, и Саша не находил ни причины, ни желания этот тон переменить. Он понимал, что здесь, на Западе, бои сексуальной революции уже отгремели и отбирать ее завоевания уже никто не собирается. Они с Ингрид падали на очередную гостиничную койку не так, как революционер встает на баррикаде в рост со знаменем и кричит в нацеленные стволы что-то о конституции и избирательном праве, а как буржуа в погожий выходной отправляется к избирательной урне за своим всеобщим, прямым, тайным и равным.

Во всем этом была какая-то несурзность, но... Так было просто и хорошо, и они так дружили с Ингрид. Она знакомила его со страной, уводя его в уголки, до которых он бы сам ни за

²⁴ Обслуживание было нормальным, полагаю, можно дать чаевые (*англ.*).

что бы не добрался, и рассказывала вещи, которых он никогда бы сам не узнал. Не любовь, не интрижка, а еще одно маленькое чудо в чужой стране, чудо с длинными светлыми волосами и длинным носиком – в дополнение к башням и каналам... Такая яркая, теплая, сексуальная, в конце концов. Ну зачем, в самом деле, отказываться от такого? Никому же не мешает.

Но все спуталось, и не оставалось ни отдельных часов и суток, ни разрозненных точек на карте: некое сказочное пространство и время, тридевятое царство, тридесятое государство. Заполненное до отказа всем, чем только можно, до воспаления обостряющее все органы чувств... Онпил, вдыхал и выпитывал его кожей, и чувствовал, что оно подходит к концу, по мере того, как приближается западное Рождество.

Последний пункт их гонки находился уже на территории Бельгии, в городе Брюгге. Они должны были сыграть «Дядю Ваню», погрузиться в автобусы, вернуться в Амстердам, переночевать все в той же общаге и утром отправиться в аэропорт. Не оставалось времени на прощание со столицей, да и на прощание с Ингрид тоже – в Брюгге она ехать не собиралась. Весь конец их романа должен был уложиться в краткие ночные часы сочельника, когда все благонравные семьи, сходя в церковь, садятся за праздничный стол... Это было щемяще грустно – уезжать в праздник, не увидев того самого торжества, к которому так обстоятельно и радостно готовилась вся страна, к которому и были подгаданы их гастроли.

Они сидели на узкой кровати гостиничного номера – впервые ему деликатно предоставили одиночный, без соседа – и Ингрид неспешно собирала в охапку свои роскошные волосы, а потом снова распускала их, чтобы начать новую прическу. Она уже сказала ему, что не поедет в Брюгге, и как-то легко отнеслась к надвигавшемуся концу их романа. Сейчас она спокойно оденется и пойдет на вокзал – как всегда, к последнему поезду. Проведет сочельник в Амстердаме, наверно, сходит в кирху, потом переночует с ним, проводит, может быть, до аэропорта, и поедет к своим родителям в маленький городок на севере Голландии порадоваться семейному торжеству.

А пока эти упрямые волосы, ее игрушка, словно важнее всех встреч и расставаний на свете – а может быть, она просто хочет, чтобы он запомнил ее такой, полуодетой, растрепанной, чтобы потом в морозной и вьюжной России каждый извив этих светлых локонов возвращался все отчетливей и мучительней?

Но все было проще – и более по-европейски.

– Sunny,²⁵ – так переделала она русское «Саня», – you know what I mean... Why don't you stay for a week more? You can sleep at my place. You know, I'm single.

– Yes, but...²⁶ – Саше это даже и не приходило в голову.

²⁵ Санни – «солнышко» (англ.).

²⁶ – Знаешь что... Может, останешься на недельку? Можешь ночевать у меня. Я ведь живу одна. – А как же... (англ.)

– But what?

– The ticket has a fixed date.

– Can't you change it?

– I don't know... It may cost some money.

– If you need it, you can earn it.

– How?

– Don't you know, silly boy? There are some ways. You can wash dishes in a restaurant without any residence permit, or something. It's not like getting a meal ticket, but still a chance. May be you even find a place in a theatre, in due course.²⁷

И, оставив в покое так и не убранные волосы, стала одеваться. Они попрощались на этой полусказанной мысли, и она ушла в ночь, а Саша лег, и чувствовал только прохладу постельного белья и приятную тяжесть во всем теле, после которой засыпаешь мгновенно, и спишь глубоким и освежающим сном.

7. ДОКТОР АСТРОВ ИЗ ГОРОДА БРЮГГЕ

Напоследок Европа решила показать ему лучшее из того, что имела. Времени между прибытием и спектаклем было совсем немного, и Саша выскочил в город, чтобы успеть хоть что-нибудь увидеть. Но его бегущий московский шаг гас на булыжной мостовой.

Этот город – средневековье с ситроенами. Стены домов застыли в XVII веке, если не ранее, а жизнь за этими стенами потихоньку шла вперед. Фламандскому кружеву всех фасонов и видов было тесно в магазинчиках, и оно нетерпеливо выплескивалось на узенькие улочки, от которых отличалось лишь относительной недолговечностью материала и строго симметричным строением. А люди здоровались друг с другом на улице, и целовались, сидя на парапете узенького мостика, и пили пиво за столиками на тротуаре.

В одном из маленьких переулков он увидел девочку-подростка; она шла, уткнувшись в пеструю книжку, и что-то внимательно вычерчивала там пальчиком. Наверно, ищет дорогу по путеводителю – и Саша как-то невольно подошел поближе, взглянул на обложку: атлас Европы. Ищет дорогу домой по атласу Европы – или просто купила для школы, а теперь рассматривает? И он неожиданно для себя поздоровался с ней по-голландски:

²⁷ – Что?

– В билете проставлена дата.

– Что, ее нельзя изменить?

– Не знаю... Это, наверно, денег стоит.

– Так если нужны деньги, заработай.

– Как?

– А ты не знаешь, дурачок? Есть способы. Без вида на жительство можно мыть посуду в ресторане или что-то в этом роде. Это, конечно, не талоны на усиленное питание, но все-таки. А со временем, может, и место в театре найдется. (англ.)

– Хой!

– Ноі...²⁸ – несколько растерянно протянула девочка.

– Мах ик? ²⁹– и протянул руку к атласу. Девочка выпустила книжку из рук, Саша перелистнул несколько страниц и добрался до той, где желтел в необычной косо́й проекции краешек знакомого громадного пятна, нависавшего над пестрой Европой то ли угрожающим монстром, то ли первобытным океаном, который всегда окружал обжитой мир на картах древности.

– Ик – хир,³⁰ – и ткнул пальцем в точку уже у обреза карты, словно на краю света, с надписью Moskau.

– Ben je van Mos-kau? – по слогам прочитала девочка, – Wat leuk!³¹

Протянула руку за атласом, тряхнула рыжеватыми хвостиками волос, и пошла себе дальше, бросив ему какое-то непонятное прощание. Атлас теперь беспомощно трепыхал страницами в ее руке – маленькая пестрая книжка, которая ни ей, ни ему не нужна, чтобы добраться до дома.

Дома... В Шереметьево будет, наверно, метель, такси слишком дорого, и автобусов нет... Дома – консервные банки и пачки макарон под маминой кроватью, розовые червонцы с Ильичом, которых слишком мало и в то же время слишком много, потому что в магазине на них все равно ничего не купишь... Дома – бегать от военкомата, делать перед мамой вид, что и в самом деле собрался учиться этой проклятушей математике, а перед Самим – что нет для него ничего святее их подвального театра. А на самом деле что? А ничего. Сугробы и вьюга. Бредешь, бредешь по зимней улице, дошел до теплого угла – вот тебе и хорошо. Острограмился – вообще никаких вопросов не осталось.

А куда дошел, зачем... Зачем весь этот наш русский быт, бессмысленный и беспощадный, а вернее – безытнность. Зачем? Раньше – ради коммунизма, или за свержение советской власти, ну вот свергли мы ее – а дальше? Почему вот они могут тут жить среди кружев и каналов, вот эта вот девочка, которая ничуть не лучше тысячи таких девочек в Москве, Сарапуле или деревне Гадюкино. И почему, почему, когда у меня будет свой ребенок – он никогда не будет жить так, как она? Как это несправедливо, если задуматься...

Может быть и правда, остаться на время? Вот и виза еще не закончилась. Вряд ли за просроченный билет возьмут дорого, да может, и вовсе ничего не возьмут. Денег уже, правда, не осталось, но можно будет подработать, Ингрид сказала. Ингрид, Ингрид, как ее бросить, такую... такую яркую и сочную, и она ведь сама предложила ему остаться. А вдруг это всерьез? Вдруг он упустит свое счастье?

²⁸ – Привет!

– Привет... (нидерл.)

²⁹ Можно? (нидерл.)

³⁰ Моя здесь (искаж. нидерл.)

³¹ Ты из Мос-квы? Вот приколы! (нидерл.)

Нет, надо, конечно, ехать. Дома мама, приятели, возможный роман с чудной девочкой Дашей из химико-технологического, все свое и родное. Брось дурить, ты, в конце концов, должен – зазвенел в голове чужой металлический голос. Среди актеров незаменимые – это как раз актеры молодые и неизвестные. Заболел Смоктуновский, на гастролях Доронина, запой у Евстигнеева – так для кого же из вечных актеров второго состава не честь, что на сцену выпустят их, дадут проявить и оценить себя по высшей шкале зрительского признания, на фоне звезды? Но Сашу-то никто не будет заменять. Значит, скандал с Самим. Возможно, вплоть до ухода из театра. А если сказать про безумную любовь с местной девушкой? Ну не наркота же, дело понятное и простительное. И придет на Сашино место другой мальчик, не лучше и не хуже, просто еще один из тех, кто бредит сценой, и, наверно, зря. Мальчиков много. Актеров мало.

Должен? А почему? Почему с октябратских лет и по сей день он должен жить не так, как хочется, а так, как велят – партия, Родина, тусовка, круг приличных людей, этот их несурзанный театр, наконец?! Может быть, на самом деле это нас так ловят на эти красивые слова, ловят те, кто беззащитно пользуется нами? Мало кому он на самом деле в этой жизни что-то должен, мало кто пострадает от его отсутствия – да что там пострадает, мало кто заметит. Мама поволнуется и успокоится, Даша слишком девочка с обложки, чтобы это было всерьез. Приятели обойдутся. Вот только театр... Если бы знать, что я актер, что это – мое и навсегда, тогда никаких сомнений. Но какой он, в конце концов, актер... Так, клубная самодеятельность, сойдет для сельской местности.

Ведь не в том же дело, что здесь слаше есть и мягче спать. Да, от этого сыра, от этого кофе пьянеешь еще хлеще, чем от водки, не стыдно голодному в том признаться, но другое гнетет и не пускает. Не может он так, по отмеренному. Две недели вольного ветра – и снова пожалуйте головой в парашу. Он вышел тогда на баррикады для того, чтобы быть свободным и решать за себя самого. И сейчас он не может, просто не может подчиниться очередному свистку под названием «Родина зовет» и «есть такое слово “надо”». Ему с детства всегда хотелось ответить «есть такое слово “на хер”», и может быть, сейчас – последний шанс сказать это, хотя бы один раз в жизни.

Саша стоял на горбатом каменном мостике и долго смотрел в мутную воду канала. Под ним проплывали лодки с туристами, так близко, что он мог бы нагнуться и потрогать их головы. Он все смотрел и смотрел в эту воду, словно и не жадился полчаса назад увидеть до спектакля как можно больше, словно и не было в этом городе ничего примечательнее свинцовой водной глади – и вдруг понял, что никуда он отсюда не поедет.

И очнулся, побежал, расталкивая локтями публику, но повезло не заблудиться, успел ко времени явки на спектакль.

Первый, обстоятельно гримируясь в Войницкого, по обыкновению рассказывал непрофессиональному своему окружению профессиональные актерские байки. На сей раз это была история первых оттепельных гастролей московского цирка в Германии. Эту Саша уже слышал. Да и кто ж ее не слышал – раз по десять?

– ... и тогда Никулин постучался в номер к сопровождающему, вошел и вежливо спросил: «Скажите, пожалуйста, как будет по-немецки “Я прошу у вас политического убежища?”» И этой гебешной сволочи пришлось всю последнюю ночь караулить в коридоре, пока Никулин сладко спал в своем номере...

– Да, теперь-то хоть всем театром оставайся, – сказал кто-то.

– Ну да, только железный занавес теперь с другой стороны строится. Без парткомов и берлинских стен, но ничуть не менее прочный. Очень тут все нас ждут, аж рыдают.

– Ну, как сказать. Видел, как нас принимают? «Рюсланд – дружба навэки!»

– Дык, в зоопарке тоже на слона приятно посмотреть. А к себе в квартиру – слона пустишь?

– Не-ет, все ж таки можно остаться. Только к чему? – резюмировала Нинка, безуспешно пытавшаяся перевоплотиться в «сырую, малоподвижную» (по Чехову) старушку-няню Марину.

– Да ведь в этой стране... – начал было эпизодический Вася-«работник».

– То есть в той.

– Ну да, ведь в той стране никогда ничего...

– А чё ж ты не остаешься?

– А в этих странах – кому мы нужны? Посмотри лучше, парик – нормально?

– Вот тут чуть-чуть. Все, давай. А все-таки – чё не остаешься-то? Не остаёсси-та чё, паря? – начала входить в старушечью роль Нинка.

– А я вот остаюсь, – сказал Саша.

– А от он остаётся... Слушай, Саш, что, правда? – опомнилась она.

– Навсегда? – равнодушно спросил Вася.

– Не думаю, – честно сказал Саша, – останусь, посмотрю.

– Значит, навсегда, – резюмировал Вася и подошел к окну. Он уже был готов и хотел покурить, а по джентльменскому соглашению с некурящими дым следовало пускать в окно. Повозившись с фрамугой, он впустил в тесную гримбурную порцию сырого холодного воздуха, и разговор как-то стих.

– Саня, да ты что, – вступила серьезная и восторженная Лара Солодова (Соня), – ведь у нас, в России, все еще только начинается. Вот сейчас, когда уже без коммунык, когда свобода...

– Саша, а театр? – не отставала Лариса. – Кто будет играть?

– Незаменимых, как учил товарищ Сталин... – Саша попробовал отшутиться.

Лариса только махнула рукой. Вася смотрел в сумеречную пустоту и счастливо затягивался дорогой иностранной дрянью. Первый, уже в полном гриме, держал в руках свой шелковый галстук и смотрел то ли на Сашу, то ли на некую пространственную точку рядом с ним.

– Саша... Если это серьезно, то подожди. До завтра время еще есть. Посидим вечером, выпьем. Понимаешь... ты ведь актер. Ты правда – актер.

И горячая волна сомнения, благодарности и теплоты поднялась в Саше к самому горлу, почти до слез – и отступила.

– Спасибо, Дмитрий Федорович. Я же так с вами не расстанусь.

Но свет уже начал зажигаться, они с Нинкой вышли на сцену, и вот она уже налила стакан остывшего чаю, подала, неумело играя старческую немощь:

– Кушай, батюшка.

– Что-то не хочется, – ответил он и по роли, и от себя, на их «останься».

Спектакль покатился по гладко наезженной колее, реплики и движения возникали как бы сами собой, и Сашино сознание, как это обычно и бывало, могло отключиться в достаточной мере, чтобы думать о вещах совершенно посторонних – и при этом без риска спутать текст. Эту способность Саша в себе не любил и считал ее признаком дурного актера – он не знал, что такое перевоплощение, он жил на сцене собственными повседневными заботами. Но не удавалось переломить это в себе, начать думать за своего героя, а не за себя. Верно говорила многоюродная тетка.

– Я стал чудачком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, Бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. (Казалось, за всю эту поездку в нем только и осталось, что обнаженные, переполненные чувства – и лучше бы они и вправду притупились...)

– Ничего я хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю, – склонился Саша в заботливом поцелуе над Нинкиным затылком. Вот она, вот она, интеллигентщина наша проклятая, вот та литературщина, в которой тонет Россия! А если – хочу, нужно, и даже люблю?! Что, неинтересно тогда?

– Может, ты кушать хочешь? – ответила «старушка» заботой на заботу.

– Нет. В великом посту на третьей неделе...

Ах, как стыдно нам хотеть кушать! Великий пост идет в стране не третью, а тридцать третью неделю, и разговор не предвидится – а мы все делаем вид, что не в том проблема, что нам бы искусство спасти, культуру от разрушения, шестая симфония в блокадном Ленинграде. А кто же кушать не хочет – на самом деле? Только тот, у кого есть что покушать...

Вышел из дома выспавшийся Первый-Войницкий, пожаловался, что ест на обед разные кабули и пьет вина (а на самом деле Первый ест консервы и пьет то водку, то пиво, то смешивает) и как это все нездорово (водку с пивом – точно, а вот кабули эти загадочные – ой ли?), и как это плохо, что он спит, ест, пьет и не работает...

А потом Первый с Сашей стали обсуждать достоинства жены профессора, и проблему ее верности – фальшиво это или нет. Господи, когда, где и почему были все эти проблемы? Кто в России, кто в Голландии мучается проблемой супружеской измены, кто придает ей псевдофилософскую глубину? Хочешь – изменяй, не хочешь – нет, ноу проблем.

А потом пришли мужики, все насчет пустоши – и вот только тут ничего не изменилось. Как не давали им пустошь при Чехове, так не дали и при большевиках, не дадут и при демократах, и все они будут ходить за ней к разномастным барам, а пустошь так и будет пустошью, и ничего на ней никогда не вырастет. В России, разумеется, не здесь. Здесь земля отвоевана у моря ценой человеческих жизней, здесь и слов тех нет, которыми так богат наш великий и могучий: пустошь, распутица, хлябь, бездорожье... Здесь не будут ломать голову над мировыми проблемами, не будут, как профессор, писать о реализме и натурализме, а будут жить – реально и натурально. Да, приземленно, да, без Чехова и Мейерхольда, но разве это хуже?

Но спектакль шел своим чередом, вне зависимости от внутренних, неслышных монологов его участников, и доктору Астрову подошло время произносить свою ударную речь о красоте и гибели русских лесов, до которых Саше, в общем-то, дела было не больше, чем гипотетическому доктору Астрову до красот города Брюгге, где ликовал и мучился Саша.

А когда Саша ушел со сцены, в маленькой комнатке, служившей им всем гримуборной, пело радио – кто-то опробовал новокупленный дорогой и сложный магнитофон. Это был мягкий рок не очень высокого пошиба, на окне бурлил кипятильник в стакане, и Саша успел с комфортом выпить чая с московскими сушками, прежде чем пойти изображать голодного и пьяного Астрова.

Словно нарочно все сошлось наоборот – он играл не то, что чувствовал, и говорил прямо противоположное тому, что думал. Наверное, так было не в первый раз, но впервые все это резало так остро – может быть потому, что играли они в этом чудном средневековом городе, где страдания российских мелкопоместных интеллигентов выглядели не менее экзотическими, чем повесть о вожде с острова Мумбу-Юмбу и его кокосовой пальме.

В антракте Сашу перехватил Сам.

– Да ты что, Смирнов, гребанулся?

– Что вы имеете в виду? – задал Саша неизбежный риторический вопрос, а сердце упало куда-то в желудок: ну вот, началось. Теперь не скоро кончится.

– А ты не понимаешь? Да ты думаешь, раз не Янаи – то раздолбаи, все уже можно, уже никто и ничего? Ты остаешься, а нас всех – вот, и вот, и вот (энергичные жесты Самого однозначно пояснили, в какой именно позиции ему предстоит подвергнуться принудительному половому акту).

– Да ну что вы, Юлий Иванович. Время не то.

– Ага, а ты у нас Ростропович! Только кто за тебя играть будет?

– Вы говорили, у Андрюши неплохо получается.

– Молод еще Андрюша. Ладно, ты мне лапшу-то не вешай, давай так – иди играй, не буду тебя дергать, но после спектакля подойдешь и скажешь: ты с нами или как.

– У меня тут, Юлий Иванович, девушка. И не пацан я, в конце концов! Могу хоть что-то решить за себя?

– Можешь? Ну... – но Сам только махнул рукой и добавил: – Всё, на сцену.

Второй акт прошел уже на каком-то автопилоте, Саша внутренне проигрывал разные линии поведения с Самим, но ничего не получалось. Но отступить он уже тоже после всего этого не мог: мол, сдуру брякнул, простите мальчишку. Хотя, пожалуй, и впрямь сдуру...

А после спектакля они действительно сидели и выпивали – прямо в автобусе, по дороге в Амстердам, на заднем сиденье, чтобы побольше народу уместилось. С одного боку Саше жарко сопел в ухо Венька, то ли жалея о решении друга, то ли завидуя его смелости; с другого – дружески обнимал нехмелеющий Первый, подливая новые и новые порции “Московской”. Он все говорил и говорил хорошие слова и вроде бы отговаривал – но не сказал ничего главного, решающего, ради чего стоило бы забыть обо всей ерунде и спокойно вернуться в Москву, тянуть лямку несурзадного и любимого театра. Не то, чтобы Саша ждал этих слов – но после неожиданной похвалы, полученной им сегодня от Первого, что-то такое могло прозвучать.

Может, Первый только слегка поугovarивал, а вот уговорить, заставить сделать выбор – не считал себя вправе? А может, Саша просто играл сегодня бездарно, и все сказанное до начала спектакля относилось лишь к неожиданному и спонтанному блеску его первых амстердамских спектаклей? Блик, который неожиданно вспыхнул и пропал, мимолетный и несамостоятельный, как отсвет фонарных огней на черной воде каналов? Говорят, нет такого графомана, что не написал бы одного гениального стихотворения... Вот и Саша, наверно – бездарный актер двух-трех гениальных спектаклей.

Но уже Саша опьянел – и то ли плакал, то ли дремал на плече трезвого Первого, все больше убеждая себя в собственной никчемности, а разговор замирал, скатываясь в дружелюбные междометия, пока автобус отмахивал километры автострады на пути к Амстердаму.

Уже в номере гостиницы к нему пришел Сам. Лично. Саше стало просто страшно, что он, вдребезги пьяный, сейчас скажет или сделает что-то такое, после чего Сам на него и посмотреть не захочет.

– Что решил, Смирнов?

– Я... Юлий... эээ... Ива...

– Что решил, я спрашиваю? Ваньку-то не валяй, не на сцене!

Саша не валял ваньку. К горлу внезапно подступила мучительная и неодолимая тошнота, и он боялся, что сейчас вместе со словами его вырвет, и позор будет гораздо страшнее дилеммы «оставаться или ехать».

– Эээ... шас... прос-тите.

Саша шагнул в сторону туалета. Один его знакомый хиппарь про такое говорил: помолиться фарфоровому богу. Точно, ничего нет сейчас важнее, чем склониться в поклоне над унитазом.

– Я шас.

Когда Саша вышел, Самого уже в номере не было. Он не вынес того простого факта, что сперва собирались ответить унитазу, а потом уже ему. Что ж, может, так оно и лучше.

Саша проснулся рано, сам, к собственному удивлению, раздетый и в кровати, хотя конца вечера не помнил совершенно. Он успел покинуть свои вещи в сумку, чтобы вовремя выйти к подъезду общаги. Стоял серенький ветреный денек, солнце уже поднялось, а актеры рассыпались по узкому тротуару в ожидании автобуса. У Саши неожиданно ломило голову с похмелья, все актерские лица слились в какую-то серую кашу, которая то с безразличной симпатией, то с радушными напутствиями хлопала его по плечу и чмокала в щечку. Сам его в упор не замечал.

Откуда-то взялось «на посошок – счастливо оставаться», и от водки на голодный желудок прояснела похмельная голова, расхотелось спать. Он помогал распахивать пополневшую поклажу в тесное багажное подполье автобуса, чувствуя себя все еще нужным человеком, и пожал холодно протянутую руку Самого, на лбу которого огнем горело: “предатель!”, – и еще раз обнялся и поцеловался с кем-то, и просил кому-то что-то в Москве передать, ведь написать он не успел даже маме – ну, короче, увидимся, бывай...

А вот и Венька, и он тоже почему-то не едет с ними – ах ну да, он же вчера уже рассказывал, только с пьяных глаз Саша ничего не запомнил – сторговал-таки машину, и даже не жигуль, а настоящую ауди, хоть и сильно подержанную, и теперь своим ходом домой, через Германию и Польшу. Транзитную немецкую визу заранее раздобыл, жучила.

– Ну все... бывай, автовладелец. Поаккуратней там, бандюки на дорогах.

– И ты бывай, первый любовник.

И вот автобус плавно затворил дверь и тронулся, а Саша поволок по тротуару сумку, не особенно сознавая, куда идет...

Потом он сидел в каком-то парке на скамейке, кутаясь в воротник кожаной куртки и разглядывая толстых самоуверенных уток на берегу канала. Одна из них поднялась и неуклюже полетела, вызвав легкую рябь на свинцовой незамерзшей воде – и словно огненной вспышкой промелькнул в похмельном мозгу полубред-полувидение: огромный белый самолет с нарисованным на хвосте красным флагом разворачивается и замирает перед взлеткой, наращивает вой турбин и медленно начинает разгон, постепенно пропадая в мутной дали – и все-таки успевает оторваться от бетонной тверди и подобрать из-под крыльев шасси, прежде, чем окончательно растаять в сером мареве низких дождевых облаков.

Саша посмотрел на часы: точно. Минута в минуту. Он встал и, рывком стряхнув с плеча маленькую веточку, вдруг понял, в какой части города находится и как пройти отсюда к Ингрид.

8. КОРОЛЕВСТВО, В КОТОРОМ РОЖДЕСТВО

И на полпути к Ингрид он понял, что здесь сегодня Рождество. Значит, торопиться некуда. Ингрид уехала к родителям и вернется только поздним вечером. Впервые за суматошные эти дни ему было некуда спешить и нечего делать.

Улицы были пустее и тише обычного. Утро еще не кончилось, и из серокаменной массы протестантского собора доносилось пение под орган. Саша толкнул тяжелую незапертую дверь и вступил в пространство чужого праздника.

Служба была по-французски, но храм явно не походил на католический – не было ни икон, ни статуй. Теплый золотисто-серый оттенок голых стен отсвечивал, но не согревал огромное воздушное пространство. На полупустых скамейках сидели нарядные люди, в основном дамы лет под 50, но были и семьи. Посредине церкви сидел маленький симфонический оркестр, человек семь музыкантов, а над ними возвышался на кафедре галантный проповедник. Он что-то вдохновенно говорил, но Саша знал по-французски только отдельные слова, и понять смысла не мог. Он тихонечко пристроился с краю последней скамейки, и едва он сел, как проповедник пригласил всех помолиться. Люди встали, раскрыли красные книжечки и запели под изысканное органное сопровождение.

Саша чувствовал себя дураком – надо же, не сообразил взять такую книжечку при входе, где лежала целая стопка, и теперь не только не знает, что они поют, но и выглядит глупо с полураскрытым ртом и недоуменным взглядом. Но молитва скоро закончилась, люди сели, и необременительная служба плавно потекла к естественному концу. Немного поиграл оркестр, еще немного помолились, а потом проповедник спустился с кафедры, поднялись со своих мест прихожане, все стали посреди церкви в круг. Проповедник настойчиво, но ненавязчиво обращался и к тем немногим, кто остался сидеть на местах, и Саша спешно поднялся и встал в этот же круг – было как-то даже невежливо отказать этим людям, так тепло приглашавшим его к себе.

Он наконец-то понял, к чему призывает проповедник. Начиналось причастие. На большом серебряном блюде были разложены куски хлеба вроде лаваша. Появилась на свет чаша, тоже большая и серебряная, а потом еще отдельный поднос с маленькими чарками. Проповедник отведал хлеба и отпил из чаши, а потом пустил их по кругу. На полшага позади чаши шла, словно официантка на приеме, женщина с подносом, и каждый мог по желанию причаститься из общей чаши или воспользоваться (несомненно, в гигиенических целях) маленькой отдельной чарочкой. Саша отпил из большой – было бы опять как-то невежливо показывать им, что он брезгует.

И почти сразу после причастия, прочитав еще пару коротеньких молитв, публика начала расходиться – так же молча и самостоятельно, как и сидели в церкви. Сашу – все так же за компанию – вынесло на улицу, но, в отличие от остальных, его не ждало тихое семейное торжество.

И его Рождество должно было наступить еще только через две недели, парадоксальным образом после Нового года.

Пожалуй, Саша считал себя верующим. Он был с детства крещен, несколько раз причащался на Пасху – сперва заодно с другом, потом и сам – по какому-то смутному, но острому внутреннему толчку. Это было действительно хорошо и важно, особенно когда что-то не так, когда мерзко и одиноко. Настораживала только требовательность и навязчивость всех, кто стоял на божественной лестнице хоть на одну ступеньку выше него самого: без исповеди к причастию нельзя, три дня поститься и каноны вычитать, с полуночи ничего не есть, не пить, не курить, а вот еще правило, и еще, и еще... Он как-то удачно избегал всех этих строгостей, а когда в последнюю Пасху на общей исповеди его чуть было не завернули и пустили причащаться только «ради праздника», он несколько обиделся и решил больше к тому священнику ни за какой мелочью не подходить, не то что на исповедь. Впрочем, с тех пор и у других бывать не доводилось.

И тут эта странная служба... Их открытость и вместе с тем безразличие: прочитал он каноны или нет, постился ли он (а он не то что не постился, а уже и опохмелился с утра), да и вообще кто он такой, крещеный ли. И все же не было того радостного успокоения: ну вот, теперь причастился, вроде как долг какой-то вернул Богу, до следующей Пасхи в расчете. Как на чужую вечеринку заглянул. И как турист, Саша на выходе посмотрел название церкви: *Waalse kerk*³². Церковь вальсов, что ли? Вальсы тут танцуют? Может, и танцуют, если вспомнить, что в утрехтском соборе устроили музей уличных органов. А что, и оркестрик тот, может быть, по вечерам играет, люди танцевать приходят.

Ехидно усмехнувшись собственной, скорее всего неправильной, догадке, Саша пошел бродить по праздничным и неприветливым улицам. Московское Рождество бывало совсем иным. Пьяным, морозным и веселым, с неизменными тусовками и стихами Бродского про кораблик, и тоже зачастую с заходом в церковь, где тесно от шуб и старушечьих серых платков, где все по-другому.

Весь этот город, который Саша прежде торопился проглотить, не разжевывая, лежал теперь перед ним – без спешки, но и без смысла. Редкие прохожие торопились по праздничным делам, моросил мелкий холодный дождь и не было даже привычного голландского ветра. Картинки не задерживались в сознании – как на школьной экскурсии по ленинским местам. Надо же – здесь, в этом королевстве сегодня Рождество.

Он пошел к дому Ингрид и долго ждал ее у подъезда. Она появилась, когда начало темнеть, а Саша уже проголодался и продрог до такой степени, что все казалось безразличным. Ингрид бросила дежурное приветствие – ничего необычного, день как день. И открыла дверь.

³² Валлонская церковь (*нидерл.*)

Взобрались на третий ее этаж по лестнице, где мебель крупнее табуретки не пройдет (и человеку с сумкой сложно), про себя отметил: так вот на что у них крюки под самой крышей! Мебель на веревке через окна втаскивают.

Теперь было время осмотреть ее квартиру – не то, что в первый раз. Одна комната метров на 16 и совсем тесная кухонька. В одном из углов комнаты стояла низкая широкая кровать, покрытая уютным клетчатым пледом, а в другом – обшарпанный письменный стол с горделивым новеньким “Макинтошем”. Над столом книжные полки, а на них десятка два обложек – и судя по всему, больше книг в этой квартире не было. Вдоль противоположной стены, от угла до угла, стояли в ряд шкафчик, тумбочка с маленьким телевизором, другая тумбочка побольше и на ней – какие-то нераспакованные свертки. Елки нигде не было. В комнате было довольно прохладно даже по европейским меркам, и Саша никак не мог согреться.

Ингрид упорхнула на кухню. Почти сразу же появилась снова со столовыми приборами в руках, сгребла на дальний край письменного стола тетради и бумаги и стала расставлять посуду. Саша вызвался помочь, и она передала ему из холодильника пару бутылок пива “Хролш” (а Саше бы как раз чего погорячее!) и еще откуда-то – пачку картофельных чипсов.

Ужин состоял из полуфабрикатов – довольно вкусных и возможно, дорогих, но Саша как-то с самого начала настроился на рождественскую романтику с милыми домашними радостями и шампанским, и все было не то чтобы плохо, но как-то совсем *не так*. Впрочем, ел он с огромным аппетитом (ведь впервые за весь день), наконец, осоловел, согрелся, по эскимосскому методу – плотной едой.

Для Ингрид у него уже был приготовлен подарок – сережки из московского сувенирного магазина, под малахит. Совсем недорого, но очень изящно. После ужина он извлек их из сумки, попросил Ингрид закрыть глаза и вложил в раскрытую ладонь. Отмерив положенное удивление и радость, она достала из маленькой тумбочки изящно перевязанный сверток и отдала Саше. Это был кожаный бумажник. Мда-а... В его-то положении – не то изящная издевка, не то стимул к действию: чем заполнишь?

А потом они вместе убрали со стола, Ингрид смотрела телевизор, а Саша в благодарность за угощение мыл посуду. Ему уже мучительно хотелось спать, и он мог только мечтать о том моменте, когда кончится этот несуразный рождественский вечер. Он подумал, что сегодня, наверно, им надо быть с Ингрид вместе, но он не находил в себе ни сил, ни желания. Когда он вернулся в комнату, Ингрид уже стелила постель. Он неуверенно подошел к ней сзади – и с облегчением услышал:

– Not tonight, Sunny. I can't.³³

³³ Не сегодня, солнышко. Мне нельзя. (англ.)

9. СОВЕРШЕННО НОВЫЙ ГОД

Дни Рождественских каникул были наполнены какой-то хрустальной прозрачностью и пустотой. Они с Ингрид отсыпались после бурных гастролей и вставали несколько дней подряд почему-то точно в половине двенадцатого. В Сашином мозгу свербела мысль «надо бы пойти что-нибудь сделать», но делать совершенно ничего не хотелось, да и нечего было. Представительство Аэрофлота наверняка было закрыто на выходных, да и телефонной книге не было под рукой. Так что узнать о новой дате вылета было невозможно. Саша понимал, что нельзя постоянно жить на деньги Ингрид, а свои уже кончились. Но и для поиска «левого» заработка лучше было подождать конца Рождественских каникул и возобновления деловой активности.

Впрочем, если признаться самому себе, просто не хотелось разрушать безмятежность существования, и все дела сами как-то выстраивались в запутанную цепочку причин и следствий, конец которой находился вне пределов Сашиних способностей. Надо позвонить в Москву маме, да пожалуй, и Даше, но для этого нужны деньги, а значит – сперва надо устроиться на работу. Надо что-то решить и со сроком отъезда, но для этого надо сначала побывать в конторе Аэрофлота, и, похоже, опять-таки устроиться на работу, ведь наверняка придется что-то доплачивать. Надо, что ли, пойти в университетский театр и справиться насчет места, но для этого надо разобраться со всем остальным.

Выходило – прежде конца каникул заботиться не о чем и незачем. Время было наполнено невольной ленью, и от этого особенно долгими казались ранние вечера. Казалось невероятным, что еще несколько дней назад все это было – вновь, вздох, до дрожи... Куда все это делось? Неужели только скорый отлет раскрашивал во все цвета радуги эти сумрачные голландские города и этот технически безупречный секс с Ингрид? Теперь приходилось буквально совершать над собой усилие, чтобы заполнить время маленькими развлечениями, вроде прогулки по вечернему парку или похода в кафе по соседству. Однажды они пошли в гости к Яну. Отменная вежливость не позволила ему удивиться, что Саша остался – или же он подозревал о чем-то подобном с самого начала.

Плавное течение полусветской беседы на хорошем английском буквально усыпило Сашу, да и его языковые способности явно отставали от уровня Яна и Ингрид. Саша подумал даже, что им совершенно не стоило отказываться от родного языка в его пользу – он бы мог подремать и под голландскую беседу. Но неожиданно всплыла новая тема. Ингрид упомянула Сашино желание найти работу, и Ян наконец-то перешел к осязаемым материям. Он пообещал справиться у своих знакомых по русской церкви – и так неожиданно выяснилось, что тут, в Амстердаме, есть русская православная церковь, и Ян в нее ходит и даже поет в хоре. Заодно последовало приглашение на православное Рождество, которое тут, как и в России, справляли по юлианскому календарю, седьмого января.

А потом наступил Новый год.

Они решили встречать его по-амстердамски – на улицах, среди фейерверков. Уже за несколько дней до праздника то тут, то там над городским небом взлетали с ревом и свистом миниатюрные модели баллистических ракет – амстердамцы опробовали припасенные фейерверки. Апогей, конечно, должен был наступить в новогоднюю полночь в центре города.

Они оказались там около половины двенадцатого. На улицах уже собирался народ, который явно не хотел встречать праздник за накрытым столом. Впрочем, душевно принять кое-кто успел заранее. Слегка возбужденные кучки народа перемещались по улицам и поглядывали на часы, а наиболее домовитые заняли позиции наизготовку у дверей собственного дома, с фейерверками в положении «ключ на старт».

Саша с Ингрид переминались с ноги на ногу на одном из мостиков. И вдруг – с угрожающим шелестом прямо рядом с ними ушла в небо первая ракета, рассыпалась наверху снопом желтых брызг, и чей-то истошный бас пророкотал под ухом: “Gelukkig Nieuw Jaar!”³⁴

И началось. Саша ожидал ярких впечатлений, но что это будет *так*, он и представить себе не мог. Вверх и вдоль улиц, с одной стороны на другую и из окон вниз летели со свистом, воем и грохотом петарды, ракеты, шары, и то, чему нет и не может быть названия – и все это вертелось, шипело и взрывалось на лету. Саша оглох, а потом утянул беспечную Ингрид к стенке, в более безопасное место, и не зря – в центре мостовой рвалось гораздо чаще, чем у стен. На противоположной стороне улицы уже вовсю горели обе шины чьего-то велосипеда, а через некоторое время показалась машина скорой помощи, с трудом продиравшаяся через толпу.

На двадцатой минуте нового года Сталинградская битва потихоньку превратилась в обычное мирное веселье. Тогда они влились в хаотичную праздничную толпу и отправились бродить по улицам. Выпивки было куда меньше, чем бывает по такому случаю в

России, да и народ был не так раскрепощен, общего веселья не наблюдалось. Гуляющая толпа все-таки состояла из отдельных личностей и групп личностей, каждая из которых свято уважала свободу других. Только поздравляли друг друга иногда...

Вернулись домой уже под утро и сразу же завалились спать.

На следующий день Сашу ждало небольшое объяснение с Ингрид. Нормальная русская девчонка, наверное, постаралась бы сделать ребенка или завести парня на стороне, стала бы динамит или завлекать – смотря по уму и характеру. А может, закатила бы истерику с заламыванием рук и бесконечной цепочкой риторических вопросов: «Ты что, меня разлюбил? У тебя другая? Это правда?» – и пришлось бы давать дежурные успокоительные ответы, думая про

³⁴ С Новым годом! (нидерл.)

себя, что и любви-то особо никакой не было, так, перепихнулись. И Саша не начинал такого разговора именно потому, что терпеть не мог всего этого бабства.

Но не то – с гордой и прекрасной Ингрид, правнучкой воинственных батавов и вольнолюбивых гёзов, хладнокровных моряков и прижимистых торговцев, трудолюбивых фермеров и добропорядочных их жен. Ясным днем 1 января 1992 года она хорошо поставленным голосом произнесла длинный и изящный монолог, из которого Саша понял далеко не все выражения, но хватило и понятого.

Собственно, почва была уже давно готова. Размеренное буржуазное супружество им по определению не грозило, настоящих girlfriend'a и boyfriend'a из них как-то не получилось, а о вялом совковом “сожительстве” и думать не хотелось.

Она важно сообщила ему, что в отношениях наступил кризис, и она будет рада, если они останутся добрыми друзьями. Конечно, пусть он поживет у нее. Интересно, не справлялся ли он о переносе даты вылета?

Все было просто, понятно и намного хуже простого русского бабства. Ингрид начала этот роман, она же указала на его завершение, заблаговременно известив партнера и позаботившись о взаимоприемлемой форме расставания. Наконец, она сделала кофе и подала его к столу вместе с печеньем и бутербродами, попросив его помыть посуду после завтрака.

Без нервов и особенных чувств, с твердым осознанием ситуации и глубоким уважением к личности друг друга – так завершался их роман. А собственно, не так ли и начинался? Да и был ли он? Что он знал об этой девчонке, что он в ней видел? Это не утрехтская ли башня притворилась ее тонким носиком, не амстердамские ли каналы сделались ее серыми глазами? Может быть, она – это просто Дева Голландия, ловящая прохожих странников? Русалка, напоившая его зельем под видом кофе, утянувшая его на дно морское? Надо же, какая нелепость взбредет порой в голову...

Саша пережил этот праздничный день в терзаниях и безделье, не понимая ровным счетом ничего. А на следующий пошел в контору Аэрофлота. В просторном и хорошо обставленном помещении конторы сидело всего два человека, и оба отказались говорить с ним по-русски, хотя из задней комнаты явственно доносилась русская речь. Пришлось переходить на английский, и Саша даже не сразу понял, что ему объясняют. А когда понял, то вздрогнул. Его билет был куплен по самой дешевой таксе, не предусматривающей переноса даты. Теперь он просто-напросто пропал. Чтобы купить новый, надо заплатить немногим меньше тысячи гульденов. Были еще какие-то скидки, но они мало что значили в подобной ситуации. Ловушка захлопнулась.

Он вежливо простился с видом человека, который просто осведомился о покупке, но пока не захватил с собой наличных, и вышел на улицу. Некоторое время он бессмысленно бродил по улицам в центральной части города, разглядывая витрины и вывески и пытаясь сосредоточиться хоть на какой-то мысли. После вчерашнего разговора делиться этой новостью с Ингрид было нельзя, тем более нельзя было просить ее о помощи. Надо немедленно наниматься на работу, и

работать по 15 часов в сутки, где только достанется, собрать деньги на билет. И даже больше: заявиться с ворохом подарков для родных и друзей, с навороченными прибабасами для себя! Пусть знают, что его поступок был не мальчишеской блажью, а приятным европейским вояжем.

Но начинать поиски работы надо было прямо сейчас, а это пугало. Как он помнил, для несчастливых обладателей социалистических паспортов оставалось мытье посуды в ресторанах. Собственно, так и описывалась жизнь европейских бедняков в старых журналах «Крокодил». Оставалось только выбрать дверь, в которую он войдет и предложит свои услуги. Но одна казалась слишком роскошной, другая пугала непрозрачностью, а третья просто смотрелась неприветливо.

Впрочем, что уж тут привередничать! Саша толкнул первую попавшуюся дверь и оказался в немногочисленном уютном кафе. В маске уверенного дружелюбия Саша приблизился к официанту. Тот учтиво сказал что-то по-голландски и показал на пустующий столик. Саша сглотнул слюну и спросил:

– Good afternoon. Do you need a worker?

– What do we need, sir?

– A worker. To wash dishes or something. A job.

– You can talk to the manager, chap,³⁵ – и официант указал на дверь в углу, за которой скрывался менеджер.

Еще раз сглотнув, Саша вошел внутрь и оказался в тесном коридорчике. За приоткрытой дверью слушались звуки оживленной канцелярской деятельности. Саша постучал, дождался ответа и вошел. В крохотной комнатке за столом сидел пожилой господин в мягком темно-синем свитере.

– Good afternoon, sir, – начал Саша, – do you need a worker?

– Are you a foreigner?

– Yes, sir.

– Where from?

– Russia.

– You've got a residence permit of course?

– No, sir.

– Sorry. Try to get your papers first. Bye.³⁶

³⁵ – Добрый день. Вам нужен рабочий?

– Кто нужен, сэр?

– Рабочий. Мыть посуду или что-то вроде того. Работа.

– Можешь поговорить с менеджером, парень. (англ.)

³⁶ – Добрый день, сэр. Вам нужен рабочий?

– Вы иностранец?

– Да, сэр.

– Откуда?

– Из России.

– У вас, конечно, есть вид на жительство?

– Нет, сэр.

– Извините. Постарайтесь сперва его получить. Пока. (англ.)

Аудиенция была окончена.

В этот день ему предстояло несколько подобных диалогов. Иногда они оканчивались уже на уровне официанта, иногда он добирался до менеджера, но либо не было вакансий, либо проявлялся слишком оживленный интерес к его праву работать в границах Европейского сообщества.

За ужином он сказал Ингрид как можно безразличнее (иногда все-таки здорово быть актером!):

– I think I leave you in a week. Thanks for hospitality.

– Oh! Do you fly home?

– Yea, that's what I plan.

– Well. T'was a marvelous time, wasn't it?

– Sure.³⁷

Разговор прошел чисто по-европейски – или по-голливудски? Саша оказался талантливым учеником.

Их было много, этих ресторанчиков и кафе. Потом Саша стал пробовать еще и магазины. В одном супермаркете его даже отвели в подсобку и дали перетаскать какие-то нетяжелые коробки, а потом сунули десятку, но о постоянной работе разговаривать не захотели. Впрочем, обнадеживало уже и это. Десятка за час – неплохо! И все же...

Может, не такое у него выражении лица? Слишком просительное и неуверенное? Ну, Саня, ты же актер, давай, надень другую маску! Хороший парень с временными затруднениями рассмотрит деловые предложения...

Наконец, примерно в двадцатом кафе, ему повезло. Хозяином был пожилой индонезиец с тонким молочно-шоколадным лицом и короткими седыми волосами. Он сразу отвел его на мойку и, даже не задавая бессмысленных вопросов о происхождении и официальном статусе, объяснил, что через день надо приходиться в восемь вечера и мыть посуду примерно до половины двенадцатого. В кафе в это время наплыв, штатный посудомой не успевает. Плата – 15 гульденов за вечер, плюс покормят.

Это было совсем негусто – буквально на прожитие, и все. При самом идеальном раскладе – чуть больше двух сотен в месяц. Но это было начало. Да и работа хоть не особо приятная, но и не слишком утомительная. И ужин бесплатный на дороге не валяется.

³⁷ – Пожалуй, я через недельку съеду. Спасибо за все.

– А, летишь домой?

– Да, собираюсь.

– Понятно. Хорошо время провели, правда?

– Конечно. (англ.)

Гораздо проще решилось с жильем. Он наведлся в родную общагу, и койка, которая стоила 15 гульденов за ночь, была ему предоставлена без денег – за ежеутреннюю мойку посуды в буфете. Таким образом, середина дня оставалась свободной для поисков настоящей работы.

Новый, 1992, год оказывался не таким уж и плохим.

Близилось расставание с Ингрид. После того новогоднего разговора Саша старался общаться с ней как можно меньше, и Ингрид была этим удивлена. Доброй дружбы не получалось. Пару раз она пыталась вернуться к разговору об их отношениях, и, кажется, пыталась по-своему извиниться, даже делала ему комплименты – мол, русские гораздо сексуальнее голландцев и вообще они богатыри из сказочной страны. Но Саша вежливо отталкивал эту тему. Теперь-то что? Разве он матрешка сувенирная?

Он мог бы простить измену, но у него просто не укладывалось в голове, как можно было с одинаковым равнодушием затащить его в койку и по прошествии некоторого времени из нее выпихнуть. Он уже успел убедить себя, что это Ингрид заставила его остаться и, следовательно – что это она сломала ему и театральную карьеру, и личную жизнь, да еще и с билетом раскрутила. Бедная Ингрид, вероятно, и представить не могла, как беззвучно материл ее Саша после очередной неудачи с трудоустройством. Все-таки надсадные российские нотки в их расставании прозвучали – не с ее, так с его стороны.

Так что днем 7-го января он покинул ее квартиру с набитой сумкой и сказал, что провожать до аэропорта не надо. Ингрид, в свою очередь, предпочла не сообщать, что уже звонила в справочную и узнала, что в этот день рейсов на Москву не было, да и в любом случае провожать его она бы не стала.

Саша перебрался в общагу. За всеми хлопотами он чуть было не забыл, что Ян пригласил его на празднование русского Рождества. Он был бы не прочь зайти в церковь, но мытье посуды в буфете явно не оставляло такой возможности. Зато днем должен был состояться праздник в некоем «приходском доме» в центре города.

Он довольно легко нашел этот дом, расположенной на живописной улице, идущей вдоль канала. Пришел он чуть позже назначенного времени, но, по русскому обычаю, народ еще только начал собираться. Оказалось, на входе продают билеты, и пришлось собирать по карманам последнюю десятку. Если бы не перспектива работы, он бы просто плюнул и ушел.

«Приходским домом» оказались несколько комнат на первом этаже старинного роскошного здания. Обставлены они были довольно просто, а по стенам были развешаны картины на какие-то религиозно-фольклорные темы и репродукции икон. Посреди главной комнаты стояла со вкусом украшенная елка.

В углу были накрыты столы, и это оказалось как нельзя кстати, да и потеря десятки оправдалась. Впрочем, к столам пока не приглашали. Помещение постепенно наполнялось самыми разнообразными людьми, говорившими вперемешку на русском и голландском, а местами и на

английском. Довольно обычное сочетание для такого рода тусовок, отметил про себя Саша. Среди этих людей оказался и Ян, да и еще несколько знакомых по прежним вечеринкам парней и девушек, но поговорить было просто невозможно – вокруг Яна сразу закипела не слишком бурная, но суетливая деятельность по окончательному приведению столов в праздничный вид, и было не до разговоров. Саша сам оказался затянут в водоворот праздничной суеты и резал на кухне французские батоны, еле удерживаясь, чтобы не начать их поедать прямо на месте.

Но хлопоты стали потихоньку стихать, и Саша успел перебраться в комнату как раз к началу торжественной части. К елке вышел старенький священник, прочитал какие-то молитвы на славянском и на голландском, в ответ ему неожиданно громко грянул хор, стоявший тут же, сбоку от елки. Священник был похож на Деда Мороза, и стало быть, на долю регента, молодой женщины, выпадала роль Снегурочки. Саша даже явственно представил себе, как сейчас этот священник взмахнет чем-нибудь подобающим и скажет: «Ну-ка, елочка, зажгись!» А потом они с регентом будут загадывать загадки и раздавать подарки.

Собственно, почти так оно и получилось. После молитвы хор стал петь рождественские колядки. Пели здорово, хотя, пожалуй, слишком громко. Звучало что-то вроде бы и русское, может, даже из дореволюционного, а вроде бы и неживое.

*Ликуй ныне,
и радуйся, земле,
Сын Божий
народився!*

Или это по-украински? Похоже.

*Придут к тебе, земле,
три праздника в гости.
Ото перший празник
Святого Василя...*

Но едва они кончили петь, как к регенту полез некий выходец с Украины и стал горячо доказывать, что текст они переврали, а потом полез в ноты и стал править прямо там. Но робкие возражения регента, что это из сборника начала века, и что это мог быть какой-то особенный диалект украинского языка, поборник самостийности страшно обиделся и стал кричать, что украинский – не диалект, а самостоятельный язык, и что вот московский говор – это точно испорченный украинский диалект.

Словом, праздник начался.

Скоро позвали и к фуршетным столам, но вот до деловых разговоров дело как-то не доходило. И как раз в то время, когда фуршетиться было уже особенно нечем, Ян вдруг сам подошел к Саше и представил невзрачного паренька, их ровесника.

– Знакомьтесь: Дмитрий, Александр.

Они молча пожали друг другу руки. Дмитрий, видимо, был в курсе ситуации.

– Живешь где? – сходу спросил он.

– Тут, недалеко, в хостеле.

– Нормально?

– Нормально.

– С работой, сам знаешь, тяжело. Пока нет ничего на горизонте. А будет – скажу Ване, о'кей? С ним-то контактишь?

– Бывает.

– Ну и ладно. Сам с Москвы?

– Точно.

– А я с Днепропетровска. Ну, как там столица?

– Да так себе. Жрать нечего.

– Ну так. У нас тоже не густо было, как я уехал.

– А ты давно тут?

– Полгода. Ты прикинь, – рассмеялся парень, – уезжал из УССР. А теперь вон незаможня, зато самостийна та незалежня. Видал, тут хохол выдрючивался, насчет песенок ихних?

– Ви-идел.

– Ладно. Короче, держим связь.

И парень уже явно собрался отчаливать. Результат Сашу явно не обнадежил, и он постарался продолжить разговор:

– Слушай, а что за работа-то может быть?

– Посмотрим. Пока неясно, – и парень резко отошел в сторону.

Да, небогато для начала. Десятку, главное, жалко. Впрочем, поел хорошо, да и с выпивкой, уже неплохо... И тут к Саше подошел другой парень, совсем молоденький, с простоватым деревенским лицом.

– Вовкой меня зовут, – представился он. – Чё, нелегал?

– Чего? – удивился Саша.

– Нелегально тут?

– Почему, виза пока не кончилась.

– Ну дык кончится ж. Да не бось, я ж не потому чтоб чего такого. Остался тут, что ли?

– Пока остался, там посмотрим.

– Бабки нужны, конечно?

– Ясное дело.

– Хошь с нами? Я тут на Кальвере саксофону, а Педро на стреме.

– На чем – саксофонишь? – разговор начинал пугать Сашу своей блатной терминологией.

– На Калверстрат, – пояснил Вовка. – Ну, улица такая, где магазины. Ты врубайся. Полиция гоняет – нельзя, значит. Уже один раз чуть не заставили пенальти, ну, штраф нехилый платить. Еле выкрутился.

Саша с трудом начал понимать, что это, кажется, музыкант. И что саксофоном он называет не воровской инструмент, а музыкальный – и возможно даже, действительно саксофон.

– Педро – это бразилейро тут один, – видя, что собеседника заинтересовал разговор, терпеливо объяснял Вовка. – Я тогда предложил ему, чтоб сторожил. Но надо ж с двух сторон, ты прикинь. Вот ты за квартал справа, он за квартал слева, я лабаю. Ментура подвалит – вы по шустрому ко мне, я в переулок. А бросают хорошо, они тут на это не жадные. Тебе четверть сбора, если согласен.

До Саши, наконец, дошло, что именно ему предлагают:

– А сбор большой?

– Получается нормально, не дрейфь. Если хорошо посидеть – до сотни в день забашлить можно. Слушай, тебя как зовут-то?

– Саней.

– Ну вот и скорефанились.

Трудовой договор был заключен. Скоро они втроем с Педро, который тут же поджидал своего работодателя, покинули вечеринку, оживленно обсуждая планы дальнейшего обогащения и щедрость охочих до уличной музыки аборигенов.

10. СЕРЕНАДА СОЛНЕЧНОЙ ДОЛИНЫ

Так сходу и решилась проблема заработка. Вовка (он предпочитал, чтобы его называли именно так) играл на саксофоне на Калверстрат. Саша и Педро должны были сторожить по обеим сторонам улицы, чтобы вовремя предупредить о приближении полиции.

Вовка действительно играл здорово, ничего не скажешь. Больше всего на свете он любил смутные и сумбурные импровизации, но скоро понял, что прохожие от них не в восторге. Тогда он подобрал проходной репертуар – битловскую “Yesterday”, “La vie en rose” от Пиаф, несколько вещей Армстронга, но больше всего грела его собственное сердце “Серенада Солнечной долины” Глена Миллера. Именно так он и обозначал эти мелодии по имени исполнителей, похоже, не задумываясь всерьез о существовании композиторов.

Серенада разносилась по предвечерней торгово-туристической улице под пронзительным сырым ветром и нескончаемым дождем, словно Вовка был шаманом и хотел бесконечными повторами милой джазовой мелодии превратить этот промозглый вымокший город в солнечную долину где-нибудь в Калифорнии. И люди действительно щедро кидали ему деньги, в основном от

кварче³⁸ до рьяксдалдера³⁹, но за серенаду обычно платили щедрее. Видимо, сами признавали в нем шамана. А может быть, просто много было среди них американцев. Часто в дневной выручке попадалось несколько американских, бельгийских или немецких монет, и тогда Вовка матерно ругал этих остолопов, которые думают, что на их родную валюту водку во всем мире продают. Такие монеты Саша сначала оставлял себе для коллекции, а потом стал их просто выбрасывать. Не нести же в обменный пункт десять центов, в самом деле!

Заработок действительно выходил очень приличным. В час набегало гульденов двадцать пять, а то и тридцать, Саше, стало быть – семь с полтиной. За мытье посуды могли дать и побольше, но там была тяжелая работа на весь вечер, а тут – гуляешь себе часок по улице, глазеешь, пока Вовка старается. И никаких хлопот. А кроме того, никто не командует, когда начать работу, когда кончить. Мало денег – можно побольше подудеть, как выражался Вовка.

Командовал, конечно, Вовка. На ветру и холоде играть было нелегко, поэтому больше трех часов в день они там оставались редко, да и то с одним-двумя перерывами. В перерыв шли в соседнее кафе и пили капуччино, согреваясь и подпитываясь кофеином для дальнейшей жизни. Конечно, ничего, кроме кофе, не заказывали. Раз как-то дернули на пробу по глинтвейну, но вышло дорого и несерьезно, поэтому повторять не стали. Лучше уж бутылку джина взять в магазине. Не водка, конечно, но все же...

Вовка с Педро жили тоже в каком-то притоне вроде Сашиной общаги, и тоже устроились за мелкую работу, не за деньги. Покупали продукты в самом дешевом магазине Aldi – в центре, на Вайзелстрат. Правда, далековато и от Калвера, и от места жительства, но у Вовки был раздолбанный велосипед, поэтому возили все на нем. Ели в основном два раза в день, или в одной из “общаг”, или просто где-то в парке. За ужином обычно пили, но не до полусмерти, как водится, а только допьяна.

И жизнь получалась необычайно экономной. Саша даже попробовал подсчитать, сколько потребуется времени, чтобы насобирать необходимую на обратный билет и подарки тысячу, и выходило, что пару месяцев, не больше. А с визой как-нибудь обойдется, не он первый, не он последний, в конце концов. Саша позвонил из уличного автомата в Москву, маме и постарался, насколько хватило мелочи в кармане, ее успокоить. Кажется, удалось.

Очень скоро Саша отказался от мытья посуды в ресторане – это было и тяжело, и поздно, и при таком легком доходе все-таки необязательно. В общаге, конечно, приходилось заворачивать часов в 12 дня в кухню и перемывать небольшую горку посуды, но когда Саша привык, на это стало уходить совсем немного времени.

³⁸ “четвертак” – монета в 25 центов.

³⁹ “имперский таллер” – монета в 2½ гульдена.

Через неделю их совместного труда Саша с удивлением узнал, что бразильца зовут Жозе, а вовсе не Педро. Но Вовка, а следом за ним и Саша, звал его Педро, и тот откликался. Как не вспомнить русскому человеку «дона Педро из Бразилии, где в лесах много диких обезьян».

Впрочем, странное имя очень скоро получило совсем другое объяснение. С самого начала было хорошо заметно, насколько бразилец с ними мягок и обходителен. Вовка над ним периодически подшучивал, иногда довольно грубо, но тому, похоже, это нравилось. Можно было только удивляться таким отношениям, пока бразилец как-то в припадке пьяной сентиментальности не ущипнул Сашу за мягкое место и не стал нашептывать по-португальски непонятные нежности. Словом, Педро оказался педерастом.

Саша слегка встряхнул его за грудки, ляпнул что-то вроде “I’m not of your company”⁴⁰, и тот отстал. За Вовкой он все же слегка ухаживал, а тот отмахивался от него с шутливым гневом, если что-то такое замечал. Саша оставлял этот странный альянс без комментариев. Что ж тут поделаешь – Педро и Педро со всех сторон, будь ты хоть трижды Жозе.

А если всерьез, Педро явно не стремился перетянуть их с Вовкой в свой колхоз – он жил какой-то своей особенной жизнью, периодически пропадал, иногда в самый неподходящий момент, и никогда ничего не объяснял. Вероятно, вся эта затея с Вовкиным саксофоном была нужна ему лишь как средство заработать на пропитание, пока он будет наслаждаться своей жизнью амстердамского гея.

Вот он-то их и подвел. Тот день выдался, против обыкновения, ясным и солнечным, так что “дудеть” было одно удовольствие, да и туристов на улице было побольше. Как обычно, Саша пошел на следующий перекресток ближе к центру, а Педро – в противоположную сторону. Через час они должны вернуться к Вовке, а тот скомандует – или пошли кофе пить, или на сегодня уже хватит, или “еще малек подудим”. Саша лениво прогуливался в полной готовности распознать в праздной толпе иссиня-черную полицейскую форму и побежать предупредить Вовку, что надо смываться.

Когда через час он вернулся на условленное место, полиция была уже там. Здоровенный детина выламывал саксофон из Вовкиных рук, а тот не хотел отдавать, но и бежать без инструмента тоже явно не собирался. Рядом другой детина-полицейский меланхолично наблюдал схватку, не вмешиваясь в нее.

Саша замер. Встревать было бесполезно. Оставалось разыгрывать роль случайного прохожего, глазающего на колоритную сценку.

Наконец, первый полицейский здорово крутанул инструмент, и новенький саксофон, блеснув в воздухе, звонко грохнулся о мостовую и распался на составные части. Вовка ахнул и нагнулся за “дудкой”, как он ее называл – нагнулись и оба полицейских, но за обломки уже не было

⁴⁰ Я из другого кооператива (англ.)

никакой схватки. Что-то опять звякнуло, и еще раз, второй детина что-то сказал первому, они повернулись и медленно пошли прочь.

Вовка сидел на корточках и плакал. Саша подошел, сел рядом и почему-то стал нежно гладить металлическую трубку со свежей вмятиной на боку.

– Вот суки, а, – выдохнул с жалобным всхлипом Вовка, – нарочно ведь, мурло ментовское, дудку сломал. Пенальти, говорит, заплатишь, а пока арестую инструмент. А ломать-то, блин, на хрена? Ты ж видел, он потом нарочно об стенку захреначил, и каблуком гребанул – конкретно помял, теперь не починишь.

– Может, случайно он?

– Хренайно! А где этот мудрила гребаный, бразилейро недоделанный? Я ему, помидору гнойному, хлебальничек-то начищу.

Вовка рванулся в ту сторону, где должен был стоять Педро. Саша – следом, чтобы предотвратить разборки прямо тут, на улице – тогда ведь могут действительно в полицию загрести.

Педро на улице не было. Вовка вмазал кулаком по ближайшей стене – как только руку до крови не расшиб! – и поплелся обратно, подбирать обломки своего саксофона, которые уже звенели под ногами какого-то парня с лицом дегенерата. Вовка подскочил к парню, но драться не стал, наклонился к обломкам – и вдруг сам пнул ногой самую большую трубу, и она покатила метра на три, пугая прохожих. Чинить там было уже нечего.

Вовка переживал потерю саксофона как гибель близкого человека. Никогда больше об этом не заговаривал и не выказывал никаких эмоций, но весь как-то сник и стал равнодушен.

В тот день они вдвоем с Сашей довольно долго бродили по улицам, потом вернулись в Вовкину общагу. Вошли в его комнату и оказалось, что там уже сидит недоумевающий Педро.

– Where were you? ⁴¹ – спросил он раздраженно.

– We?! Where you were, fucking... fucking... – Вовка со своим скудным английским никак не мог подобрать что-нибудь подходящее, – fucking fool!⁴²

Прежде чем он успел повторить свое главное слово три раза, Педро был уже на ногах и кричал что-то по-португальски. Вовка перешел на родимый русский мат – так они и стояли, вцепившись друг в друга взглядом (но без рук) и ругаясь – каждый на непонятном противнику языке.

– Э, да что с ним говорить. Чурбан, не понимает, – неожиданно резюмировал Вовка. И, утратив всякий интерес к бразильцу, повернулся и лег на свою койку, как был в одежде, задрал ноги в ботинках на спинку кровати.

⁴¹ Где вы были? (англ.)

⁴² Мы?! Ты где был, гребаный, гребаный... гребаный дурак! (англ.)

Саша попробовал объяснить бразильцу, что произошло и в чем его вина. Тот на самом деле очень огорчился, виновато подошел к Вовке и стал говорить что-то очень хорошее и ласковое, опять по-португальски. Вовка мягко и даже почти ласково ответил ему:

– Уйди, педрила.

Несколько дней они продолжали жить по-прежнему – встречались днем на Кальвере, прогуливались, даже пробовали собирать деньги так, без саксофона. На сей раз Саша пробовал петь, а Вовка с Педро стояли на шухере (с Педро была проведена разъяснительная работа), но без инструмента выходило как-то не так, и денег кидали мало. Если делить на троих, то слезы горькие. В другой день Педро попробовал жонглировать апельсинами, но получалось еще хуже. Словом, бродячего цирка из них не вышло.

А потом Педро пропал насовсем. Видимо, прибился к другой, более удачливой компании, или нашел какое-то занятие в своем гомосексуальном мире. Однажды вечером просто сказал “Bye-bye”⁴³, взял свою сумку (а больше вещей у него не было) и ушел, как это уже бывало не раз. Но к утру не вернулся. Больше они его не видели.

Деньги тем временем таяли. Саша попробовал было сунуться в ресторан, где раньше мыл посуду, но его место оказалось занято. Зашел еще в несколько кафе, но безуспешно. Работы не было.

А через пару дней Вовку выставили из “общаги”, сказав, что его услуги на кухне больше не нужны. Саша решил попробовать поселить его у себя – и вышло еще хуже. Менеджер, дама сильно за пятьдесят, почему-то очень рассердилась, и сказала, что вообще-то место стоит пятнадцать гульденов в сутки, и что если Саша моет посуду в буфете, так это полчаса работы, и она может засчитать это только за пятерку. Остается десять, которые надо платить деньгами. Так что не только не удалось пристроить Вовку, но и сам Саша вылетал из “общаги”, потому что платить десятку в день явно не мог. Взять ее было негде.

Так в начале февраля 1992 года оба они оказались без работы, без жилья, без билета домой и без законных оснований находиться в Нидерландах.

11. БЕЗДОМНЫЙ, БЕЗВИЗОВЫЙ, БЕЗРАБОТНЫЙ

Все последующее слилось в Сашиной памяти в один тягучий горький комок. Это было как с бредовым сном, когда пытаешься вспомнить его наутро – все события перемешались и беспорядочно всплывают в памяти, и уже невозможно понять, какое предшествовало какому и была ли между ними логическая связь.

⁴³ Пока! (англ.)

Кончалась зима и начиналась весна. Постоянной работы не было, хотя отчаянно голодать тоже не приходилось: ели практически каждый день, часто даже и пили. Впрочем, при такой жизни выпить было порой важнее, чем наестся: помогало не думать и не чувствовать. В особо трудный день Вовка даже продал совсем задешево свой велосипед.

Сперва казалось, что существует немало способов подкормиться на халяву. То в магазине давали бесплатно конфетки на пробу, то прямо на улице – льготные жетончики для какого-нибудь кафе или забегаловки. Правда, магазинные рекламные порции были ничтожными, а льготный жетон вступал в силу только после того, как какие-то деньги уже потрачены: например, если купишь кусок пиццы, то второй дадут за жетон, без денег. Так что никакой халявы, одна видимость.

Гораздо лучше – попасть куда-нибудь, где угощают. Вовка с Сашей стали аккуратнейшим образом посещать русскую церковь по воскресеньям. Они приходили минут за пятнадцать до окончания службы и, поцеловав должным образом крест, отправлялись в комнатку на втором этаже, где подавали отличный кофе с печеньем. Голода это не утоляло, но давало удивительное ощущение домашнего покоя. Вообще-то в центре стола стояла плетеная корзиночка для денег за кофе, но платить было совершенно не обязательно, вот они и не платили. Кроме того, воскресное кофепитие было неплохим шансом познакомиться с представителями русской общины и разжиться работой. К сожалению, шанс этот ни разу не воплощался ни во что реальное.

Вовка попробовал подъехать с задушевным разговором к священнику и пожаловаться на их бедственное положение. Священник выслушал его очень внимательно, посоветовал возвращаться в Россию и предложил исповедаться и причаститься. От него, однако, ждали совершенно других предложений, и разговор не получился.

Они перехватывали десятки и четвертные на разгрузке машин, на черной работе в кафе и супермаркетах, один раз даже на стройке. Саша попробовал сунуться в студенческий театр. Его узнали, очень ему обрадовались, позвали на очередную вечеринку. Когда он попробовал заикнуться о работе, лицо голландского режиссера перекопилось и на нем недвусмысленно отразилось недоумение: как можно было испортить приятную светскую беседу столь неделикатной просьбой? Саше даже неловко стало. На вечеринку они, правда, с Вовкой пошли и хоть наелись досыта и вкусно.

Вовка сходил в кабак, где доводилось как-то играть. Его были готовы взять хоть завтра, но с инструментом. При этом кредит на покупку новой “дудки” выделить отказались. Впрочем, и их можно понять – это приличные деньги. А что как Вовка запьет, смотается или попадет в полицию? Кто отрабатывать будет? Вот с инструментом – приходи, потолкуем. Эх, не знали они, что за парень Вовка на самом деле! Такой – не пропьет. Для него ж саксофон – как невеста.

Существовал, правда, еще один выход. В центре, желательно в “красном квартале”⁴⁴, подъезжать по вечерам к иностранцам приличного вида: “Sir, can you give me a guilder to eat something? Do you know what does it mean when you have nothing to eat?”⁴⁵ Иностранцы сами-то небось не голодали, потому и порой бывают и жалостливыми. Но больно уж мерзок был вид у тех, кто промышлял таким образом. Таким рецептом они с Вовкой ни разу не воспользовались – и очень этим гордились.

С жильем было совсем сложно. Сначала пробовали ночевать на вокзале, но там было очень шумно и практически невозможно выспаться. Спать можно было в парках или на улице, но было еще холодно, а никаких спальников, естественно, не было и в помине. Кроме того, на улице могла проверить документы полиция – и что тогда? Даже толком неясно. То ли с позором депортируют, перекрыв навсегда въездную визу в приличные страны, то ли, хуже того, в тюрьму посадят. Впрочем, в тюрьму – это вряд ли. Но в любом случае попадаться не хотелось. Ведь если уж ввязались, то надо вынырнуть из этого дерьма победителями, верно? Заработать на билет и обязательно – на подарки родне и друзьям. Даже и на такси от Шереметьева. И вернуться с приятной европейской прогулки, а не из вонючей каталажки.

Ночевали какое-то время в слипине – бесплатной ночлежке, совсем уж убогом заведении. Очень нескоро Саша сообразил, что это от английского “sleep-in”. Но оставаться постоянно там, конечно, было нельзя.

А потом случайно встретили на улице мужика лет сорока, с косичкой и здоровой серьгой в левом ухе. Они, собственно направлялись в слипин, но что-то заблудились, да и были оба под градусом. Короче, спросили у него дорогу. Он сказал, что никакого слипина не знает, но если им негде ночевать, то нехай идут к нему на чердак. Там встанет пара раскладушек, правда, холодно. И с последних чисел марта они стали ночевать на чердаке маленького домика где-то довольно далеко от центра, в районе Слотерварт. Мужик был явно с прибабахом, но очень полезный. С ними совершенно не общался, денег не требовал, и похоже было, что так он расплачивается с судьбой за собственную хипповскую юность, когда сам ночевал неизвестно где.

На чердаке было очень холодно – он совершенно не отапливался. Но хозяин (кажется, его звали Кес) дал им два драных пуховых одеяла. Так и спали под ними, почти не раздеваясь. В общем, было неплохо. Только далеко от центра, где кипела жизнь и было больше всего шансов перехватить денег или кормежку на халяву. Приходилось добираться на трамваях, причем выбирая такие, где нет кондуктора и можно влезть без билета. А потом внимательно смотреть на каждой остановке, не сядет ли контролер в темно-синей форме.

А тем временем началась ранняя голландская весна. Свинцово-бледное низкое небо постепенно голубело и поднималось над оттаявшей землей, а клумбы на перекрестках меняли свой

⁴⁴ Район публичных домов.

цветочный наряд чуть не каждую неделю. Пронзительный ветер становился теплее и приносил с собой что-то особенное, весеннее, тот тонкий необъяснимый аромат, с которого начинается приход весны в любом городе. Пуховые одеяла на чердаке стали излишеством, а погода превратила неизбежные хождения по улице в почти приятные прогулки. Так что жизнь не то чтобы наладилась, но все-таки была терпимой.

Саша с Вовкой даже стали меньше пить и начали ссориться – верная примета, что стадия совместного выживания пройдена и жизнь возвращается в нормальное русло.

Купили себе по велосипеду в знакомом всему Амстердаму месте около университета. Двадцать пять гульденов, стандартная такса – наркоман продает ворованную машину ради дозы. Знаешь, что ворованная вещь, а куда денешься? Без велосипеда в этом городе и вправду никак. Санин железный друг был совсем обшарпанным и заезженным, но в хорошем состоянии. Былая роскошь все еще работала: ручные тормоза, трехскоростная коробка передач прямо на руле и фара с генератором от переднего колеса.

Возвратилась и тяга к путешествиям – Саня ездил по окраинам города, накручивая километры просто для удовольствия – или для знакомства с Амстердамом? Однажды, не слишком погожим весенним днем, побродив пальцем по карте, он выбрал маршрут вдоль утрехтского шоссе. Оздоровительная такая прогулочка – променад перед ужином. Может быть, даже удастся добраться и до Утрехта – города, где так славно начались их сумасшедшие поездки с Ингрид.

Когда он миновал мост через Амстель, а с ним – и границу города, время уже приближалось к сумеркам и накрапывал мелкий дождик, но Саша был полон радостной энергией. Голова была свежа и свободна от забот, велосипед легко катил по фитспаду – велосипедной дорожке рядом с шоссе.

Легко и приятно было вспоминать Россию и прошлую жизнь – тем более, что теперь он был от этой жизни далек и относительно независим. И пока он проезжал мимо травянистых лугов с канальчиками и коровами, воспоминания о родной квартире на проспекте Мира приходили словно от противоположного – настолько все было теперь другим.

Здесь само слово “дом” означает нечто совсем другое, чем в России, даже в почтовом адресе. Поначалу Сашу удивляло, как на коротенькой улочке номера домов могут перевалить за несколько десятков. А потом понял: то, что у них в почтовом адресе считается домом, на российский счет составляет подъезд или даже полподъезда. Для них дом – это твое жилье, даже если это всего лишь маленькая квартирка.

Когда ты идешь по этому городу, он тебе в самый раз, как домашние тапочки. Вот магазинчик, вот кафе, вот мостик через канал с утками, а вот садик с лавочками. Вот сквер и детская площадка – всё то, что давно уже изгнано из московского центра. А что такое девять

⁴⁵ Сэр, не дадите ли Вы мне гульден на еду? Знаете, каково это, когда есть нечего? (англ.)

десятих Москвы? Огромные, несоразмерные человеку пространства, застроенные коробками зданий и расчерченные широченными линиями проспектов. Нырнул в метро, вынырнул, протрясся четверть часа в автобусе или прошлепал по грязи среди однотипных зданий, убогих киосков – и негде тебе остановиться. Говорят, Брежневу очень понравился фильм “Ирония судьбы, или с легким паром” – и немудрено. Это же история счастливого совка, для которого что одна квартира, что другая, что та женщина, что эта.

Или вот эта их привычка – оставлять окна без занавесок. Зачем, казалось бы? Наверное, не станешь жить в свинарнике, раз с улицы люди смотрят. Вот у нас, как известно, сор из избы не выносят... Вот и лежит он веками, этот сор-то.

Мы привыкли к поворотам рек и социальным революциям – а может быть, не о них надо бы трубить по телеку и в газетах, а о том, как еще один человек перестал быть совком...

Сумерки уже сгустились, и он примкнул вращающуюся головку аккумулятора к ребристой поверхности передней шины. Крутить педали стало чуть труднее, но лампочка еле теплилась: шина была старая, ребрышки стерлись и головка генератора скользила. Сбоку блистало огнями утрехтское шоссе. Луга и коровы потонули в плотной тьме за занавеской измороси, которая становилась все гуще и холодней. Саше стало зябко и он понял, что насквозь промок, невзирая на любимую кожаную куртку, и что до Утрехта он так и не доберется.

Он остановился и обернулся. На плоской равнине были видны цепочки и островки далеких огней. Ясно было, что он заехал слишком далеко. Саша развернул велосипед и помчался обратно, изо всей силы налегая на педали, чтобы поскорее вырваться из пелены сумерек и сырости. Конечно, он не рассчитал. Надо было поворачивать еще полчаса назад. А теперь когда еще доберешься домой...

Домой! Как меняется смысл этого слова вместе с нашими передвижениями в пространстве! По мере удаления от собственного дома мы переносим это название на гостиничный номер, армейскую казарму, туристскую палатку в лесу. А теперь – на чердак чудаковатого дядьки в чужом городе и чужой стране. Так что не домой – скажем так: к сухости, теплу и свету.

Цепочки далеких огней разматывались навстречу, но каждая оказывалась все еще не тем, за что он ее принимал – началом Амстердама. Саша крутил и крутил педали все сосредоточенней, уже с каким-то остервенением, ничего не замечая и ни о чем не думая. Он настолько погрузился в монотонную механическую работу, что с недоуменным ужасом дернулся в сторону, когда из-за его спины вынырнул и просвистел вперед какой-то мотоциклист. Он почему-то был уверен, что едет по этой дорожке совершенно один.

До чердака Саша добрался уже глубоким вечером. Он улегся на кровать, подложив под гудящие ноги свою одежду, чтобы было повыше. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его никто не трогал; только Вовка сбегал вниз к Кесу и принес чашку крепчайшего кофе с ромом. Какие же они все-таки замечательные ребята, подумал Саша, прежде чем провалиться в сон.

12. ДЕНЬ ЕЕ ВЫСОЧЕСТВА

Конец апреля выдался солнечным и теплым. Тридцатого, как сказал им Кес, намечалось большое празднество – «Конингиннедах», королевский день. Накануне вечером Кес поднялся к ним на чердак, стал рыться в картонных коробках, что стояли в углу, вытаскивая самые экзотические вещишки: невысокий ржавый канделябр, рокерский плакат в сломанной деревянной рамке, потертый кожаный портфель...

Потом спустился вниз, вернулся с негустой охапкой ношеной одежды. Критически оглядел худощавые фигуры русских нелегалов и собственное пивное пузико, поцокал языком, приложил свитер к Вовке, потом к Сане, что-то спросил. Ребята покачали головами – нет, не по размеру. Да и тепло уже. Тогда Кес аккуратно сложил одежду – а она оказалась выстиранной и поглаженной – в стопочку поближе к отобранным вещам, похлопал ребят по спине и разразился длинной речью, из которой они отчетливо поняли только «морхен», «конингеннедах» и «феркоп»⁴⁶.

Утром он позвал их с собой на улицу – не на свою, правда, на соседнюю, где движение пооживленнее. Выбрал место, прямо на тротуаре постелил какую-то драную скатерку, разложил на ней странные свои товары. Впрочем... странные ли? Слева и справа на том же тротуаре пристраивались соседи, с таким же нехитрым скарбом. Неужто это всерьез? А вот и совсем интересно: пара молодых парней вытащила ящик пива, и второй, и ведро со льдом... Так, пиво на лед, грамотно. Сверху – ценник. И недорого, кстати, куда дешевле, чем в пивной. Так это... они собираются его продавать?! А как же полиция? Законы? То Вовке с его дудкой деньги собирать не дают, а то на виду у всех – пивом торговать, да еще и всякой дребеденью непонятной, и ничего?

А пива, кстати, неплохо бы сейчас. Солнце шпарит совсем по-летнему.

Кес всюю перекидывался радостными фразами с соседями, подходил к ним посмотреть, и они подходили, вертели в руках ржавый канделябр и рокерский плакат. А вот... неужели? Дама в нарядном плаще протянула Кесу три желтых пятигульденовых кругляша, и канделябр переключал к ней в объемистую сумку. Довольный Кес сунул деньги в кошелек, подмигнул ребятам – мол, поняли, как надо? – и, уже развернувшись уходить, бросил на прощание:

– It's all yours, chums. Whatever sells out, keep the cash. If the junk doesn't sell, just leave it here. G'luck, see ya!⁴⁷

– Данк е вел! – только и сумели поблагодарить его Саша с Вовкой, прямо в унисон.

Тут Вовку осенило. Из бесчисленных своих карманов он вытащил пригоршню советских монет, положил с краю скатерки. Монеты взял проходивший господин, видать, нумизмат, причем за «лысого» – рубль с Лениным – отвалил целый рьяксдалдер. Ну, хоть по пиву взяли, освежились.

⁴⁶ «Завтра», «королевский день», «продажа».

⁴⁷ Это все ваше, кореша. Если что распродадите – берите бабки себе. Какое барахло не продается – просто бросьте его тут. Ну, бывайте, удачи! (англ.)

Но на этом – всё. Вовка еще чего-то пыжился, потрясал рокерским плакатом, а Саша молчаливо созерцал камни на мостовой.

– Ну что ты, как неживой, медитируешь! – внезапно взорвался Вовка. – Давай, что ли, слепи им пару фраз по-ихнему, мол, хут, зер хут⁴⁸! Можешь ведь, Санёк!

– Хорош с дерьма пенки снимать! – Сашин ответ прозвучал резко, неожиданно для него самого.

– Ну, а ты с чего хотел бы? Жрать-то надо? – вдруг посерьезнел Вовка.

– Надо. Но не по-собачьи! – сам не понимая, что на него нашло, отрубил Саня. – Всё, хватит, – он резко встал на ноги.

– Что, в полицию сдаваться? Чтоб депортировали? Да отстань ты, чудогрёб, не до тебя – отмахнулся Вовка от потенциального клиента, который как раз спросил цену шерстяного свитера.

– Да хоть бы и это, – вдруг устало выдохнул Саня. – Понимаешь, не могу так больше. Или найду вот сегодня, вот сейчас, что-нибудь настоящее – или в полицию. Пусть депортируют. Жили в Союзе, ничего. Проживем.

– Эх, паря, пожалеешь. Эээ, минхер, минхер, – бросился Вовка за уходящим клиентом, – Хут, чистая шерсть, понимаешь, тин хилдер. Ну, фор ю ахт, хуткоп, фяйф⁴⁹! Да постой же ты, рожа твоя нерусская! – бросал Вовка в напряженную высокую спину, которая не реагировала ни одним мускулом, ни одной складкой синей ветровки.

Саша нагнал Вовку:

– Знаешь, Володя... брось это, а?

– Как ты меня назвал? – опешил тот, до сих пор он был только Вовкой. Потом криво улыбнулся и упрямо мотнул головой: – Не, Санёк. Я еще побарахтаюсь. Пену повзбиваю. А ты иди, раз решил...

– Ладно. Бывай. Лихом не поминай.

– И ты... будь.

И они крепко обнялись, а потом Саша развернулся и потихоньку побрел прочь, сам пока не зная, куда.

Столица нидерландского королевства явно страдала от острого приступа шизофрении: одна ее половина дурела от безделья, другая – ударилась в лихорадочную торговлю. По улицам шли кучки молодежи: парни в двурогих викингских шлемах, и на каждом роге – по пивной банке, и девчонок в драных джинсовых шортах, так аппетитно просвечивавших голыми попками, что ужасно хотелось ущипнуть. И тут же на тротуарах – такие же парни и девчонки, а с ними и люди постарше, а с ними и разномастные иностранцы – черные, желтые, медно-бронзовые, а порой и

⁴⁸ Хорошо, очень хорошо (нидерл.)

явные братья по соцлагерю – торговали всем, чем только можно и чем, казалось бы, и вовсе нельзя торговать. Вот, две матроны оживленно ощупывают переходящее знамя победителя соцсоревнования – хороший материал, Ленин красиво вышит... На коврик в сортир, что ли?

– Привет!

Русское приветствие посреди голландского празднества прозвучало как выстрел. Саша ошалело завертел головой. Он добрел почти до Фондел-парка, куда вливались толпы отдыхающих.

– Привет, говорю! Не узнал?

– Ян! Ваня! – перед ним стоял ван дер Велд, – это... Ваня... с праздником тебя.

– Меня-то зачем? Сегодня – день рождения принцессы Юлианы.

– Тогда при чем тут королева?

– Сейчас все объясню. Слушай, пошли в парк, у меня тут в двух шагах свидание назначено? А я по дороге расскажу.

Пока они потихоньку плыли в густой толпе к входной калитке, Ян начал хорошо поставленным лекторским голосом:

– Изначально этот день – день рождения нашей бывшей королевы Юлианы.

– А разве она умерла?

– Жива еще. Когда она поняла, что слишком состарилась, то ушла в отставку и передала трон своей дочери, Беатрикс. Это нынешняя королева. А Юлиана теперь опять называется принцесса. Но поскольку все привыкли праздновать именно 30 апреля, и это очень удобный день, то решили королевин день не перемещать. Обычно сегодня бывает хорошая погода, как теперь.

– Слушай, а почему базар такой повсюду?

– Сегодня не может работать ни один магазин. Но каждый человек имеет право без налогов, пошлин и лицензий торговать в любом месте любым разрешенным товаром. Мы – нация торговцев, так? Вот и торгуем раз в год всем подряд.

– Опаньки! – вздрогнул Саша, когда толпа притиснула их к забору.

– Кстати, и в Москве сейчас точно так. Каждый день, – заметил Ян.

– То есть?

– Торгуют, чем попало, где попало. Ельцин объявил свободу торговли, и теперь весь центр Москвы выглядит именно так. Теперь Россия – самая свободная в мире страна. Seriously. Я как раз две недели назад вернулся. Впрочем, – помолчав, добавил Ян, – там кажется, люди этим живут. А у нас – весело избавляются от старых... шмакодявок, так это называется?

– Шмоток. Или – барахла. Шмакодявки – это... маленькие люди, – поправил его Саша.

– Ты, кстати, посмотри, что тебе нужно, обычно находишь много ценных... шмоток для дома.

– Да что мне нужно... – вдруг вырвалось у Саши. – У меня и дома-то никакого нет.

⁴⁹ десять гульденов... для вас восемь, дешево, пять! (нидерл.)

– Seriously? – В голосе Яна неожиданно прозвучала теплота, словно не был Саша для него – чужим нелегалом, незаконно попирающим голландскую землю. Или правда – не был?

– Seriously, Ваня.

– А с работой?

– Аналогично.

– Так, – вытянутое нордическое лицо прорезали деловые морщинки, – надо будет подумать. Жаль, что ты не сказал раньше... Знаешь что? Я позвоню сегодня вечером Дмитрию с Украины, помнишь? У него напарник, вроде, уезжает. Они убирают богатые квартиры. Нелегально, конечно. Может, он возьмет тебя. А ночевать – есть где?

– Нет.

– Хорошо. Сегодня можешь переночевать у меня, а потом будет ясно.

– Ваня... спасибо! – справляясь с комком в горле, выдохнул Саша. Да разве можно было ожидать, что все разрешится так быстро и просто?!

– Еще не за что. Вечером пойдем ко мне, и я ему буду звонить. Я еще не знаю. Ооо! – обрадовался Ян, заметив какую-то компанию, которая как раз ожидала его по другую сторону от калитки. – Noi!

И они пошли в переполненный парк сидеть на покрывале, постеленном поверх загаженного донельзя газона, есть бутерброды, пить пиво, сок и лимонад. Потом гуляли по улицам. Потом Ян терпеливо ждал, пока Саша рьяно рылся в грудях тряпья по гульдену-два за вещь и вылавливал оттуда небросовые еще свитера, курточки, платица – в Москве такие в комиссионках висят, и недешево! А потом и вовсе наткнулся на бесплатную кучу: бери кто что хочет – нераспродано. Потом какие-то непривычно услужливые женщины усадили их за белый пластмассовый столик и напоили ароматнейшим кофе с куском пирога – всего за гульден. А потом они пошли к Яну домой, в маленькую студенческую квартирку на одной из центральных улиц города.

За окном уже смеркалось. Горы старого барахла рассыпались по тротуару, и коммунальные рабочие аккуратно заталкивали их в бездонные чрева медленно ехавших по обеим сторонам дороги мусорных машин. Апофеоз общества потребления.

А Сашино ухо улавливало в телефонной трубке сухой и острый выговор Димы, словно музыку небесных сфер:

– Значит так. Работать начинаем послезавтра, а ко мне переберешься дня через два, когда Толян съедет. За хавиру договорились по столынику в месяц, стол общий, готовка по очереди. Работа почасовая – когда десятка в час, когда только семь с полтиной. Первые две недели я тебя учу, что и как, ты за это отдаешь треть заработка мне. Потом – сам. По-голландски-то спрекать – мал-мала сможешь?

– Dat kan⁵⁰, – с чистым амстердамским выговором ответил Саша.

На чужую и богатую землю опускался вечер – чуть-чуть попозже, чем на московские улицы, переулки и бульвары, где тоже торговали чем попало. И где ходили люди, которых он прежде любил.

13. ВСЕ НОРМАЛЬНО!

Саша захлопнул дверь и аккуратно повернул ключ. Димка ушел еще раньше, по своим собственным делам. Хорошо все-таки с таким соседом – все четко, по-деловому, в душу не лезет. Голландец прямо, а не славянин.

За спиной – рюкзак с инструментом, в руке – связка ключей от двери и от велосипеда. Ведь, пожалуй, мог бы быть и от машины ключик, только прав нелегалу не получить, да и ездить на подержанных нашенских жигулях ему особенно некуда. А по городу на велосипеде даже и быстрее.

Вниз по лестнице, к велосипедному подвальчику. Открыть одним ключом дверь, найти своего железного друга, другим ключом разблокировать ему заднее колесо, третьим – раскрыть амбарный замок на стальной цепи, что оплела раму, переднее колесо и вросший в землю стояк. Иначе нельзя: или переднее колесо открутят на запчасти, или велосипед с цепью унесут, чтобы потом в мастерской спокойно перерезать цепь автогенном. Первый велосипед у него так и увели с парковки перед магазином. На специальных стояках велосипедных мест не было, а за фонарный столб цепь завести поленился – до сих пор вспоминать обидно! Впрочем, ворованный велик он тогда купил, вот его и своровали. Второй уже выбирал в магазине подержанных велосипедов, за настоящую цену.

Теперь-то все уже совсем не так, как в прошлом году. Этот город стал ему знакомым и своим, иногда даже казалось – родным, хотя на самом деле они не породнились. Он знал, где, что и почему, он понимал, как не только выживать, но и жить. Где будешь в пролете, где можешь забашлить. Все нормально!

Над деньгами теперь можно было не трястись – просто считать их и даже рассчитывать наперед. Это там, в далекой России, то разрисовывали всякими узорами советские червонцы, то прибавляли российский флаг (ребята показывали, он видел), а главное – то и дело приписывали нули. Тут деньги жили спокойной жизнью. Монеты были скучными, с номиналом на одной стороне и портретами королевы на другой. Старые монеты изображали ее реалистично, новые лепили из ее профиля что-то авангардистки-геометрическое. Из всех монет Саше нравилось держать в руке только толстенькие желтые пятигульденовые кругляши. Да еще «ряйксдалдеры», монеты в два с половиной гульдена, забавляли своим названием и дурацким номиналом.

⁵⁰ Это можно (*нидерл.*)

Но в бумажнике, том самом, от Ингрид, не переводились и купюры. Синяя десятка с портретом Франса Хальса, импозантного господина ...надцатого века (оказалось, это знаменитый художник) была самым частым гостем. Пореже водились красные четвертные – на них была какая-то геометрическая муть в виде спирали, видимо, чтобы фальшивомонетчиков стошнило, пока будут перерисовывать. Изредка попадались и старые, с Вильгельмом Оранским. И по особым поводам доводилось подержать в руках – недолго, правда! – желтые полусотенные с пейзажем польдера и подсолнухами, а еще потрясающе красивые коричневатые сотни с водяными птицами. Такую сотню хоть в рамке на стену вешай.

Не на стенку, конечно, а вот в конверте на полке с бельем если не сотни, то десятки и четвертные оседали не так уж и редко. Тем более, что жизнь в строжайшей экономии уже стала привычкой, бананы, и те только при снижении цен покупаешь (в черных пятнышках, не выше гульдена за кило), не говоря уж о прочем.

Изредка подворачивалась оказия в Москву, и тогда Саня шел в одну из контор в центре города и обменивал часть своей галереи на скучные серо-зеленые доллары. Приходилось просить, чтобы дали новые бумажки – в Москве не любят старых. Эти бумажки заклеивались в конверт с маминым телефоном и вручались случайному путнику. До сих пор никто не подводил. Много не посылал – а ведь и на полусотне долларов (в гульденах – чуть меньше сотни) там, в обновленно-демократической Москве одинокая женщина, литературный редактор, могла протянуть месяца два-три, а то и все четыре, если скромно.

Теперь они с Димой уже снимали третью квартиру, причем эта была сама лучшая. Можно было уже не гоняться за сверхдешевой, а просто выбирать по средствам. В новом доме, две комнатки, кухня с балкончиком. Место называется Амстелфейн, официально – отдельный город, а по сути дела, южная часть Амстердама. Если бы у нас так держались за традиционную географию, то Москва кончалась бы за Садовым кольцом, а Хамовники и Сокольники числились бы сами по себе, не говоря уж о более дальних районах. До центра, конечно, далековато, зато не слишком дорого, и магазины все под боком.

Саша вывел велосипед из подъезда и по коротенькому переулочку выехал на рыжую велосипедную дорожку. Сегодня было два заказа, довольно удобных – недалеко друг от друга, и по времени как раз успеваешь. Димка-то уже квартир больше не убирал, развернулся всерьез с какой-то торговлишкой, кажется, и не слишком законной, но жили они по-прежнему вместе. Диме, к тому же, надоело нелегальное положение. Не застревать же так на всю жизнь, в самом деле! Так что в последнее время он звонил в посольства Южной Африки и Новой Зеландии в Гааге: в эти страны принимали молодых-перспективных, особенно с белым цветом кожи. Надо было только еще раздобыть всякие рекомендательные письма, справки и все такое прочее – и через месяц-другой рассчитывать на льготный билет в Африку или на Тихий Океан с вполне легальным видом на жительство. А через сколько-то там лет – и на гражданство...

А своих клиентов Дима передал Саше за столыжник отступного. Ничего не скажешь, интересы свои парень блюдет основательно, но все честно, никого не кидает, лишнего тоже не требует. Сане чужие ковры пылесосить да окна мыть – не в западло. Руки заняты, зато голова свободна. И нелегалом быть не в западло. Африка, конечно, это круто, но ведь оттуда уже вряд ли выберешься. А как оно там – кто знает... Был бы Саша евреем, может, еще и подумал бы об «исторической родине», но только и с этой родины прибывали в Голландию несчастные совграждане, которых в московских подворотнях ругали жидовскими мордами, а в тель-авивских – необрезанными гоями. И, что характерно, некоторые из них даже смогли получить в Голландии политическое убежище. Но от себя ведь все равно не убежишь. Хоть на Луну переселяйся, но если в двух таких разных странах места себе не нашел, и в третьей вряд ли найдешь.

Фитспад, рыжая велосипедная дорожка вела в центр, словно маленькое шоссе, тянущееся вдоль основной трассы для автомобилей. Со своими дорожными указателями, красными на белом, со своей осевой линией разметки, со своими правилами движения. Слово сам Бенилюкс – маленький кусочек суши, вроде и на обочине европейской истории, зажатый между Германией, Францией и Англией, а поди ж ты, все свое и ничуть не отстаем от сверхдержав. Так оно и приятнее, и для здоровья полезнее, тише едешь – дальше будешь. А Россию – с чем сравнишь? Разве что с безнадежно разбитым и размокшим под ливнями глинистым проселком, что бежит через холмы, луга и березовые перелески, но все так и не сменится асфальтом... Зато, конечно, очень живописно.

Впрочем, такие удобства для велосипедистов – только тут, вдоль относительно нового проспекта Бяутенфердтсе Лан. Скоро велосипедная дорожка закончится и ехать придется по мостовой этих здешних улиц с аршинными названиями – Рулоф-харт-пляйн, Ван-барле-страт – справа от автомобильного потока. Тут следи следить в оба! Движение будь здоров, и даже припаркованная машина может оказаться опасной – откроет водитель дверь, не посмотрев, и саданет тебя прямо по колесу. Саня так один раз уже получил от какого-то немца, не то чеха, потом три дня прихрамывал. Жаль, не догадался тогда слупить с обалдую четвертной за ущерб! Хорошо хоть велосипед цел остался. А нелегалам ни в полицию, ни в больницу попадать нельзя. В больнице за наличные, может, и примут, а вот страховки у нас нет, и не будет.

Хорошо, что свет не без добрых людей! Тут ведь даже и в аптеке серьезней аспирина без рецепта ничего не купишь... Как той осенью заболел гриппом, пришлось знакомых просить, достали все-таки капли – голландцы, они не немцы, на всякий запрет отмычку найдут, всякую инструкцию нарушат, если хорошему человеку плохо. Как-то оклемался. Димка тоже молодец, лимоны ему тогда таскал, апельсины, и денег не взял. Хоть и жмот, а настоящий товарищ. Он тогда только и разобрался в этих апельсинах, или, как они говорят, «синасаппелях»: «ханд» – чтоб чистить, то есть для руки, а «перс» – чтоб сок давить, прессовать, то бишь. Надо же, буржуины проклятые! В Москве хоть какие купил – и счастлив.

И еще, Димка тогда с базара притащил коробочку диковинного заморского фрукта, киви. На гульден – целый десяток! Кивины они ели только так, вместе с мохнатой их кожурой, да так и вкуснее, только хвостики древесные выплевывали. А голландцы их чистят, чудаки! А еще как-то купили они клубнику, да вот только на вкус несильно отличалась она от сырой картошки, только что помягче. Декоративная, на гидропонике. Смотрится хорошо, долго не портится, а вот кушать – это извольте натуральную, совсем по другим ценам. Словом, гримасы капитализма, как расписывали парторги-комсорги. А они еще не верили.

Но гримасы гримасами, а пока остается здесь. Почему? Да как-то так сложилось. И, если честно, особо некогда – или неохота? – об этом думать. Вот, сейчас свернет в этот проулок, потом к знакомой двери, звонок, полминуты ожидания, ухоженная старушечья физиономия. Постоянный клиент, одинокая пенсионерка, по-голландски помешанная на чистоте и по-голландски прижимистая. С нелегалами-то оно дешевле выходит, без налогов и прочей мутотени. А придерись полиция – что докажет? Тимуровец, старушкам помогаю, а они мне за это спасибо говорят, пряничком угощают. Свободные люди в свободной стране.

Потом – велосипед, другой адрес, другая физиономия. В субботу, кстати, хотел съездить с Машкой на море – искупаться. Уже ведь и лето вовсю, да и погода пока, вроде, ничего – надо же устраивать себе иногда и выходные! А в воскресенье, может быть, заглянем с ней вместе вечером к Лодейниковым.

Так что все нормально!

Велосипед тщательно прикован к стояку, звонок поет свою трель. Раскрывается дверь, и дежурное:

- Goede middag, mijnvrouw.
- Hoi, Alex⁵¹.

14. С МАРУСЕЙ НА МАРКЕНЕ: БЫЛЫЕ ЛЮБОВИ

Вечером в пятницу Саша сделал два звонка. Сперва маме в Москву – для ритуальных словообменов «как дела – все в порядке». Порядок с обеих сторон был довольно относительный, но, во всяком случае, все шло по заведенному и не было причин жаловаться. А может, и были, только не говорили о них. Мама по-прежнему слегка болела, пыталась свести концы с концами в двух редакциях и одном институте одновременно, страшно переживала за свой предпенсионный возраст и вяло протестовала против присылаемых Сашей с редкими okazиями долларов. А так как будто и не удивлялась, что это делает ее сынок на два часовых пояса к западу от нее. Здоров, сыт, одет и ладно.

⁵¹ – Добрый день, мадам.
– Привет, Алекс (*нидерл.*)

Потом позвонил Маше. Маша на самом деле была не Машей, а Карен, но предпочитала, чтобы звали ее непременно на русский манер. Маша училась в университете на отделении русистики и западала на все русское, даже отращивала косу до пояса, что как-то странно вязалось с ее нордическим овалом лица и длинным тонким носом. Вот только серые глаза подходили.

Познакомились они три месяца назад, и у них намечался роман – как раз в той чудной стадии, когда все еще возможно, но ничего не ясно, когда симпатия не переросла в сладкую и мучительную влюбленность.

С Машей они договорились провести субботу вместе, и Саня хотел поехать на море, в Зандфорт-ан-Зе. Все равно по субботам у него редко бывают заказы. По субботам вся семья обычно дома, кому тут нужен чужой уборщик? А тут еще и лето все-таки вступило в свои права, пригревало солнышко и наконец-то кончились бесконечные дожди. На море было здорово, все напоминало рижское взморье, куда они пару раз ездили в далекие лета детства.

Саша один раз даже прокатился туда на велосипеде – километров 30 в одну сторону, не меньше, и совершил героическое омовение – уж очень хотелось поближе познакомиться с этой синевой! – а потом все никак не мог согреться. Как раз зарядил мелкий противный дождик и не отпускал до самого дома. Зато даже на глобусе можно было теперь прочертить его героический маршрут: пересек от края до края выдавшийся в море ломоть Голландии.

Но у Маши возникло иное предложение: остров Маркен. «Такой остров, сказала она, где живут по-старому, ну, в общем, сам увидишь. И тоже море, правда, залив. Он, конечно, грязный, но тоже морской». Ну, Маркен так Маркен. Имя само по себе ничего не говорило Саше, но новые места всегда интересно посмотреть. Договорились встретиться в 9⁴⁵ (ох уж эта голландская пунктуальность!) у центрального вокзала.

Погода субботним утром выдалась удачная: ветрено, легкие облачка, но без дождя и в целом солнечно. Как раз для приятной поездки. До вокзала Саня добирался на велосипеде, и в такое время нетрудно было найти свободный кусок пространства на велосипедной парковке. С Машей договорились встретиться у главного входа и подошли к нему с двух сторон практически одновременно, строго в назначенное время.

– Нои! – Саня радостно чмокнул девушку в щеку.

– Привет!

– Ное gaat het⁵²?

– Нормально! – рассмеялась она, – давай говорить по-русски! Я уже знаю, что на вопрос «как дела» надо отвечать «нормально», а не «хорошо». Как ты думаешь, это отражает менталитет русского народа?

⁵² Привет... как дела? (нидерл.)

– Это отражает, что кто-то задает слишком много умных вопросов, – приобнял ее Саша, – автобус-то где?

– Здесь рядом. Пошли. Через десять минут автобус до Моникендама. Там возьмем катер.

– На абордаж?

– Что?

– На абордаж, говорю, возьмем – как пираты?

– А как надо сказать?

– «Поплывем на катере». Или «сядем на катер».

– Спасибо, Саша. Поплывем на катере...

– ... к растакой-то матери, – не удержавшись, срифмовал Саша. – Частушка, фольклор.

– Нет, этого юмора я пока не знаю, – серьезно ответили Маша. – Вот наш автобус. Надо семь полосок стриппенкарт, это далеко.

– Ага, у меня есть. Как раз специально купил длинную.

Они сказали заветное “*twee, Monikendam*⁵³”, водитель сверкнул штемпелем, как когда-то пограничник в аэропорту, и голубая с серым стриппенкарта – билет на несколько поездок на общественном транспорте – украсилась двумя фиолетовыми полосками цифири. Свободных мест было полно, сели рядом, причем Саша, по старой привычке, пристроился у окошка (Машка-то все равно не в первый раз, уже давно все это видела). Вскоре автобус тронулся и почти сразу нырнул в чрево огромного туннеля, проходящего под морским заливом с нелепым именем Ij.

– Тут в прошлом году, – рассказала Маша, – трафик остановился. В порт приехало русское судно, у моряков не было денег, они хотели посмотреть город. Они пошли пешком по тоннелю. Сработал alarm system...

– Сигнализация.

– Да, сигнализация. Долго не могли их найти, а потом долго не могли им объяснить, что пешком нельзя.

– А эти дорожки по бокам?

– Только для emergency⁵⁴. Если, например, пожар и людям нужно выйти наружу.

– Да, Машка, вот такие мы, русские. Бедные, но гордые.

– Вы хорошие! Я это давно поняла. Я еще в детстве зачитывалась Толстым. Надо мной даже насмеялись другие дети, они читали комиксы про *space wars*⁵⁵. А я плакала от Наташи Ростовской, правда! А потом, когда я была подросток, я открыла Достоевского. Это был новый мир, представляешь! Только я очень мало понимала. Я тогда думала: как может быть у русских столько имен? Я не знала, сколько в этих книгах героев. Если человек Иван Иванович, то кто такие Ванечка и

⁵³ Два, Моникендам (*нидерл.*)

⁵⁴ аварийный случай (*англ.*)

⁵⁵ космические войны (*англ.*)

Ванюша? Я, например, Карен. И все. А вот теперь я могу называться Мария Яковлевна (моего отца зовут Яр, Яков), Маша, Маруся...

– Машка, Маха, Маруська... впрочем, это уже было, – радостно подхватил Саша. – Что, разобралась потом с героями Достоевского?

– Ага! – девушке явно нравилось, как звенели на языке у парня ее новые имена.

– А почему именно Маша, кстати?

– Подожди! И вот потом, уже когда я учила русский в университете, я стала понимать, что в моей жизни чего-то не хватает. У меня были русские друзья, и мы говорили по душам. Они позвали меня петь в русскую церковь. Мне очень нравится пение, и церковная музыка особенно. Я стала петь в хоре, приходиться на службу. А потом я решила принять Православие. И стала именоваться Мария.

– Ну, в общих чертах это я знаю. А вот почему все-таки Мария? А не, скажем, Екатерина – ведь больше на Карен похоже?

– Я не хотела, чтобы было похоже на Карен. Я хотела стать русской. Потом я поняла, что это не получается. Для меня Маша – самое русское имя. Я его хотела.

– Хорошее имя, – кивнул Саша.

Автобус тем временем выбрался из-под земли и покатил среди ровных домиков северного Амстердама и его ближних пригородов. Деревня... Да вообще, годится ли тут такое слово? В основном – пастбища, разгороженные канальчиками с мостиками вместо ворот. Редкие крестьянские усадьбы и вовсе ни на что не похожи: чистенькие домики, по фасаду каменные львы или вазы игрушечного размера, а с заднего двора или пастбища в двух метрах поодаль глядят толстые мохнатые овцы, раз в двадцать крупнее каменных львов. И тут же роскошная машина, а то и две.

И ни клочка земли под пустырь! И ни одного строения, от которого не шла бы безупречная лента асфальта, вливающаяся у самых ворот в узкое шоссе и через десяток километров – в скоростную автостраду. Будет ли так когда-нибудь в России? Невозможно поверить.

– Саша, а тебе, что нравится в Голландии?

– Знаешь, я тоже не раз задавал себе этот вопрос. Ведь для чего-то я тут задержался, в конце концов! Ну... есть вещи, которые лежат на поверхности. Тут, конечно, жить сытнее, ничего не скажешь. Но если бы только это, я бы давно сбежал. Еще тут все очень четко и просто.

– Что ты имеешь в виду?

– Супермаркеты. Нет, серьезно. Ты же бывала в России?

– Да, три раза.

– Ты ходила в наши магазины?

– Да, иногда ходила.

– В обычные, за сосисками?

– Очень мало, с русской подругой. Я знаю, это было сложно. Не всегда было товара, потом надо запоминать цену, идти в кассу, называть ее, потом стоять очередь к прилавку и давать чек. Это очень странная система. Неудобно.

– А теперь сравни: супермаркет. Поняла?

– У вас скоро тоже будет цивилизованный рынок. Саша, но при чем тут ты? Ты живешь здесь из-за супермаркетов? Это не может быть правда.

– Да нет, это ерунда, я эти сосиски самые там, в Москве, только так лопал. Были бы сосиски. Я о другом. Понимаешь, у вас все общество такое: пришел, выбрал, заплатил. И – пользуйся.

– Это капитализм, Саша. Это все за счет духовности. Когда так в супермаркете, я согласна. Но у нас же так во всех аспектах, и это ужасно.

– Это удобно, Машка, понимаешь? Меня никто не грузит, я живу сам по себе, как хочу. Я никому ничего не должен. Я свободен.

– Это не свобода, Саша. Но я пока не умею этого объяснить.

– Да что ты, Машка, я тоже понимаю, духовность, Достоевский, я сам Чехова запоем читал, и до сих пор читаю. Я только за. Но меня всю дорогу грузили: ты должен, должен, должен... Одним – делать вид, что строю коммунизм, другим – кукиш власти в кармане показывать, третьим – изображать интеллигентного мальчика из хорошей семьи. А здесь – никому и ничего. Вот ты студентка, в скором будущем – элитный специалист, а я лимита, прости за выражение, и мы вместе. И никого не колышет! Понимаешь, это здорово.

– Я понимаю тебя, Саша. У меня были похожие мысли. Я носила майку с портретом Че Гевара, когда мне было пятнадцать лет. Но моих родителей будет колыхать, если я женюсь за такого человека, как ты. Они буржуи.

– Буржуи, говоришь? А мы приехали, что ли?

Автобус действительно застыл у остановки с надписью “Monikendam”, и они неспешно выплыли наружу, не прерывая разговора. Было так здорово говорить на языке, которого заведомо никто не понимал, и можно было обсуждать любые темы. Впрочем, в самом Амстердаме русских становилось все больше, и в людных местах Саша уже не раз наткнулся на соотечественников. Большинство из них наслаждались той же языковой неприступностью – в квартале красных фонарей мужики откровенно обсуждали программу дальнейших походов, а на рынке один шпаненок кричал другому через все ряды: «Васёк, чё тибрить-то будем?» Если так пойдет дальше, то скоро русский будет тут легко узнаваем, подумал Саня... И едва ли ему обрадуются.

Но пока радовались. Как-то они с Димкой стояли на остановке, о чем-то говорили. К ним подошла старушка без комплексов, поинтересовалась, что это за язык. Когда узнала, что русский, пришла в неописуемый восторг, сообщила, что сама наполовину коммунистка (оба парня скривились) и подарила пакет с замечательными пирожками, который как раз оказался у нее в руке. Ничего, она себе еще купит... Она ж настоящего коммунизма и не нюхала.

Мимо старой церкви Маша с Сашей прошли к гавани. Собственно, городок и был развернут вокруг этой самой гавани еще со дня своего основания – тут находились основные кафе, магазины и киоск, где задешево продавали замечательную скумбрию горячего копчения, только что из моря.

Все голландские города похожи уютностью и добропорядочностью и все, кроме Амстердама – чистотой. Непохожи они множеством мелочей, из которых и складывается неповторимость облика: формой крыш, регулярностью и расположением каналов и даже выражением лиц прохожих. Эту атмосферу было очень трудно описать, но легко уловить, угадывая в каждом городе характер: вот мускулистый портовый трудяга – Роттердам; а вот тихий очкарик, переулочный студент-гуманитарий – Лейден. А Моникендам – капитан рыбацкой шхуны. Вот так.

На катере они выбрали верхнюю палубу, хотя было довольно ветрено. Рядом радостно галдела группа американцев, фоткая друг друга на фоне моря и примеряя купленные в лавчонках на берегу черные рыбацкие кепки – Саша как раз недавно в русской газете видел такую на Жириновском. Катер медленно оторвался от причала, выбрался к узкому выходу из гавани между двумя половинками старого деревянного мола и заскользил по серой рябистой глади. На море было немало разноцветных парусов, некоторые совсем близко, и можно было видеть, как управляются со снастями люди на собственных яхтах.

– Здорово, наверное, так, на яхте, – мечтательно сказал Саша.

– Да, и очень дорого. Саша, можно задать тебе откровенный вопрос?

– Ну?

– У тебя, наверное, в Голландии были девушки?

– Были две. Собственно, так и вышло, что из-за одной я и задержался тут.

– Расскажешь?

– Попробую. Если не обидишься?

– Нет, не обижусь.

– Она тоже училась в университете, как ты, только на другом факультете. Мы приехали сюда с театром на гастроли, я тебе уже говорил. И однажды после спектакля она подошла ко мне и сказала, что я играл лучше всех. Лестно, конечно, но я до сих пор не уверен, что она это всерьез.

– А что она имела в виду?

– Ну, может, просто, я приглянулся ей. Скажем так: не я играл лучше всех, а ей было приятнее смотреть на меня, чем на всех остальных. Нет, правда, я не думаю, что она специально врала. А потом она пригласила меня на вечеринку... ну, мы и подружились.

– Вы с ней спали?

Саша не случайно сказал «подружились» – ему всячески хотелось избежать примитивной последовательности «познакомились – выпили – перепихнулись». Может быть, оно так и выглядело со стороны, но трудно было объяснить, чем отличалось их знакомство от такой же цепочки

действий на танцах в доме культуры. А отличалась она очень сильно, хотя он едва ли мог бы объяснить, чем. Только ли тем, что вместо дома культуры была колоколышня утрехтского собора?

– Ну-у-у... Никак не привыкну к вашей голландской манере задавать вопросы в лоб. Ну да, спали. Только не в этом дело.

– Извини, я не хотела тебя задеть.

– Понимаешь, мне тогда все было в новинку. Все было такое красивое, яркое, сочное. И Ингрид была такая яркая. И мне все хотелось попробовать, а тем более, что она сама так ненавязчиво предложила. Тьфу ты, выходит, словно я оправдываюсь перед тобой. В общем, это трудно объяснить.

А потом мы стали ездить со спектаклями по стране. Знаешь, это было так странно – приезжаем в новый город, играем спектакль, возвращаюсь в гостиницу, а там – Ингрид. Но все быстро подошло к концу, а душа требовала, как у нас в одном фильме старом говорится, продолжения банкета. Я еще не насытился впечатлениями. Да и в России меня практически никто не ждал. В общем, решил еще немного потусоваться и не полетел обратно со всеми.

– Остался?

– Ты, может быть, заметила, я предпочитаю говорить «задержался». У нас говорили «остался» в старые времена, когда обратно уже было не вернуться. Сейчас – другое дело. Ну, а с Ингрид все очень быстро кончилось, даже не очень понятно, почему. У меня было такое ощущение, что ей тоже хотелось попробовать экзотики, потом она накушалась, а всерьез и с самого начала не собиралась.

– Ты строг к ней.

– Допустим. Только, знаешь, не слишком-то порядочно все это было с ее стороны... У нас даже частушка такая есть: «если ты меня не любишь, завлекала-то на чё?»

– Ты любишь русский фольклор?

– Ну, я бы не сказал, – усмехнулся Саша, – сократи эту свою фразу на несколько слов, и будет точно: «ты русский». И какие-то вещи у меня в крови, как у тебя эта ваша пунктуальность или манера выражаться прямо в лоб. Ты можешь носить кокошник или юбку из пальмовых листьев, но твои голландские черты лица от этого никуда не денутся.

– И что значит «ты русский» в отношении к девушкам?

– Понимаешь, у нас есть как бы две разновидности отношений с девушками. Одна – это просто так, ты меня извини, потрахаться.

– Это есть везде, Саша.

– Да, наверное. Но вот если любовь-морковь, то мы ждем романтики. Да ты ж литературу нашу читала, письмо Татьяны к Онегину и все такое прочее... Она ждет принца, он – принцессу, любовь до гроба, дураки оба, как в детском саду дразнятся. И правильно дразнятся, потому что принцы и принцессы все в сказках. И потом начинаются истерики, скандалы, нелепые расставания

– хотели романтики, а получили прозу жизни. У Пастернака здорово сказано: «наша проза с ее безобразием»...

– Ты думаешь, так только у русских?

– Нет, наверное, – Саша рассмеялся. – Хотя мы сами себе и другим талдычим всю дорогу, что у нас особый путь. Романтика, загадочная русская душа... Машка, да ты сама, небось, на все это покупалась не раз?

– Купалась?

– Покупалась, ну, тебя все эти представления о загадочной русской душе заставляли делать маленькие глупости, понимаешь?

– Ты прав. Я расскажу. Но сначала ты. Кто была вторая? Она была сразу после первой?

– Да нет. Потом мне как-то было очень хреново... и не до девушек было некоторое время.

На самом деле Саша, пожалуй, привирал. В период их дремучего отшельничества с вдвоем с Вовкой, то в слипине, то на чердаке, когда прошел первый, самый трудный период, молодое тело брало свое, и в снах и жадных фантазиях виделись то золотые локоны Ингрид, то миловидная фигурка Даши из Политехнического, а то и вовсе безымянная эротика. И даже злость на Ингрид проходила в этих снах: ну ведь по-европейски все получилось, уютные сексуальные каникулы, принято здесь так... Жаль, что так быстро все закончилось, но ведь на то они и каникулы.

Саша как-то забрел в квартал красных фонарей, зашел в секс-шоп и застрял там, пока буквально не выгнали, перелистывая порножурналы и жадно вглядываясь в чужие фантазии. Некоторые оказались до странного похожими на его собственные, в том числе и на такие, которых он стыдился. Даже какое-то освобождение приходило к нему в эти минуты в амстердамской дыре: надо же, не я один такой! Тысячными тиражами все это издают, люди покупают... А потом он наткнулся на зоофильский журнал и, увидев репортаж о том, как голый мужик в ванной занимался сексом с крокодилицей, окончательно успокоился: нет, я еще не извращенец, если люди могут тащиться от такого, что мне даже и вообразить-то невозможно. С тех пор он еще несколько раз заглядывал в эти секс-шопы, внешне лениво перелистывая журналы, жадно напиваясь чужой фантазией, но ничего по бедности не покупал.

Но это было томление плоти, и с ним действительно было все просто. Грубо, но просто. Сложнее оказалось справиться с душевным голодом по нормальному женскому обществу. А кого они могли тогда позвать к себе на чердак? На какой тусовке их бы приняли полноценно? Другое дело, когда он перебрался к Димону...

– С другой девушкой я познакомился год назад, прошлым летом. Точнее сказать, была она даже не девушкой, а замужней дамой. Мы познакомились на одной тусовке. У нас был довольно странный роман. Ее звали Юля. Русская, но живет здесь уже довольно давно. Училась в Москве на филфаке, изучала голландский язык – совсем как ты тут учишь русский! – потом вышла замуж за голландца. У меня, кстати, возникло ощущение, что она для того и училась. Знаешь, у нас есть

категория шикарных и капризных девчонок, для которых практически основная цель в жизни – жених из богатой капстраны. Но нет, может быть, я к ней несправедлив...

В общем, картина такая. У нее состоятельный муж, живут в собственном домике под Амстердамом. Он бизнесмен средней руки, уже лет под сорок. А ей 25 – 26. Домохозяйка. Детей нет. С мужем договорились, что она будет работать два дня в неделю продавщицей в модном магазине, вроде как карманные деньги. Ну, там, солярии всякие, поддерживать себя в форме, клуб и прочее. Чтобы жизнь золотой клеткой не казалась. Вот и я для той же цели, наверное...

– Не поняла. Для чего ты?

– Знаешь, она тут обвыкла, как мало кто обвыкается. И резко перестала быть советской девочкой с окраины. По улице пройдет – уже видно, что родилась в Европе. А по-голландски говорит вообще без акцента. И она красивая, обалденно красивая, если честно. Тут таких мало. И знаешь, есть в этой красоте какой-то вызов, что ли. Не просто так я тут у вас, я тут королева. Она же и в браке с мужем добилась полного равноправия, хотя смешно сказать – какое там равноправие! Он ее содержит, его дом, его зарплата, а ее – только красота и уют в этом доме.

– Это тоже много значит, Саша.

– Ну да. Знаешь, она ведь вовсе не была хорошенькой такой куколкой без мозгов. Она тоже в литературе разбиралась, если кино смотрела – так Тарковский, Куросава, Антониони или какой-нибудь авангард современный. Чтобы было стильно, ярко, сочно. Так, наверное, она и с мужем хотела жизнь построить. Но он что – в конторе весь день, да у голландцев вообще с романтикой напряг. Эротики вон навалом, а романтики не очень.

Словом, установили они такое порядочное супружество, основанное на взаимном уважении и четких договоренностях. Даже договорились, что посуду грязную в посудомоечную машину ставят по очереди! Нет, не могу себе представить, чтобы у нас такое было: пришел муж, весь день вкалывал, а жена после солярия ему говорит: дорогой, твоя очередь грязные тарелки на кухню тащить... Ну, и в остальных отношениях у них так же. Договорились не ограничивать свободы друг друга: мол, муж может на работе секретарше под юбку залезть, или там в деловой поездке девочек снять, и это нормально, и она, соответственно, тоже может гульнуть, если захочет.

– Наверняка они установили границы.

– Наверняка. Скажем, домой своих любовников не водить, денег на них лишних не тратить, и все такое. В общем, я ей, похоже, для реализации этого соглашения и понадобился.

– Саша, ты опять строг. Ты же ее любил?

– Ну-у-у... Нет, на самом деле влюбился я по уши. Я от нее просто балдел. У нее... (ну не рассказывать же Машке, как с ней было в постели?)... в общем, все в порядке у нее. И, понимаешь, не только с телом. Она как-то так умела выстроить отношения, что и я человеком себя чувствовал. Есть какая-то семейная жизнь, где ее минхер из конторы придет и тарелки грязные в машину мечет, а есть и другая сторона, где она, продавщица, занимается таким уютным легким сексом с таким же

городским пролетарием, как и она сама. С ней вообще потрясающе уютно было, это точно. Вкусно жила. И знаешь, она могла просто идти по улице, но в ней было что-то совершенно особенное. У вас тут женщины часто носят, что на распродажах достали, оранжевое с салатным и фиолетовым. А она... Она тут стала настоящей европейкой – и не голландкой даже, а какой-то парижанкой, что ли. Может, за тем и приехала из своего Свердловска сперва в Москву, потом – сюда.

А еще она по-своему любила Россию, часто ее вспоминала, пару раз туда ездила. Ругала Запад, как тут принято у эмигрантов. Но в России ей нужно появляться богатой иностранкой, не иначе. И ей очень подходил русский любовник. При том, что русский муж ей был сто лет не нужен, это точно.

– А почему вы расстались?

– Трудно даже сказать. Не то чтобы надоело, но что-то вроде этого. А такие отношения и не строятся надолго. В том вся их прелесть – сошлись, разошлись... Чуть больше полугода получилось в общей сложности. Просто в какой-то момент стала реже звонить, да и я ей тоже, и встречаться уже не договаривались – ну, так и сошло на нет.

А корабль тем временем преодолел серое продувное пространство и входил в другую гавань, заставленную яхтами – гавань острова Маркен. Прямоугольник гавани был так же аккуратно оплетен торговыми улицами, как и в Моникендаме, а за ними теснились низенькие дома под черепичными крышами.

Они неторопливо прогуливались по узким улочкам этого музейного города, почти не разбавленного современностью. В чем-то это было похоже на Брюгге, город, где к Саше пришло решение остаться, но только там была фламандская кружевная веселость, а тут – голландская деревенская простота. У порога одного дома стояли деревянные башмаки – как встарь, хозяин, придя с поля, оставил грязную обувь у входа и прошел в стерильно чистое свое жилище в одних чулках. Неужели это не для туристов, а просто так? Да нет, вряд ли... А вот навстречу им попала уже явно искусственная пара пожилых голландок в национальных костюмах, с затейливыми передниками и изогнутыми чепцами, напоминающими контуры голландских крыш.

Когда они в Сашинем детстве, еще пока был жив отец, ездили отдыхать в Юрмалу, в писательский дом творчества, однажды они навестили этнографический музей под Ригой. Там тоже стояли старые крестьянские домики, собранные со всей Латвии (а вот здесь ничего не собирали, просто сохранили, что было). И повсюду попадались вот такие же бабушки, наряженные в национальные костюмы. Одна из них, сидя за столиком у окна своей избушки, прихлебывала кофе и читала сегодняшнюю газету. И вот этот самый кофе с газетой, немислимые для крестьянки двухсотлетней давности, криком кричали: не верьте, люди добрые! Можно сберечь стены и надеть костюмы, но изменились люди. Они пьют кофе и читают газеты, а потом садятся в автобус и едут домой смотреть телевизор. Они думают и чувствуют по-другому, чем двести лет назад, и никакими фольклорными мерами этого не изменишь.

Нагулявшись, они устроили пикничок на высокой дамбе, тянувшейся, как и везде в Голландии, непрерывной насыпью вдоль берега моря. Маша достала купленную в Моникендаме свежайшую скумбрию горячего копчения, заранее нарезанный хлеб в аккуратном пакетике, сыр и даже термос с кофе, Саша – несколько бананов и пару бутербродов с ореховым маслом. После прогулки на свежем морском воздухе аппетит был отменный, и скоро все это было уничтожено. Но до обратного автобуса (а они решили возвращаться автобусом) еще было время, и они просто сидели на дамбе, у подножья грязноватого моря, в котором не хотелось купаться, любовались чайками и парусами яхт и понемногу болтали.

– Ну, теперь моя очередь, – неожиданно серьезно сказала Маша.

– Какая очередь?

– Рассказывать о своих парнях.

– Давай, – усмехнулся Саша, – и что, много их было?

– Вовсе нет. Был подростковый период, когда протестуют, тусуются, занимаются сексом. Но у меня это было несерьезно. Я не находила это интересным. Некоторые люди, ты прав, так и остаются в этом возрасте на всю жизнь, но это очень скучно. Я думаю, так они прячутся от... от пустоты.

– А ты, соответственно, читала Достоевского?

– Да, он многое мне открыл. Я была удивлена, что можно жить такой богатой внутренней жизнью. Хотя эту жизнь я иногда находила нездоровой. Может быть, мои некоторые депрессии стимулируются моей любовью к Достоевскому. Как бы то ни было, я поступила на русское отделение. Вокруг были очень интересные люди, но я тогда не увлекалась парнями. Достаточно было интеллектуальной жизни. Например, ты слышал про семинар отца Андрея?

– Нет. А что это?

– Отец Андрей из русской церкви устроил семинар несколько лет назад. В него приходили разные люди, русские и голландцы, раз в месяц. Они делали доклады на разные темы. Цель этого семинара была в том, чтобы лучше понять наши системы ценностей, культурные различия. Это было иногда очень интересно. Но больше его не будет.

– Почему?

– Говорили, он исчерпал себя. Мы все равно плохо понимаем друг друга. Мы, голландцы, и другие европейцы тоже, очень практичны. А у вас, русских, любовь к иррациональности... Или нет – к неутилитарной рациональности. Вы говорите о судьбах мира. «Дайте русскому мальчику карту звездного неба, и завтра он вернет ее исправленную», – писал Достоевский. Некоторых это пугает, некоторых привлекает. Я нахожу, привлекает, но иногда пугает.

– Ага, загадочная русская душа. Только ты вроде про парней собиралась?

– Да, это было важное введение. Так вот, у меня была депрессия. Мне казалось, что я не живу. Я читаю книги, но во мне нет живого. Тогда я встретила его, случайно, на улице, он говорил с кем-

то по-русски, я невольно стала слушать, потом поняла, что он голодный и решила его накормить. У меня были бутерброды. Так мы познакомились. Это было больше года назад. Он был русский, очень симпатичный, очень бедный, немного слишком нервный. Но зато талантливый. Я в детстве учила игру на флейте, у меня осталась флейта, и он так замечательно играл, когда я пригласила его домой...

Я подумала: вот это жизнь. Он каждый день борется за существование. Я прокисаю в университетских комнатах. Я даже завидовала его бедности, его таланту, его настоящей жизни. Все было так стремительно, ты не поверишь. Я совсем не такая, какая будет кидаться на шею парня, но я быстро и сильно влюбилась. Я тогда снимала однокомнатную квартиру около рынка на Алберт-Кёйп. Тогда я переехала его к себе. Что ты смеешься?

– Извини, Маш, «переехать кого-то» – значит раздавить его колесами автомобиля.

– А как надо?

– «Я предложила ему переехать». Или «он переехал».

– Ага, спасибо. Все было так стремительно. Мы стали жить вместе. Он играл ко мне на флейте, жизнь была прекрасна и удивительна. Мы видели небо в алмазах. Он не мог устроиться работать, но это было не нужно. Я училась, подзарабатывала, тоже помогали родители, нам хватало денег, и мы были счастливы. Мы ходили на замечательные русские тусовки. С русскими так здорово тусоваться! Знаешь, есть такое стихотворение английского писателя Lewis Carol “The Walrus and the Carpenter”?..

– Точно, «Морж и Плотник» Кэрола, мы его один раз на этюды разобрали – ну, в театре. Очень здорово его играть: Морж и Плотник прогуливаются по берегу моря в ясную солнечную полночь, приглашают с собой устриц, ну и все такое.

– Да! И они говорят устрицам: нам с вами надо о многом поговорить, и называют множество всяких топиков, например, о королях и капусте. Только там они съедают устриц, и конец. А у русских не так. Вы долго говорите о самых разных темах, о королях и капусте, но никто никого не съедает. И у вас тоже полночь солнечная, потому что в ней бывают душевные разговоры. А здесь, в Голландии, у людей разговоры мелкие: о шоппинге, о политике, или о погоде, или о футболе. Никому на самом деле это не интересно и не нужно, но надо же о чем-то говорить. Вот, соберутся буржуи, пьют пиво и говорят пустое. А тут все было не так! Мы много говорили, гуляли, тусовались. Я была очень счастливая. А потом мы познакомились с одной тусовкой. На барже. Знаешь баржи на Схинкел?

– Это где?

– За олимпийским стадионом, такой канал. Люди небогатые, земля слишком дорогая, вот они и живут на воде. Прямо настоящие плавучие дома.

– А, ну да. Там полно таких. Своего рода романтика, может, кому-то так даже больше нравится...

– Да, это романтика. И на одной барже собиралась компания, там были русские, люди из Восточной Европы. Одна романтическая и артистическая компания. Люди читали стихи, пели, разыгрывали спектакли. Ты там не был?

Нет, Маш, даже не слышал. Оказывается, есть русские тусовки, о которых я не знал, – твой семинар, эта баржа.

Саша не стал продолжать, опасаясь задеть нежные Машкины воспоминания ехидным комментарием. С какого-то момента он стал довольно настороженно относиться к здешним эмигрантским тусовкам. Они бывали интересными, но порой слишком надрывными. Люди собирались поговорить по-русски – и ругали Россию, а потом ругали Голландию, порой с тонкой иронией, порой с грубой издевкой. Там жить вообще нельзя, здесь до некоторой степени можно, только разве здешние понимают что в этой жизни... Выходила беседа разочарованных во всем, и прежде всего, кажется – в себе. Не нашли себя на Родине, не нашли и за границей... Да и у Юли – вся эта нарочитая европейскость – не от ущербности ли совковой? Смотрите, люди, кем я стала, девчонка с рабочей окраины...

А может быть, ему просто не везло? Ведь есть и другие – спокойные, уверенные в себе люди, которые выбрали определенный стиль жизни. Например, Лодейниковы. Тоже, может, не без надрыва, но надрыв этот хотя бы наружу не вылезает каждые пять минут...

А Маша продолжала:

– Так вот, он там играл на флейте, его очень любили. Он прекрасный музыкант. Но там была одна проблема. Они курили травку. Ты пробовал травку?

– Знаешь, Маш, никогда не тянуло, правда. Даже здесь.

– А я пробовала, когда была подросток. Тогда было много проблем, хотелось их отключить. Но у меня сильно заболела голова, тошнило, кайфа не было и я больше никогда хотела повторить. А он там попробовал. Ты знаешь, это так обычно, артистическая компания, водка, бренди, сигареты, каннабис... По-русски каннабис будет марихуана, да?

– Да.

– И он здорово играл, просто отлично, после марихуаны. Он импровизировал. Сначала он играл только на флейте, потом друзья подарили саксофон. Он говорил, что когда он выкурил одну сигарету с травкой и взял свой саксофон, он бог. Было похоже. Люди находили его звездой, а он обнимал меня и пел импровизации в мою честь, и это было прекрасно. Я тогда не понимала, я думала, одна сигарета – нестрашно. У нас многие так курят. Но потом стало нужно две сигареты. И водка, много водки. Он становился злой, особенно если не было марихуаны. Мы ходили туда раз в неделю, но ему нужно было курить чаще. Марихуана есть в кофе-шопах, но у него не хватало денег, регулярная порция стоит 25 гульденов. Малая – 15 гульденов.

– Да, круто. Если хорошо экономить, на четвертной можно на неделю еды закупить, не меньше! Ну, если на одного.

– Знаешь, почему ворованные велосипеды продают ровно по 25 гульденов? Столько стоит наркотическая порция. Он стал требовать денег у меня. Но у нас не было лишних! Я не могла бросить университет, подзарабатывать ему на травку. И меня уже не радовала ни флейта, ни саксофон. У меня начиналась депрессия. А он был такой злой, если не было травки, даже мог меня ударить в лицо. Да, два раза он ударял мое лицо и убегал из дома. Я не знала, где его искать. А потом он приходил, он был ласковый, счастливый, от него пахла марихуана. Он просил прощения, я его принимала, все было хорошо. Я думала, это мой крест.

– Твой что? – не понял Саша.

– Я думала, это мой крест. Мы говорили об этом с отцом Андреем, я тогда уже была православная, но он не поддержал меня. Он еще сказал во время исповеди, что если мы живем вместе, но мы не муж и жена, это называется блуд, и мы не можем причащаться. Мне это было так странно, потому что в Голландии это распространено. Мы же не проституируем, не ходим в дурные компании, люди просто не торопятся вступить в брак. Я тогда не поняла его, но я подчинилась. Я приходила в церковь, но я не могла причащаться. И все было очень тяжело. Мы начали скандалить. Наверное, мне не стоило его обижать, но мы жили в моем доме, на мои деньги, он совсем не хотел никак устроиться в жизни, он хотел жить в моей квартире, курить и импровизировать. Он думал, что если он играет мне на флейте, этого достаточно.

Женщине нужно находить мужчину опорой. Мне казалось, что русские мужчины такие. У нас тут феминизм, ты же знаешь, если даму пропускают вперед, она обижается. Но это неправильно, феминизм обижает женщину еще хуже. Я ценила в нем, что он был настоящий мужчина, сильный, ласковый, добрый. Но он скоро перестал быть таким. Он стал наркоманом.

Я несколько раз говорила ему: или бросай курить травку, или уходи. Но пришел день, когда я сказала, и он ушел. Я ревела неделю. Меня утешали друзья, мне даже звонил отец Андрей, хотя он всегда сильно занят, я потом ходила на сеанс психотерапевта. Я как будто умираю. Мы больше никогда не виделись, я не ходила на эту баржу и потом никогда не пойду. Я сменила квартиру. Я встретили потом одного друга, он сказал, что Владимир попал в тюрьму. Это была уличная кража. Ему не хватало на порцию. Я так переживала. Наверное, я не смогла ему помочь. Но что теперь я могла сделать? А потом я встретила тебя. Саша, ты не такой, это так здорово!

– Маш, так его звали Владимиром?

– Владимиром.

– Скажи... – в Сашиной голове зародились воспоминания, которые, наверное, были не к месту, но все же... – ты говорили, саксофон. Почему он играл на саксофоне, если был флейтист?

– О, он не был флейтист. Он мог играть на многих инструментах, но его главный инструмент был саксофон. Он рассказывал мне, что когда-то у него был в Амстердаме саксофон, но его сломали полицейские. Это так странно, я даже не верила, полицейские не могут так поступать. Он

играл на Калверстрат, полицейский хотел забрать у него саксофон и сломал. Может быть, он выдумал это.

– Машка... Машка, он не выдумал, понимаешь! – Саша вскочил на ноги, взмахнул руками, и в Машиных глазах уже явно читался испуг. – Это же мы с ним, с ним там были! А потом мы зависли без денег, жилья, работы, без визы, мы с ним несколько месяцев гужевались где придется, даже на вокзале пробовали ночевать! Он же мне почти брат. Мы расстались в прошлом апреле, а я его с тех пор и не видел. Иногда смотрел в спину человеку, думал – вот, вроде, Вовка, а оказывалось, совсем другой. Вот оно как замкнулось-то, колечко! Где он теперь?

– Я говорила, в тюрьме... – в раскрытых Машиных глазах уже сиял не испуг, но настоящий ужас, причину которого Саша не хотел сейчас понимать.

– Да, ты говорила, – вялым эхом отозвался он, – в тюрьме... Уличная кража. Знаешь, мне так это знакомо! Нет, я не воровал, но вот когда жрать нечего, идешь по улице, смотришь на эти гладкие, пресытившиеся рожи, и думаешь: раз вы со мной так, раз вам на меня наплевать, то и я с вами так же. Вот велосипед вроде припаркован лажово, замок бы сейчас сковырнуть, да и продать его... Но нет, ни разу не взял. Да и не умею я... И Вовка был не такой. Но вот на ломах... Слушай, а где эта тюрьма?

– Я... я не знаю... Саша... это правда?

– Ну правда, правда, чего я, выдумал, что ли? А тюрьма... а впрочем, что тут сделаешь. Я же нелегал.

– Ты не волнуйся, Саша, – сказала Маша каким-то подчеркнuto правильным и бесцветным голосом, поднимаясь с земли, – у нас очень комфортабельные тюрьмы. В первый раз его наказали не очень строго, и потом его депортируют в Россию. Я не знаю, это может быть лучше для него. Он стал настоящим наркоманом. Кстати, у нас скоро автобус, пошли скорей.

– Да... автобус...

И они скорым шагом отправились к автобусной остановке, ошарашенные неожиданным совпадением. Говорить об этой истории не хотелось. Половинки её совпали – но не сошлись.

15. ЖИТЕЙСКИЕ ВОПРОСЫ НА ФОНЕ САЛА

Вечером в воскресенье Саша действительно заглянул к Лодейниковым – правда, один. Маша с ним не пошла, и он вполне понимал, почему. Понимал, но не мог согласиться. Ну и что, что он дружил с Вовкой? Разве он теперь отвечает за вовкины наркотики, за это «ударял мое лицо» и все такое прочее? Депрессии свои лелеять поменьше надо. А то ее парень в тюрьму загремел, между прочим, а она об этом так спокойно говорит – мол, сплавила подальше, и ладно... Нет, все-таки не понять голландке русского. Хоть ты тресни, не понять.

Жили Лодейниковы в Амстердаме совсем недавно и тосковали не столько по родным краям, сколько по своей тусовке, и потому жадно собирали вокруг себя русских. Валера, свежееиспеченный кандидат физико-математических наук, получил какую-то хорошую работу в одном из двух городских университетов, вот они и жили пока что в университетском общежитии вместе с Галей и двумя мальчишками-погодками. Хорошие ребята, к ним всегда можно запросто завалиться, посидеть, поболтать, да и выпить нормально. А если слишком наберешься, можно даже ночевать остаться. Но это на самом деле ни к чему, они же в университетском общежитии в том же самом Амстелфейне, в пяти минутах на велосипеде. Один раз ехал от них пьяный, смешно сказать, уснул за рулем! Упал, конечно. Хорошо, что на газон.

На велосипедном багажнике стояли шесть бутылочек бельгийского белого пива в картонной коробочке – Сашино любимое, «Хухарден». С долькой лимона вообще бесподобно идет, но можно и так. По правде сказать, с лимоном он только один раз и пробовал, а обычно до пижонства руки как-то не доходили.

Общежитие было странным, каким-то уж совсем по-советски коммунальным. Блочное здание, по обеим сторонам которого тянулись балконы – сплошные, без перегородок, так что служили они чем-то вроде коридоров. Идешь себе по балкону, а за стеклянными дверями – чужая жизнь, которая то и дело выплескивается на балконы – покурить, подышать, пообщаться.

Квартирка у них тоже была забавная, в хрущовках такую систему называют «распашонкой». Входишь в крохотный коридорчик, справа и слева по спальне (у Лодейниковых как раз получилось для детей и родителей), прямо перед тобой – некое подобие кухни, то есть плита, мойка и холодильник в торце коридора. Тут же дверь в совмещенный санузел, а слева и справа – еще по комнатке: вроде как справа кабинет, а слева – гостиная. Всего получается метров 40 общей площади, а ведь зато – четырехкомнатная! И с двумя балконами по обе стороны – двумя выходами в открытый студенческий космос. Дешево и сердито, как говорится.

Дверь ему открыла Галя, (компания, похоже, уже собралась – из гостиной доносились пока еще трезвые голоса):

– А, Санек, здорово, проходи. Так, пиво в холодильник, черт, там места уже нету, маленький он, сволочь, ну ничего, так выпьем, оно вроде не теплое... А что ты один – без Маши?

– Не, пиво теплое, – признался Саша.

– Ну проходи, проходи. Валерка там заканчивает с докладом, ему завтра в Гамбург на конференцию, я картошку жарю, а ребята там уже, в общем, проходи.

– А, Саня, – выглянул из рабочего кабинета Валера, – давай, располагайся. Мне, понимаешь, завтра к немцам ехать, я тут быстренько доклад дотюкаю. Ты, кстати, не в курсе, как по-английски сказать «в заключение»?

– Ну, может быть, “in conclusion” – неуверенно протянул Саша.

– Ага. Спасибо, – и Валерка немедленно скрылся в своем условном кабинетике. «Да брат, это тебе не тряпку с пылесосом держать, – прислушиваясь к бодрой дробе за дверью, невольно усмехнулся Саня. – В Гамбург! Ишь ты».

– Не, сала тут настоящего нету, – донеслось тем временем из гостиной. – Мы с Олесей так делаем: покупаем якобы венгерское в их супермаркете, он так и называется «Еда», прямо по-нашему⁵⁶. Ну, и сами еще доводим: с перчиком там, с солью... Недельку подержим натертым, вроде и годится. Мы из Киева настоящего привезли, только где ж теперь то сало...

– Здравствуйте, – Саша застыл на пороге гостиной.

– Привет, – отозвался озабоченный салом человек средних лет в аккуратном, но потрепанном сером костюме. – Не из Украины будете?

– Да нет, из Москвы...

– Ну, – рассмеялся тот, – как раз спели: теперь москаля опять будут клеветать, что мы только про сало и гуторим... Впрочем, проходите. Я Петр Остапенко, микробиолог, а вот Олеся, моя жена, – показал он на сидевшую рядом худощавую блондинку.

– Саша Смирнов... уборщик.

Третьей в компании была приятная женщина кавказской внешности, она сидела в углу и почему-то казалась знакомой.

– Тамара, – улыбнулась она. – Ваша коллега.

– Ну, Тамара скромничает, – отозвался Остапенко. – Она в нашей группе первый специалист.

– А по совместительству уборщик, – настаивала та, – когда домой приду. Сынишка такой погром устраивает. Садитесь, Саша.

– Тамара, а Вы тоже из Киева? – спросил Саша.

– Нет, я московская грузинка. Мы здесь все из бывшего Союза, по специальной программе учимся на биофаке.

– А что, стосковались друг по дружке, небось? – донесся бодрый Галин голос из «кухни».

– И не говори, Галка, – ответила молчавшая до сих пор Олеся, – я как вспомню нашу коммуналку...

– Киевскую? – не понял Саша.

– Да нет, Амстердамскую.

– А разве такое бывает? – изумился Саня. Где, казалось бы, только ни ночевал, но такого не видел.

– Бывает-бывает, – Петр мощно хлебнул «Хухардена». – Ишь, какое пиво... У нас учебная программа – университет приглашает советских специалистов по микробиологии. Ну, тут парторги-профорги всякие налетели... А им простой такой вопросик: пришлите список публикаций за

⁵⁶ Сеть универмагов "Edah".

последние десять лет. И точка. А какие публикации у парторга – смекаешь? Партийное руководство глистами в свете последних решений? А у нас с Тамарой, да еще у некоторых – по паре публикаций таких, что во всем мире цитируют. Так что обломалась партэлита. А нас позвали.

В общем, прилетаем сюда, встречают нас, а я им – «битте шён! Майне фрау, майне тохтер»⁵⁷. Они, в принципе, в приглашении упомянули их, но на самом деле не ждали. А куда же я без них поеду? В общем, решили нас, как цивилизованных, по квартирам расселить. Сняли на Бетховен-страт несколько меблированных квартир для молодых ученых, каждому по комнате. А большинство-то приехало всем семейством!

– Да, есть, что вспомнить, – мягко отозвалась Тамара.

– У них там три дамы жили. Тамара со своим мальчишкой приехала, а Лариса и Татьяна – кроме детей еще и с мужьями. И живут! Белье в ванной стирают, на балконе сушат. Еду по очереди в кухне готовят. Щами весь подъезд пропах.

– Бедная наша мисс Феликс, – отозвалась Тамара.

– Ну да, а там управляющая – фельдфебель в юбке, гримаса капитализма. Хозяин-то за домом не следит, только доход получает, а вот эта Феликс долго не могла ситуёвину уразуметь: как зайдет в квартиру, думает, наверно, что это гостей столько пришло. В общем, когда она просекла, в чем дело, она та-акой скандалище закатила! Выставила университету счет за проживание дополнительных персон, да потребовала, чтобы все посторонние немедленно съехали. Так вот мы все сюда, в общагу и переселились. Все по отдельности, так гораздо лучше, конечно.

– А что, – поинтересовался Саня, – у них семьи не запланированы, что ли?

– Нет, конечно, – ответила Олеся. – Зовут ведь специалистов. А всё остальное – личное дело.

– Да что семьи! На этой Голландщине гостей разве так принимают, как у нас заведено? – с большой скворчащей сковородой картошки в комнату вплыла Галя. – Нам тут уже объяснили: в шесть все обедают. Значит, если зовут к шести, рассчитывай на обед, если к четырем или к восьми – на чашку кофе с печенюшкой. Буквально на чашку, ну, две! Нас тут с Валеркой позвала одна семья, к половине пятого, мы пришли, поговорили с ними, сами смотрим на часы: вроде как уже к шести дело, непонятно, уходить, что ли? А как сказать, может, обидятся? А она сама возьми да и скажи: “I think it’s time for you to go home”⁵⁸.

Смущенно улыбаясь, из своего укрытия вынырнул Валера:

– Ну все, дотюкал. Давайте, что ли, по маленькой!

– Валер, а по какой теме доклад? – спросил Саша.

– Да так, обычная наша мутотень... По математическим методам спецификации полного цикла производства программных продуктов.

– Что-то насчет Венского метода?

⁵⁷ Пожалуйста! Моя жена, моя дочь. (нем.)

– Ну да, это ж сейчас самое перспективное. Стоп... Саня, а ты, я смотрю, разбираешься?

– Так я же два курса мехмата закончил. Ну, и программированием увлекался.

– Серьезно? Ну, дела-а. Слушай, Санек... Да нет, не выйдет, наверное, – Валера уже сел за стол и держал первую рюмку. – Ну, поехали! За встречу.

– А что не выйдет-то, – переспросил Саня, пока водка теплым шариком спускалась по пищеводу.

– Ну, я вот подумал: нам человек еще один ой как пригодился бы. Голландцы, они ребята толковые, но с образованием у них беда-а... Наш второкурсник иногда равен их выпускнику. А ты, говоришь, разбираешься?

– Я говорю, интересовался когда-то. Много уже забыл.

– Главное, чтобы чайник варил, а подучиться-то всегда можно. Знаешь что... я поговорю с нашим боссом, ты мне позвони через денька три-четыре, или я сам позвоню, лады?

Идея Валеры насчет университета, конечно, была заманчива. Но Саша уже натренировал себя не разевать рот на такую вот халяву. Слишком редко она сбывалась.

– Фиговая у них водка, и образование фиговое – после второй резюмировал Петр.

– Водка-то немецкая, – вступился Саня.

– Ну вот, даже водки своей нет... А джин их этот вообще никуда не годится. Как и образование, – настаивал Петр, – мы свою Оксанку в международную школу отдали, для посольских. Там программа попроще. Тамар, а твой куда ходит?

– Школа по системе итальянского педагога Монтессори, – пояснила Тамара. – Но я не уверена, что ему это подходит...

– А что за система? – оживилась Галя.

– Странная это школа, – с мягкой грустью начала Тамара, – парню уже шесть лет. Но у нас даже в детском саду в старшей группе их уже читать-считать учат, а тут вообще непонятно, чем они занимаются: кубики какие-то разноцветные, формочки... А главное, проблема с дисциплиной. Ну просто ужасная проблема! Никому ничего не запрещается. И дети ходят совершенно на головах. К тому же у них в классе около трети – турки и прочие. Они же совершенно не говорят по-голландски, мой и то лучше! И вот учительница тратит большую часть времени, чтобы хоть как-то установить с ними контакт. Странно, что она сама еще на турецкий не перешла! А они сколотили свою прямо банду, лупцуют всех прочих детей и никого слушать не хотят. Вон, рассказывали, в старших классах турки местным так и говорят: мол, дождетесь, мы вас скоро в море сбросим!

– И не говори, – вступил Петр, – строгость тут нужна!

⁵⁸ Я думаю, вам пора идти домой. (англ.)

– А вот еще недавно им раздали рабочие тетради, и там среди всяких птичек-бабочек маленькие голые дети. Вот «йонге», мальчик, а вот и «мяйше», девочка, прямо так с пискками и нарисованы. Я уж и не знаю, как к этому относиться.

– Да никак не относись, – посоветовала Галя, – надо будет парню, сам разберется. Ну, спросит в случае чего.

– А у нас – отозвался Петр, – тоже в международной школе Оксанке дали пособие по сексологии. Я прямо озверел! Ну, сиськи-пиписьки это ладно, мама-папа, животик в разрезе – тоже ничего страшного. Лучше пусть так, чем в подворотне ей все расскажут и покажут. Меня вот что убило: страничка с четырьмя картинками. На одной хлопчик гуляет в обнимку с девочкой. Ладно. На другой – две девочки в обнимку друг с дружкой. Допустим. На третьей – хлопчик в обнимку с хлопчиком! А четвертая перечеркнута пополам, там в одном углу – хлопчик с девочкой, а в другом – хлопец с другим хлопцем. И подпись, подпись-то какова! Люди мол, разные: кому нравится со своим полом гулять, кому – с противоположным. А ты к какому типу относишься? Это десятилетним соплюхам и соплякам вопросик такой задавать! Представляете?!

– Ужас! – ахнула Тамара.

– Ну да! А может, на следующей картинке нарисовать, как кто козу какую обихаживает? И такие ведь бывают!

– Ага. Но надо же делать разницу между нормой и извращением! Причем школа и должна устанавливать норму. А извращения сами появятся, – рассудительно подвела итог Олеся.

– Ну, тут они явно так не считают, – ответили Галя, – у них школа призвана отражать жизнь во всех ее проявлениях.

– Ну да, а врач, вместо того, чтобы лечить больных, будет рассказывать им, что инвалиды – тоже достойные члены общества, да? Слушай, Саня, ты тут ведь давно – неужели у них эта дрянь и в самом деле на каждом шагу?

– Да ведь я-то не по этой части, – усмехнулся Саня, – к гомикам не хожу, наркоту не употребляю. Вот водочки – это пожалуйста.

– И точно, – оживился Валера, – чего-то мы заболтались. Ну, еще по одной... по последней, кажется? Девочки, вам?

– Себе, себе налейте, – Олеся прикрыла рюмку ладонью.

– Мне рассказывали, – вернулась к прежней теме Тамара, – что в Голландии даже венчают гомосексуальные браки! И что первый пастор, который совершил такой обряд, был женщиной!

– Переодетой, что ли? – удивилась Оксана.

– Нет, точнее сказать, женщина и была пастором. Это у них сплошь и рядом.

– Поп с невестой местами поменялись! – хохотнул Петр. – Вырождаются они тут, точно.

– Но я этого даже понять не могу, – растерянно произнесла Тамара, – у нас вот такой красивый обряд венчания. Священник молится, чтобы молодые уподобились Аврааму и Сарре, а

еще Иакову и... кто там был его женой, кажется, Ревекка? Ну, в общем, патриархам. А на таком венчании кого вспоминать будут?

– Содом с Гоморрой! – весело отозвался Петр.

– Саша, а тут ведь и церковь наша вроде есть? – спросила Галя.

– Есть. На Керк-страт. Так прямо и называется – Церковная улица. Они там у католиков кусочек собора арендуют.

– Бывали?

– Бывал... на Пасху последний раз.

– На Пасху и мы были, как же, – отозвалась Олеся, – а Тамара вообще часто ходит.

– Вот откуда лицо знакомо... – протянул Саша. – Я-то сам редко, вот только на Пасху и на Страстной. Как-то не до этого.

Саше захотелось рассказать, как это было – даже не на Пасху, а именно на Страстной. Его позвала Машка – в ночь с пятницы на субботу они собирались читать в храме Евангелие. Каждый по полчаса. Кто не читал, спал в небольшой комнатке наверху, где обычно пили кофе после службы. Машкина чередка была с полчетвертого до четырех; значит, Саша выбрал до полпятого. Трудное время, самый сон.

Будильник ударил прямо в ухо: без пяти четыре. Саша хлопнул ладонью, вскочил на ноги, протер глаза. Невозможно гудела сонная голова – спал-то всего ничего. Но пока спускался вниз, как будто все развеялось. И вступил в сумрачное пространство маленького храма, примостившегося под крылом чопорного католического собора. Посредине стояла на подставе плащаница – большая икона убитого Христа. На подсвечнике теплилась пара свечей, и перед ними – стояла девушка в платочке, и округло, напевно, по-университетски правильно и по-детски вдохновенно текла ее славянская речь (каждый сам выбирал язык чтения). Трудно было узнать в этой сумеречной и торжественной фигуре Машку. Она закончила фразу, приняла из его рук русскую Библию и показала пальчиком: вот здесь. Саша встал на ее место.

Кто-то стоял у него за спиной (наверное, осталась Машка, а может, подошел кто-нибудь еще), но было не до того. Перед ним лежал мертвый Христос в окружении скромных цветов, а Саша читал по Нему Евангелие. Словно действительно только что умер кто-то дорогой, и надо было продержаться эту ночь у мертвого тела. Гулко звучали слова, колебались строки в слабом свете свечи, и пересыхало горло...

«...придя же в себя, сказал: “сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих”. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: “отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже

недостойн называться сыном твоим”. А отец сказал рабам своим: “принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся”. И начали веселиться».

И знакомый издавна сюжет вдруг вырос в полный рост в присутствии Мертвеца и невидимых людей за спиной. Словно тут и вправду была пещера, где когда-то лежало Его тело. Словно все было в первый раз: и эта смерть, и это слово.

А потом кто-то тронул его за плечо, и незнакомый очкастый парень со спутанными русыми кудрями заглянул к нему в текст, отчеркнул что-то ногтем у себя, в книжке с замысловатыми выющимися буквами, встал на его место и начал новую главу на еще одном языке, нараспев: «Элеген де ке прос тон мафитон...»⁵⁹ Как непохоже было это на официальную строгость московских храмов!

Воспоминание нахлынуло так ярко, что он даже не заметил: Петр уже вовсю обсуждал какую-то другую тему. Здесь-то жизнь шла в обыденной колее. Нет, здесь об этом не расскажешь, не получится.

– Ну, мы этого уже не увидим. До дому, до хаты, каштаны в цвету... Ох, люблю я этот город, Киев! А вот Тамарка останется.

– Неизвестно еще, – ответила Тамара, – контракт не подписан, а подишут – как оно еще сложится... Тысячи две в месяц для начала положат. Минус налоги, за квартиру, за школу... Уж и не знаю, сколько останется.

– Вдвоем на две тысячи прожить можно. И даже неплохо, – основательно резюмировал Саша.

– Да? Впрочем, Вы, Саша, наверное, знаете...

– Я тут жил на гораздо меньшие средства. Правда, без ребенка.

– Саша, как ты сюда попал-то? – вдруг напрямую спросил Петр.

– С гастролями, – усмехнулся Саша.

– С какими гастролями? Ты же математик?

– Пробовал им стать. И актером тоже пробовал. После гастролей остался. Теперь вот уборщик. Зато свободен.

– Уважаю решительность, – сказал Петр, – Я, может быть, если здесь полы мыть пойду...

– Да не пойдешь ты, – перебила его Олеся.

– Ну, надо будет, так пойду! В общем, я, может быть, здесь и пристроюсь чернорабочим. Может, буду больше получать, чем наш директор института. Но кто я здесь буду? А там я ученый. Голодный, но уважаемый. Они нас здесь для чего прикармливают? Ну, лучших, вроде Тамарки,

⁵⁹ «Сказал же и к ученикам...» (др.-греч.)

себе заграбастать, а мы чтоб там сидели и не рыпались. В Киеве я и для них буду человек. Там, мне, может, грант дадут, хоть сотню баксов в месяц. Да у тещи под Житомиром поросята, так что без сала не останемся. Сало-то доели?

– Пиднакусали, – задразнилась Галя. – Вот, остатний кусочек, Петро, тебе чекае.

– А что, Саша – теперь не жалеешь, что остался? – продолжал Петр.

– Пожалуй, оно того стоило. Что-то я узнал.

– А что, интересно? – включилась Олеся.

Я не знаю, как это назвать. Во всяком случае, не из области математики, – попробовал обратить все в шутку Саша. – И вообще: сало доели, водку допили, переходим на вечные вопросы! Вот ведь забавно получается: я вчера вот только говорил с... ну, в общем, с одной местной жительницей. И она мне все рассказывала, какие у русских глубокие и содержательные разговоры. Достоевского цитировала: «дай русскому мальчику карту звездного неба, и он вернет ее исправленной». Мол, полночь-за полночь, а мы все о судьбах мира. А вот вы прикиньте, какие мы тут мировые вопросы решали: как сало готовят, как в одной квартире три семьи проживут, да нужно ли детям показывать пиписьки. Вот и вся достоевщина.

– Достое-еевщина, – протянул Петр, – будь она неладна! Это местную интеллигенцию, обожрамшись, на соленькое потянуло, вроде как после торта на селедочку. А у нас и по жизни достаточно достоевщины. Так что давайте-ка лучше про сало

– Вот что, ребят, – свернул на другие рельсы Валера, – а не пойти ли нам в кабак? Типа, на дорожку. Я проставляюсь. Вы там завтра за меня кулаки держите, мне еще германскую границу пересекать, кстати, без визы. Ну, и конференция послезавтра. Тут местный кабачок есть, где студиозусы оттягиваются, вроде, ничего, и не слишком дорого. Так что по стаканчику возьмем.

– Ну, тогда пошли, – резюмировал Петр.

И компания влилась в чрево студенческого бара, где орала невнятная музыка и развлекалась не менее невнятная молодежь. Наверное, как раз с такими заскучала в свое время Карен, перед тем, как стать Машей...

16. ADIEU...

По раскаленной августовской жарой автотрассе неся новенький пежо с голландскими номерами, голландским водителем и тремя голландскими пассажирами. Четвертым пассажиром, на середине заднего сиденья, был Саша Смирнов. Позади оставался маленький привал в Бельгии, у отрогов Арденн, где за чашку кофе и за вход в туалет Саша расплатился голландской мелочью – желтых бельгийских монет с королем Бодуэном у него просто не было. Там в туалете он перепутал дверь, и вместо выхода прошел в женскую половину (странно, зачем такую дверь между двумя

половинками проделали?), и две молодые голландки долго потом смеялись по этому поводу. Ну да, туалетный юмор у них – самый популярный.

Две голландские студенческие пары возвращались из Парижа с какой-то выставки. Вот так вот запросто сели в машину и поехали в соседнюю страну на выставку. А что, каникулы кончаются, скоро за парту – прошвырнемся в Париж! А чтобы оправдать деньги на бензин, связались с системой «аллостоп» – организованным автостопом. Очень удобно, в самом деле: в этом агентстве им подбирают попутчиков, а те платят по твердой таксе. А уж попутчикам как удобно! От Амстердама до Парижа – тридцать с небольшим гульденов, и столько же обратно, дешевле автобусного билета. А главное, едешь на машине с европейскими номерами. Такие редко останавливают на границе, разве что уж кто-то совсем подозрительный будет сидеть внутри.

Позади лежал такой же маленький привал в Пикардии, еще во Франции. Это там он разговорился со своими попутчиками. Откуда ты, парень? Из России? А, так вот почему ты худой! У вас ведь там кризис, проблемы, хочешь бутерброд? Нет, говоришь, давно приехал? А что в Голландии делаешь? Работаешь, учишься, путешествуешь?

А и в самом деле, что он в Голландии делает? Работает, конечно, кушать-то надо. Причем в последнее время уже и не только уборщиком. Маша поделилась с ним переводами на русский, сама она что-то не успевала, и заплатили за коммерческие бумажки очень даже прилично. Если бы не это обстоятельство, не видать бы ему Парижа. Вот только с Машкой так и не сложилось...

Еще, наверное, он действительно учится. Что-то такое про «школу жизни» говорить глупо, да и очень банально, но ведь и в самом деле он открыл для себя – или в себе? – нечто новое. Что бы там ни было, но он уже не тот растерянный и восторженный школяр, который когда-то спускался по трапу в Схипхале. Может, уже и выпускник.

И еще он теперь – путешествует! Да, только теперь, после полутора лет в Европе, он вот просто так берет и едет в чужую страну. С месяц назад он звонил Лодейникову, спросил, как прошла гамбургская поездка. Оказывается, поездка никак не прошла: в поезде немецкие пограничники тормознули безвизового Валеру и даже штамп какой-то в паспорт вкатили о попытке нелегального перехода границы. Валера ужасно ругался, но все равно собирался с Галей поехать в Париж, тоже без виз, на машине приятелей, пока Тамара приглядит за их мальчишками. Он-то в Гамбург ехал поездом, там обычно документы проверяют, а вот на машине с местными номерами – без проблем. А вот насчет университета... Он узнавал: да, вообще-то на кафедре была одна вакансия, но когда оказалось, что на нее претендует русский нелегал без официального высшего образования, разговор закончился. Так что извини, старик.

Но все равно Валерка навел его тогда на замечательную идею. Съездить в Европу и не повидать Парижа? Не бывает! А заодно – своего рода лотерея. Да, он еще и играет с судьбой! Три страны: Нидерланды, Бельгия, Франция – значит, на этом маршруте будут четыре границы. Любая проверка документов означает немедленную депортацию, это ясно. Тут взятку в лапу не сунешь.

Так что оставил инструкции Диме, что и как в случае, если он не вернется. Депортация, так депортация. Значит, домой, только и всего! Хватит дрожать, в конце концов.

Теперь позади было три пограничных поста, на которых у Саши не спрашивали документов. Оставался последний, на бельгийско-нидерландской границе.

Очень жалко, конечно, что он был в Париже один. Хоть и писал в свое время Чехов, что ехать туда с женой или девушкой – все равно что в Тулу со своим самоваром, но до последнего момента хотелось попасть туда с Машкой. Но не вышло. У них вообще после той маркенской поездки все как-то разладилось. Она на него за что-то обиделась, он так и не понял за что, да и он тоже не мог ей по-настоящему простить, что вот так вот запросто она бросила Вовку. Ну ладно, ссорились-мирились, с кем не бывает, но неужели она его вот так же, как Ингрид – выпихнула, когда стал не нужен... Вовка тоже хорош, конечно, свинтус настоящий, но не бросать же его теперь из-за этого! Подобрала на улице, так теперь не выбрасывай.

А сам-то его бросил, говорил внутренний голос, сам-то не захотел с ним рядом бултыхаться, но тут же находился и ответ: я нелегал, что я тут могу. Первая встреча с полицейским означает одно: депортацию. Это вот Машка, точнее, Карен...

Они еще перезванивались, пару раз встречались, но в какой-то момент он поймал себя на мысли, что говорит ей «пока» с облегчением. Не то, чтобы было плохо, но и хорошо тоже не было от этих встреч – словно оба ждали чего-то друг от друга, чего дать то ли не могли, то ли не хотели. И в какой-то момент он просто позвонил, а встретиться – не предложил. И Машка не предложила.

Нечего, наверное, было раскрывать свое бывшее знакомство с Вовкой. Для нее это явно было болевой точкой, да впрочем, этих болевых точек у нее и так хватало, а Саша не знал, как их обходить. А еще не знал, где у нее кончается литература и начинается жизнь. Да и вообще, после того рассказа он призадумался: а он-то ей зачем? Тоже в виде героя Достоевского? А вдруг не потянет? Тогда и его – пинком под зад? Нет уж, лучше сразу... Ладно. Проехали.

Ведь он и в самом деле тут никто. Ничтожество, если мерить привычными мерками, если смотреть на него глазами человека в форме. А можно сказать иначе: он – человек, живущий по собственному выбору. Захотел вот поехать в Париж – и поехал.

И теперь уже знает он точно: он не пропадет. Ни здесь, на сытом и равнодушном Западе, ни там, в задушевной и нищей России. Он еще не знает, что будет завтра, но он может делать свой выбор, он готов нести за него ответственность. Ему не нужны добрые дяди и в особенности тети, которые в любой момент могут сказать ему «прости-прощай». Он может теперь говорить “doe-i!”⁶⁰ первым, он хорошо усвоил уроки голландского.

Так и парижскую поездку он устроил себе сам. У Валерки на работе был новый зверь интернет, он по просьбе Саши высмотрел адрес какого-то недорогого парижского хостела,

⁶⁰ Пока! (нидерл.)

долларов по 15 в день. Оказался он вроде общаги, куда их поселили после приезда в Амстердам, да и от центра недалеко. В том же интернете разузнали про самые дешевые супермаркеты, “Monoprix”, нашли ближайший к хостелу. Там можно было закупать батоны, которые тут звали «багетами», сыр, ветчину и делать бутерброды, а потом бродить целый день по городу с ними и с бутылкой воды в рюкзаке. Дешево, и ни от кого не зависишь.

Когда другая машина с европейскими номерами завезла его в вечерний город и вдалеке на холме замаячил светлый силуэт Сакре-Кёр, знакомый с давних времен по давно заброшенному учебнику французского, он не мог поверить: неужели Париж? А потом машина оставила его у входа в метро, где пахло дешевой дезинфекцией и с отсутствующим видом ждали поезда негры. Так и впечатались в память первые впечатления от Парижа: световой силуэт собора и пропахший хлоркой грязный перрон.

Париж тоже оставался позади. Как описать его, первый визит русского мальчика в Париж, прямо в карту звездного неба? Восторг и удивление, и, может быть, даже разочарование, что это не одна только сказка, а просто еще большой шумный и не слишком чистый город, как и Москва. Даже и русской речью обдавало на каждом шагу.

Позади оставался ажурный силуэт Эйфелевой башни, растиражированной в миллиардах сувениров, и лифт, стремительно взлетающий по ее изящной ноге, а потом многоликая толпа глазела с верхнего пяточка на залитый солнцем город. И за спиной: «Так, ну и шо в этом Париже мы ще не видали? У Лувре были, у замке этом, как его, тоже, шо осталось? – Та шо тут смотреть, большая дереуня, урде нашего Брайтону – Ну, не скажи, все ж таки культура ж тут просматривается».

Оставался позади бесконечной чередой коридоров тот самый Лувр, где уже бывали брайтонские, и где Саше через три часа стало просто невмоготу, картины не вмещались в сознание. Он решил выйти передохнуть во двор, к фонтану и к нелепой стеклянной пирамиде, но спутал дорогу и наткнулся на нижнем этаже на Венеру Милосскую. Толпа японцев озаряла ее вспышками фотографических молний, снимаясь поочередно на ее фоне, но золото солнца все равно играло на ее коже, и невозможно было поверить, что это мертвый мрамор, а не живая богиня. И тут же, в коридоре горячечной интеллигентской скороговоркой на два голоса: «Нет, как же вы не понимаете, президенту сейчас нужна наша безусловная поддержка, советская гадина должна быть окончательно раздавлена, советская экономика полностью демонтирована, и только после этого можно надеяться на возрождение обновленной России – Простите, но воровство, лихоимство, наконец, эти пьяные дебоши, как вы можете поддерживать все это? – Но воруга нам милей, чем кровопийца, и мы должны быть солидарны с Борисом Николаевичем... – Так как же, если вы сами призываете давить гадину, ведь не может обойтись без большой крови, неужели вам не ясно... – Нет, это вы не хотите понять!»

Да оба они ни фига не хотели понять в двух шагах от Венеры Милосской.

Оставалась позади сумрачная, невнятная громада Нотр-Дама, где можно было гулять, как в тенистом парке, а потом взобраться на башни и любоваться вместе с ироничными каменными химерами – здесь их звали «горгульями» – на копошащуюся у подножья собора разноязыкую жизнь. Если спуститься, станет слышно, как эта жизнь, частично и на русском языке, предлагает нарисовать портрет, купить открытки, как она обсуждает планы на вечер или хвастается сувенирами.

Оставались позади бесчисленные музеи, от такого домашнего музея Пикассо с бронзовой козой во двореке, словно тут же ее и собирались подоить, до огромного Орсэ, который был вокзалом, да так им и остался, с толпами туристов, что купили билет до импрессионизма, а потом осаждали буфет с туалетом. Оставались цветочные и открыточные улочки Монмартра, базарный Монпарнас, книжные развалы вдоль бульвара Сен-Мишель и маленькие забегаловки в боковых ответвлениях от него, где курчавые посетители неизменно приветствовали друг друга: «салам алейкум».

Летом одна тысяча девятьсот девяносто третьего года позади него оставался Париж. Он приехал туда свободным человеком, свободным и от идеологических шор (коммунистических ли, каких ли иных – не так уж и важно), и от унижающего безденежья, и от робкого страха советского человека перед Неведомой и Прекрасной Заграницей, где ты никому, увы, не нужен. Если что-то он хотел доказать себе и другим – доказал.

Радио в машине было настроено на французскую станцию, передававшую старые, проверенные временем шлягеры, и стереозвук обволакивал пассажиров со всех сторон. Сейчас Мирей Матье пела “Acropolis, adieu...”⁶¹ Это было не про Париж, конечно, а про Грецию, но все равно выходило так, будто это счастливый Саша прощался и с Парижем, и с какими-то своими комплексами, и можно было начинать дальше.

А потом Эдит Пиаф запела, играя на каждой букве R, как на аккордеоне: “Non, rien de rien, non, je ne regrette rien...”⁶², и Саша впервые понял слова этой знакомой песни. Несколько дней во Франции, где сперва казалось чудным, что кругом почти все говорят по-французски, даже маленькие дети, оживили в его памяти полузабытые начатки этого языка. Тем более, что с английским в Париже далеко не уедешь, даже в туристических местах. «Нет, ни о чем, не жалею я ни о чем...» Точно. Он не жалел ни о чем.

Перед пограничным постом машина притормозила. В окне медленно проплыла очередная чиновная физиономия, разглядела пассажиров, ничего не сказала – и машина без проверки пересекла четвертую границу. Саша был снова в Нидерландах. Игра была сыграна, и Саша выиграл, впрочем, у депортации шансы с самого начала были не слишком высоки.

⁶¹ Акрополь, прощай! (франц.)

Наверное, кто-то скажет ему: ты хотел им всем доказать, что ты взрослый. Неправда. Даже себе не хотел, не было в том необходимости. Он хотел ощутить вкус свободы – и не в том дело, в какой стране проживать и сколько сортов сыра покупать, а в том, что ты сам выбираешь все это. И не ведут тебя за ниточку ни громкие слова о долге, ни бурчание в голодном желудке, ни чужие люди в форме, ни идеологические программы всех мыслимых расцветок. Выбираешь сам – и Сане это, похоже, удалось.

Значит, можно не прятаться и жить дальше – свободным. Можно искать свое место... А где оно, это место? Здесь, со шваброй в руках? Вряд ли. На берегах теплых океанов, куда собрался Димон? Тоже не очень верится – разве что дети будут чувствовать этот берег своим домом, но когда они еще будут, эти дети... Или все-таки в Москве – в театре, универе, или может быть, просто там, где спускается вал тополей с Рождественского бульвара на Трубную площадь, где еще прячутся в переулках между Остоженкой и Пречистенкой старые деревянные домики, где умирляют городскую суету сосны Серебряного Бора... Проживи еще полвека здесь – а все это останется с тобой. Никуда не денется, сколько границ ни пересекай.

Как близко все это, в четырех часах полета – и как далеко. В другой жизни, куда не попадешь обратно, не отказавшись навсегда от этой. Но теперь, отныне и навсегда, он сам будет делать свой выбор.

В Амстелфейн Саша добрался поздним вечером. Открыл своим ключом дверь их маленькой квартиры, с кухни доносились веселые голоса Димы и еще какого-то парня. Саша заглянул туда, прямо как был, с рюкзаком за плечами. За столом с бутылками пива и чипсами сидели Дима и тихий болгарин Иво, который уже пару раз заходил к ним.

– О, Саня, здорово! Ну, как Париж?

– Как положено!

– Ну, тогда порядок. А мы тут как раз отмечаем, присоединяйся. Все, через три недели хвосты новозеландским коровам крутить будем. Билеты, паспорта – все оформили.

– Серьезно? Ну, поздравляю. Дим, а я тебе подарок привез, как ты просил, – и Саша выудил из рюкзака дурацкую майку с Эйфелевой башней. – Как видишь, стои́т!

– Ну, чтоб и у нас так стоял, – Дима скovyрнул с бутылки «Амстеля» крышку и протянул ее Сане, – спасибо, брат. Ты прикинь, Иво, – вот в чем буду на ранчо батрачить. Жаль, еще майку с Кремлем взять не догадался. Разве что тут на Ватерлоо у наших купить. Земляку, небось, со скидкой уступят.

– Хлебнули пива, Иво молча протянул Саше пачку чипсов, и Саша спросил его:

– Иво, тоже едешь?

⁶² Нет, вовсе ни о чем, не жалею я ни о чем... (франц.)

– Тоже еду, – кивнул болгарин, – наконец, будут документы у меня.

– Так, Санек, а теперь слушай, – неожиданно посерьезнел Дима. – Теперь деловой разговор начинается. В Новую Зеландию они еще год будут пускать, не меньше. Еще, конечно, есть Южная Африка, но что-то меня туда не тянет, там у негров разборки с белыми крутые пошли, ну его на хер. А еще, говорят, Канада принимает, но там холодно, и документы сложно собирать, особенно нелегалам. Ты не торопиться выбирать, и это правильно, только долго резину тоже не тяни. У меня есть знакомый мужик, адрес вон на бумажке, он тебе такие рекомендации добудет, закачаешься. С ними хоть в парламент избирайся. Подаешь пока документики в новозеландское посольство, я тебе сейчас распишу, куда и в каком виде. Они там потихоньку оформляются, а мы приедем, освоимся, напишу тебе, как там и что. Ты все взвесишь, а тем временем и бумаги готовы, они и денег не берут. Не захочешь – не поедешь, только... только все равно ведь надо легализоваться. Всю жизнь-то не пробомжуешь.

– Не, Дим, спасибо. Вы пишете, я, может, в гости приеду. А насовсем не хочу. Слишком далеко, не выберешься потом.

– Ну есть еще вариант, конечно – женись вон на Машке своей, хоть фиктивно, вот тебе и вид на жительство, а если не разойдетесь – годиков через пять и гражданство. Если бы у меня тут такая была, я бы остался. Голландский паспорт куда круче даже американского, всюду пускают, никто волком не косит.

– Знаешь, это вряд ли. Не очень-то у нас получается.

– В Париже как было, нормально? – спросил неожиданно Иво.

– Нормально. Я бы даже сказал, отлично.

– И вот еще что, Санек, – продолжил Дима, – тебе ведь одному эта квартира не потянуть, правильно? Так я тебе одного огурца приведу, если понравится – пусть он потом на мое место впишется.

– Наверно, не надо, Дим.

– А что так? Отдельную снимешь? Дороже встанет, смотри.

– Я вернусь домой.

– Что-о-о?

Дима даже привстал, выражая всем своим видом то, что явно хотел сказать, но не сказал: да чтобы обратно в этот совок, да ты совсем сбрендил, жрать там нечего, и никому ты не нужен, и вообще там гражданская война скоро начнется, и... – но ничего не сказал. Он умел промолчать. Саша всегда ценил в нем это качество. И сказал Дима только одно:

– Давно так решил, Санек?

– Два часа назад, Димон. Я возвращаюсь.

17. ... И ЗДРАВСТВУЙ!

Обратного пути как будто и не было.

Были нудные объяснения на регистрации, почему такой перевес, и Саша все-таки отказался сдавать в багаж вторую ручную кладь и платить, и правильно, потому что несли в салон и по четыре тяжеленные сумки. Был еще более нудный разговор с пограничниками в отдельном закутке возле паспортного контроля, и даже какое-то уважение в их голосе – надо же, сам возвращается! – и все-таки штраф за нарушение визового режима.

Был ТУ-154, разрезавший разреженную атмосферу на высоте 10 600 метров. Были две точки в пространстве – Схипхол и Шереметьево – между которыми он должен был провести единственно возможную прямую. Были три с половиной часа свободного времени, к которым шарообразность земли добавляла двухчасовую разницу во времени. Не было ни соседей (точнее были, но он их не запомнил), ни восторга от проплывавшей за иллюминатором географической карты. Собственно, не было и карты – низкие облака ранней осени поглотили самолет, едва тот оторвался от земли, и хотя на высоте сияло ослепительное солнце, но земля была прочно скрыта белой пеленой. Саша припомнил свой полет в Голландию – как он завидовал сидевшему у иллюминатора соседу (а теперь сам сидел на выгодном месте), как с удивлением пережевывал воздушный обед. Теперь еда казалась искусственной и дешевой, да впрочем, такой она и была. Привык уже к другой пище.

Были соседи-голландцы, туристическая группа, всю дорогу радостно сосавшие пиво и виски и делавшие неуклюжие комплименты стюардессам. Отрываются ребята по полной, отпуск у них.

Но все это было где-то на задворках сознания. Саша думал только о том, как все будет в России. Надо будет взять такси – и сразу к маме. Впрочем, на такси надо рублей – придется искать обменный пункт прямо в аэропорту, должен же быть. А может быть, попробовать предложить таксисту валюту? Не возьмет, наверно. Но попробовать стоит. А потом... И уже было невозможно логично представить себе, что будет потом. В сознании всплывал хоровод лиц, слов и имен – и все это должно было придти сразу и полностью, хотя сразу и полностью придти не могло. И Саша вновь и вновь погружался в болезненную лихорадку, не замечая ничего вокруг и уходя в только что придуманное будущее, которое через несколько часов должно было стать настоящим.

«Пристегните, пожалуйста, ремни». Почти неосязаемая перемена наклона самолета. Как долго, как мучительно долго снижается он с этих десяти тысяч метров до уровня человеческих жизней. Но все-таки – увеличившиеся деревья и здания проносятся в иллюминаторе, и сразу толчок снизу, и вжимает тебя в спинку кресла на торможении, и зачем-то аплодируют экипажу пассажиры, как будто удачное приземление – сложный акробатический трюк. «Наш самолет произвел посадку ... Температура за бортом ... Командир корабля и экипаж ...» Когда же подадут трап? Когда же?

Но все-таки подали, и вот они, экономический класс, выходят вслед за вальяжным бизнес-классом и бредут по железной кишке и застекленным коридорам к паспортному контролю. А там,

где в прошлый раз тарачилась тупая физиономия солдата, милостивая девушка с погонами прапорщика удивленно смотрит на единственный предшествующий штемпель: «декабрь 91-го» – и ставит новый: «октябрь 93-го». Но говорит только ласковое «пожалуйста».

Невыносимо долго приходится ждать у обшарпанного транспортера багаж. За доллар одалживать у грузчика в замызганном халате тележку на колесиках (в Схипхале-то бесплатно!). Потом заполнять дурацкие декларации, и снова стоять в очереди на таможне, и ползти мимо вялого с виду кота-чиновника в погонах, что ждет свою жирную мышку и пропускает их, ненужных таможне тараканов. Разлет стеклянных дверей, толпа встречающих и – Москва!

– Такси, такси, не надо?

– Сколько до проспекта Мира?

– Сегодня сотня, парень. Сам видишь, что творится.

– Чего сотня?

– Баксов, но можно и в рублях, если хошь.

– Сотня долларов?!

– Ну да, сегодня ты дешевле не найдешь. И автобусов точно не будет.

Измученный Саша выбрался на улицу – неужели и тут такие цены? Еще пара человек предлагала «такси, такси», но меньше сотни никто, действительно, не называл, да и в голосе их ощущалось какое-то нервное напряжение. Вокруг одного молодого парня собрался небольшой островок людей:

– Откуда ехал?

– С Пролетарской, по кольцу и по Ленинградке.

– Как там?

– Гаишников ни одного нет, веришь? И машин практически тоже. По кольцу шел сто, не меньше, на светофорах притормаживал, веришь?

– А видел кого?

– Этих-то? Ну, промелькнула пара автобусов с чудилами, уже когда на Тверскую с кольца сворачивал. Блин, как в кино: Ленин на броневике! Автоматы, флаги всякие – от красных до андреевских... Не, ребят, я сейчас последний рейс – и домой. Тут никаких денег не надо, если замочат вот так запросто...

Мужичок невысокого роста подхватил Сашу под локоть:

– Куда тебе, парень?

– Проспект мира. Сколько?

– Сотня, сотня, – и уже шепотом, на ухо: – Главное, садись, договоримся.

– А...

– Садись, садись.

Мужичок потащил его с тележкой к потрепанным жигулям (как бросалась теперь в глаза вся эта грязь, выбоины на асфальте, треснутое стекло в автомобиле – словно человек без штанов посреди толпы, а ведь раньше никогда такого не замечал!), лихо закидал его сумки в багажник.

– Понимаешь, сам там рядом живу, на Алексеевской, и вправду, пора выбираться, – затараторил мужик, – эти-то герои шас бабки с иностранцев посшибают, у них такса, я ж не могу тебе сразу сказать, что дешевле, мне ж потом кирдык, а ты парень хороший, сразу видно. Так что решил: с тебя семьдесят.

– Так тебе все равно по дороге домой? – в Саше просыпался прижимистый голландец, – тогда сорок.

– Шестьдесят, дорогой, последняя цена. Сам видишь, что творится.

– Ну, сговорились на полтиннике?

– Ладно, – мужик резво тронулся с места, – у меня жена, дети, вдруг чего, тут не до бабок, или мы не русские, друг другу помогать не должны...

Машина выбралась за ворота аэропорта и пошла по удивительно пустому шоссе в сторону Москвы. Саша жадно уставился в окно – и не мог налюбоваться на золотистые и багровые кроны деревьев у дороги. Надо же было подгадать с приездом именно на самое красивое и родное из всех времен года – золотую очень. На фоне деревьев проносились рекламные щиты, все те же SONY и TOSHIBA, а вот и что-то отечественное, крикливое, аляповатое – и даже не понятно, что рекламируют.

– Слушай, давай я по Кольцевой, накинь десяточку на лишний бензин, а то через центр стремно ехать, еще нарвешься на этих...

– Десяточку не накину, цена, как договорились, а маршрут мне, в принципе, без разницы. А на кого на этих, – которые как Ленин на броневике?

– Ну.

Они выехали на мост, и тут отчетливо слышалась какая-то дальняя глухая и нечастая дробь, и Саша даже не сразу опознал в ней выстрелы.

– Блин, да где ж это? – еще больше разволновался водитель.

– Не знаю, по воде звук хорошо идет, может быть где угодно, – со странным спокойствием отвечал Саша, может, теперь это тут верх крутизны, ездить на броневиках и стрелять в воздух. Только в воздух ли? И решил уточнить: – Слушай, а кто они, на броневике?

– Да кто ж... Защитники Белого Дома, мать их. Дядя Боря-то давно уж в отключке, известное дело, выпил с утра и весь день свободен, с документами работает.

– Защитники Белого Дома?!

– Ну да.

– Да как же... Мы же... Это же мы, тогда в августе, мы же ни в кого не стреляли, и как это может быть теперь...

– Так то август, парень, а теперь октябрь, – водитель оторвал колючие глаза от дороги и с недоуменной злостью взглянул на Сашу, – давненько ты, видать, по заграницам. Ну ничего, привыкай.

Березы и клены по обочинам дороги роняли свое золото, и им не было дела до перестрелки, паспортов и самолетов. Они просто росли здесь. Они жили.